

СУМЕРКИ ИМПЕРИИ

ТЕРНИКОВ АЛЕКСАНДР

Начинается Вторая Пуническая Война. За власть над Средиземноморьем, напрягая все силы, схлестнулись Римская и Карфагенская Республики. Борьба идёт не на жизнь, а на смерть! С лязгом оружия, многотысячные армии сшибаются на полях кровопролитных сражений. Освещаемые заревом пожарищ, под грохот катапульт, рушатся стены великих городов. В мясорубке войны не могут уцелеть даже самые хитроумные мудрецы, типа Архимеда. Рим очень могуч. Но в этот раз за Карфаген выступает бывший российский школьник, внося элемент неожиданности.

Глава 1

История — это прожитый роман, роман — это история, которую можно было бы прожить.

Э. и Ж. де Гонкур

Глава 1

События развивались стремительно, как сорвавшаяся с крутого горного склона лавина, ситуация, подгоняемая временем, бешено неслась вскачь. Как-никак переломный момент в истории! Но это было не в первый и не в последний раз.

Почему окружающий мир сходит с ума? Из-за внутренних причин? Или это воздействие космического излучения? Непонятно. Ответа нет. Но главное, что две крупнейшие державы западного Средиземноморья с грохотом готовились столкнуться и грубо уничтожить все то, что случайно попало между этими чудовищными жерновами. Утеря множества традиций, идеалов и обычаев становилось неизбежным сопутствующим ущербом.

Большая белая луна тает в утреннем перламутровом небе, обещая сегодня еще один чудесный день. И вскоре позднее осеннее андалусское солнце озаряет базальтовые скалы, кое-где покрытые виноградными лозами, как будто силу своих лучей, оно уже истощило за долгое знойное лето, оставив в преддверии зимы только холодную бесплодную ласку. Небеса — серые. А ведь это испанское небо! Глухая пора — предзимье. Ноябрь уж наступил...

Ноябрь 219 года до нашей эры, преддверие второй пунической войны. Эта война лишь продолжит череду прежних многочисленных побоищ Рима и Карфагена, как бусины четок следуют одна за другой по шелковому шнуру. Развязка наступает с неизбежностью осеннего дождя. Благословенная земля Андалусии, казалось, затаилась под гнетом горя.

Царит суровый закон: «живущее — погибнет». Сегодня ты здесь, а завтра тебя уже здесь нет. Жизнь идет под мрачным девизом: «Убивай, не то тебя убьют». Дерутся все и люди и коты. Все недолговечно: они подобны лишь пылинке пред ликом ветра. Никто не может жить вечно, самые яркие и те падают.

Беспощадные руки легионеров, по локоть в крови, готовятся смести южные испанские племенные микро королевства, часто размерами с выгон для скота, вассальные Карфагенской Республике, как гнилые плоды на мусорную свалку истории. Что для одних несчастье, для других — удача. Много поколений и бесчисленное множество народов уже ушли в небытие на древней земле Андалусии. Ходили многочисленные рассказы об ушедших цивилизациях, о древних царствах, о призраках, о страшных проклятиях — и, разумеется, о спрятанных в старых курганах сокровищах. "От героев былых времен, не осталось порой имен..."

Война уже официально объявлена, но военные действия еще не начались. Зимой никто не воюет. В прежние времена по окончании военной кампании легионы (легионеры-буквально "мобилизованные" от слова "легио" — сбор), состоящие в основном из крестьян-ополченцев распускались по домам, и только сила и стремительность вторжения Эпирского царя Пирра, произошедшие чуть более полувека назад, убедили Рим в необходимости иметь небольшую постоянную армию, хорошо обученную, дисциплинированную и всегда готовую к бою. На всякий случай, чтобы не застали врасплох "со спущенными штанами"...

Так что, все бурно готовится к весне, копят силы, осуществляют приготовления к боевым действиям. Грандиозная шахматная партия начинается. Или скорее всего это будут

конвульсивные, отчаянные скачки через препятствия: кто кого перескачет, схватит приз и кто сломает шею и ноги. Стипль-чез по-королевски!

Неясная черта горизонта дымилась в золотом огне красного полудиска. Новый город Гранада, буквально расцветающий под карфагенской властью, смирившей вечное соперничество враждебных иберийских племен, походил скорее на большую деревню, потому что в нем, за исключением некоторых мануфактур, складов, винокурень, было еще довольно мало нормальных домов, преобладали простенькие глинобитные хибары с соломенными крышами, напоминавшие лачуги умалишенных, приютившиеся под сенью корявых оливковых и инжирных деревьев.

Зато новоявленная Гранада была щедро окружена стогами сена, житницами и сараями, в которых помещались стада на ночь, потому что за городом были превосходные плодородные поля и на них изредка виднелись лачужки. Чудесные фруктовые сады и душистые персиковые рощи всегда давали богатые урожаи. Довольно богатая, плодородная земля. Жирный, мокрый краснозем. Бугристая долина вдоль реки- притока Гвадалквивира поражала своим плодородием, особенно на фоне преобладающей, вечно опаленной солнцем "льянуры" — сухой испанской равнины, где в условиях тотального дефицита воды можно только лишь пасти овец.

Но и развитие промышленности в окрестностях Гранады чувствовалось очень отчетливо. Прогресс и динамичное развитие завоевывали здесь все большую популярность. Над южными горами Сьерра-Невада то здесь, то там, чадили думки углежогов, вырубающих столетние дубравы, а на холмах дымили трубы грубых печей от варварских заводов, а в городе дым домашних очагов перемешивался с дымом многочисленных кузнец и гончарных мастерских. Кузни, красильни, кожевни, свалки на окраинах, гам, гвалт, грохот... Об экологии тут никто пока еще не задумывался, продолжая упорно загаживать целебный лик природы. Прогресс — он ведь вроде стада свиней. Польза есть? Есть! А посему нечего нос воротить потому, мол, что всюду насрано.

Рядом с городом несла свои живительные воды река Хениль, главная транспортная артерия, а так же источник воды и разнообразной рыбы. На этой реке вечно сновало немалое количество маленьких лодочек с парусами всех цветов — тартаны, баркасы и фелуки. Расположенные вокруг небольшие поля давали зерно, овощи и траву для домашних животных. Росший к югу, в горах и предгорьях лес давал дрова для костров, печей и очагов. Впрочем, вековой дубовый лес, дававший людям и древесину, и уголь, и дубильные вещества, был славен не только этим — дикие кабаны и домашние свиньи до отвала кормились желудями, и мясо у них было темно-красное, почти без сала.

Знаменитая испанская лень, рядящаяся в золотые лохмотья, под давлением неумолимых обстоятельств понемногу уступала место предприимчивости. Хутора превращались в села, а села — в города. Нищета потихоньку отступает и уходит, везде видны следы заботливости, даже обилия.

Самым большим домом Гранады был просторный двухэтажный особняк из красного кирпича, под черепичной крышей. Этот особняк, расположенный на улице Крыс, отличала грубоватая простота постройки, узкие продолговатые окна, оснащенные ставнями и решетками, узкие двери и бойницы, словно бы прорубленные в массивных стенах. Этот дом словно бы излучал ауру мрачной силы и власти...

Окружающий дом сад, укрывшийся от улицы, по которой всегда бегали оборванные ребятишки, за массивным забором, был совсем жалкий. Ему не было и года, так как саженцы

апельсиновых и абрикосовых деревьев в основном были высажены этой же весной. Только одинокий могучий каштан, которому было уже немало лет, здесь ярко выделялся на таком фоне своей основательностью. Впрочем, пересаженные кусты роз уже следующим летом должны были изрядно радовать взор здешних обитателей. А цветение олеандров, лимонов и померанцев должно было даровать необычайную сладость воздуху!

Это был еще ранний, мирный и спокойный час, но уже раздавались бодрящие петушиные крики и на улицах уже появлялись прохожие. Хозяева спешили отдать пастухам скотину, чтобы те отогнали ее на выпас. При этом пастух на ходу без всякой надобности трубил в рожок, проворно шлепая босыми ногами.

— Утро красит нежным светом стены древнего Кремля... — тихо напевая бодрую мелодию из вышеописанного дома во двор, выложенный диким камнем, подышать утренним прохладным воздухом, вышел молодой человек, которому на вид было не больше восемнадцати лет.

Обладатель горделивой осанки и атлетичной фигуры, высокий, смуглый, с короткими вьющимися черными волосами. Видно было что физически этот "благородный кабальеро" находится в превосходной форме, буквально излучая энергию. Избыток здоровья сказывался в каждом ее движении. В мускулистых руках с развитыми бицепсами молодого человека чувствовалась сила, а в глазах, отливающих зеленоватым оттенком, светился огонь чистой, горделивой молодости и недюжинный ум. Такое лицо должно было нравиться местным дамам: тонкие правильные черты, покрытые ровным золотистым загаром, выразительные глаза.

Ко всему этому надобно еще прибавить юные "гусарские" усики и небольшую бородку, придававшую еще больше выразительности лицу незнакомца. Высокий и широкий лоб юноши свидетельствовал о мужестве и честности, хотя, пожалуй, игравшая на губах неуловимая улыбка, лукавая и хитрая, отчасти ставила под сомнение это последнее его свойство.

Что же, молодость здесь является понятием относительным, так как большинство мальчиков уже в шестнадцать лет изъявляли желание исполнить долг гражданина и воина, переправляясь в казармы. Как говорится: "Эта армейская жизнь — сплошные удовольствия, можно валяться в постели почти до пяти утра!" Сейчас каждый мужчина с малолетства должен быть отважным, как лев, терпеливым, как бык, сильным, как вол, мудрым, как змий. Он должен быть также человеком, ведущим за собой честных людей, так как на поле битвы ценятся лишь смелость и боевая отвага. Еще лучше — происходить из проверенного временем древнего и благородного рода. Так как среди выходцев из простонародья довольно часто встречается противоположный вариант- мудрый как осел и храбрый как кролик.

Одет вышедший во двор добрый молодец был по-домашнему. На нем была туника, окрашенная красителем, изготовленным из вываренных мозгов лесного великана-зубра, поверх нее куртка-безрукавка из недубленой овчины, вывернутой мехом наружу, внизу — короткие холщовые штаны. Обувь ему заменяли кавалерийские сапоги из мягкой кожи, но без шпор. Подпоясан молодой человек был кожаным ремнем, за который был заткнут нож с широким лезвием. Этот нож с превосходным клинком из "дамасской стали" и рукояткой из слоновой кости сейчас стоил как крепкое поместье с прилегающей деревней. Могучую шею кабальеро украшало ожерелье из ограненных испанских опалов — доказательство того, что драгоценности можно найти даже в самых удивительных местах. Но возможно не следовало делать никаких заключений о незнакомце по его только наружному виду.

Наш молодой человек все ночь плохо спал, терзаемый мыслями о будущем, так как был здесь «свой среди чужих». А именно — попаданец.

«Черт возьми! — думал, — мы находится в очень дурном положении!.. Хуже губернаторского... Что же, посмотрим...»

Но давайте обо всем по порядку! Звали нашего героя Кирилл Окунев и всю свою прошлую жизнь он прожил в Москве, в 21 веке. Правда, этой жизни было всего-навсего 16 лет. Отец Кирилла был довольно обеспеченным человеком, был одним из руководителей международной логистической компанией. Не олигарх, но денежки имел и на сына их тратить не жалел. К счастью, деньги не развратили нашего парня, с младых ногтей он очень увлекся химией и весьма преуспел в ней на любительском уровне. В его натуре счастливо сочетались все необходимые хорошему химику качества: страстная любовь к делу, находчивость, профессиональная смелость и огромное терпение.

Да, не гений, но уровень технолога химического предприятия наш школьник уже бы осилил, так как ставил разнообразные опыты самостоятельно, без оглядки на книжные авторитеты. В общем-то занимался банальщиной, так что глаза и пальцы сохранил. Но и "ботаником" и "недоделком" не стал. Химия это увлечение, как футбол или рок-группы, не более того...

И вот наш бравый девятиклассник, на осенние каникулы получил подарок на день Рождения — тур в Тунис. Восемь дней и семь ночей. И готовясь к отдыху на побережье Средиземного моря, Кирилл предварительно почитал некоторую литературу. Особенно о борьбе Карфагена и Рима, в частности о 2-й Пунической войне. Надо же было такому случиться, что их самолет пострадал в результате террористической атаки и взорвался в воздухе. Парашюта у Кирилла с собой не было, а попытка интенсивно махать руками как крыльями, изображая из себя шмеля, ничем хорошим не закончилась. Девятиклассник с нескольких сотен метров нырнул в яхонтовую водяную массу осеннего Средиземного моря.

И вынырнул совершенно другим человеком! Вот такой вот выверт мироздания! Или тем же, но теперь все окружающие принимали Кирилла за Ганнона, младшего сына сенатора Малха. А тот был известный олигарх-латифундист, процветающий в Карфагенской Республике в конце III века до нашей эры. Из бывших военных, член Верховного совета Тридцати и глава столичной партии "баркидов". То есть политического направления милитаристов, всецело поддерживающих Ганнибала и одобряющих все его действия. Ганнибал же с младшими братьями создал фактически автономную державу в Иберии (Испании), продолжив путь завоеваний, проложенных его легендарным отцом Гамилькарком и мужем старшей сестры Гасдрубалом.

У Ганнона, кроме отца Малха в семье оказалось еще два старших брата: Бостар и Сафон. Наш российский школьник отнюдь не рефлексировал, всецело утонув в новой карфагенской реальности и жизни своего реликтового "близнеца"... Подбив свои "активы", возможности "отца" и свои знания из будущего Кирилл почувствовал, что он выиграл джек-пот на триллион долларов. Чистыми, после уплаты налогов. Не жизнь, а сплошная сказка! Огорчало лишь то, что война с Римом, повлекшая крушение Карфагенской державы, была буквально "на пороге". И "сладкая жизнь" попаданца быстро закончится морем крови и разрухой. Задача...

Фигней страдать было некогда, под задницей ощутимо припекало! Обычное дело. Человек человеку друг, товарищ и корм... Сообразив, что до 2-й Пунической войны осталось всего пару лет, Кирилл весьма возбудился и решил не терять зря времени. И попер к своим

целям с настойчивостью носорога, продирающегося через колючий африканский кустарник. Его решительность граничила с лихостью, дополняясь тонким чувством конъюнктуры и огромным выбором потенциальных новинок. С незамедлительным внедрением последних в дело. Все эти два года наш герой работал в спешке, иногда в пути, зачастую ночуя в крестьянских хижинах, каменоломнях или в лесу, часто без сна и впроголодь, но оставаясь всегда таким же невозмутимым, как привычный хирург у операционного стола.

Одно смущало. "Багаж", доставшийся от донора тела был крайне скуден, поэтому в чопорном и пронизанном вековыми традициями Карфагене наш герой ощущал себя очень скованно. Спалиться можно было на раз-два. Скажи что-нибудь лишнее, и это может быть неправильно услышано. Не так понято. Превратно истолковано. И ты можешь оказаться за решеткой. Ты можешь быть убит. Если даже местные жрецы и не зажарят тебя на костре как "одержимого нечистой силой", то все равно спокойной жизни не будет. А надобно заметить, что Кирилл пока ощущал себя по жизни стихийным анархистом. Со всем своим юношеским максимализмом, всецело направленным на сохранение собственной индивидуальности...

Кроме вышеизложенного, других плюшек "высшие силы" Кириллу не отвесили. Совершенно! Второй шанс для жизни — да. Но ни тебе второй молодости, ни магической силы, ни сказочной физической мощи, ни адамантиевой брони под кожу, ни особых местных знаний и навыков. Ничего такого он не приобрел. Голяк! И даже с языками у Кирилла всегда было "все сложно". "Родные" русский и финикийский он знал прекрасно, а вот в иностранных постоянно "плавал".

Что в теперь уже никому не нужном английском, что в изучаемых Ганноном латыни, греческом и иберийском (гасконском или баском). Впрочем, что-то в голове все равно отложилось и Кирилл резонно решил, что для жизни этого вполне достаточно. Что-то понимает, что-то сказать может и ладно. Это терпимо. Переводчиком же ему работать не надо. А так как североафриканскими языками парень не владел от слова "совсем", то свою автономную промышленную базу решил развивать в южной Испании. А отца Малха нагло и цинично заинтересовать материально, благо много интересного Кирилл мог сделать буквально на коленке.

И пошло-поехало. Главные критерии: максимально быстро и просто. Для начала, по примеру прочих попаданцев, наш дерзкий герой сделал ценный краситель "берлинскую лазурь". И черный порох. И в рамках общего замысла спешно отбыл в Испанию, в качестве полномочного представителя "Торгового дома сенатора Малха". Сын одного из главных министров как-никак! А тут для деятельности- поле непаханое. Отличных вариантов — масса. Ох как он развернулся! В числе прочего можно упомянуть многое. И работу на отвалах серебряных рудников Нового Карфагена. Применяя метод очистки породы при помощи соли и ртути Кирилл получал немало добавочного полновесного серебра. И лесопилки и портовые мощности Малаги. И торговля в Гадесе (Кадиксе). В том числе отправка экспедиций за золотом в Гвинею, с транзитом через Канарские острова и острова Зеленого мыса.

Тут же разработка на паях при помощи методов "калифорнийской золотой лихорадки 19 века" золотых рудников Уэльвы. Тут и развитие небольшого туземного поселка в мощный город-порт Севилью. Там же происходило налаживание производства стекла и драгоценных зеркал с применением серебряной амальгамы. И развитие на севере Кордовы, с упором на горные рудники Сьерра-Морены. И серебряные, и медные, и свинцовые, и ртутные. И бурное развитие своей основной базы в Испании- города Гранады, славящимся наличием в округе

сырья для пороховых заводов. И до кучи здесь же было организовано производство кислот, железа и стали буквально в промышленных масштабах. И это только основные производства, а были и вспомогательные: гончарные, оружейные, ткацкие, красильные. Кроме этого по совету окрыленного парня в Алжире и Ливии "папаша Малх" серьезно занялся нефтедобычей. В общем, наш Кирюша развернулся на славу и неплохо встряхнул реальность!

Деньги сыпались в кошель к нашему фигуранту со всех сторон. Так плодотворно прошло полтора года. А потом потихоньку Кирилл начал втягиваться в конфликт с Римом. Войны избежать невозможно, так что оттягивать ее смысла никакого нет. И попаданец потихоньку перешел к организации «операции "Ы"» в весьма извращенном формате. Для начала был создан первый кораблик. Легкий и быстрый гребной драккар, из эпохи викингов. И посаженный на этот корабль пиратский экипаж начал потихоньку щипать греческих союзников Рима в Западном Средиземноморье.

А поскольку грабить задачи не было, так как "золотых караванов из Америки" тут нет и еще долго не будет, то связываться с банальными грузами из зерна, и горшками-амфорами с дешевым массовым вином и оливковым маслом, особого смысла не имелось. Да и светиться раньше времени не следовало, грубо привлекая к себе внимание властного Рима. И вообще, болтун — находка для шпиона! Зачем же играть так грубо? Мы поступим умнее. Скрытность никому не повредит. Так что греческие купеческие суда (вместе с экипажами) просто сжигали, используя для этого горшки с нефтью. "Гори-гори ясно, чтобы не погасло!" Так и проще, и надежнее выходило. Резвились как могли!

А поскольку у пиратов, этих лихих парней, были еще и керамические горшки с порохом, вместо гранат, то и военным кораблям греков и римлян приходилось несладко. Особенно если нападать на них скрытно, ночью. Тогда для соперников получалось — без шансов. Раз. И все. Пока спохватился- уже поздно пить Боржоми....

Сейчас уже таких пиратских драккаров, заставляющих бледнеть чужих мореходов, построили три штуки. А в следующем году в строй вступят к концу лета еще три. Но чтобы бороться за господство на море, где у Рима огромный перевес четыре сотни военных судов против восьмидесяти карфагенских, этого катастрофически мало. А флот требовал денег. Много денег. Очень много денег. И времени. И больших запасов корабельного леса, чем Северная Африка и Андалусия похвастаться совершенно не могли. Так что Рим остается "властелином морей". Сила была на их стороне. Никаких сомнений. Хотя теперь "сынам Капитолийской волчицы", этим самодовольным ублюдкам, плавать западнее Балеарских островов — ой как неуютно. А вернее сказать — смертельно опасно.

А потом и Кириллу пришлось этим летом "засучить рукава" и изображать из себя полководца. Хотя он в военном деле "ни ухом, ни рылом". И даже рядом не проходил. Так как Ганнибал позорно надолго увяз под стенами Сагунта. Или как местные иберийцы называли его — Зацинто. И ни туда, ни сюда. Застрял... Как глупый школьник головой в металлическом заборе! Банально и грустно... Это было сущее безумие! А значит что? Правильно. Пришлось "Надежду Карфагена" спешно выручать. Слишком уж высоки ставки.

Но и тут получилось не так чтобы очень хорошо. Нет, стены мятежного полугреческого города Сагунта Кирилл успешно взорвал. И даже не один раз. Но это не особо помогло. Не в стенах оказалось дело... Не стенами крепок город, а духом своих воинов. А при штурмах брешей разноплеменные наемники Ганнибала себя проявили не с самой лучшей стороны. Охваченные гипнозом битвы горожане несколько раз их разбили и отогнали от проломов. Но все же Сагунт потихоньку-полегоньку додавили, выиграв для дела пару месяцев.... А время

сейчас — на вес ограненных бриллиантов!

Кирилл уже почти недели три как вернулся из опаленных пожарищами руин Сугунта в Гранадуну. Задержался на севере он намного дольше чем рассчитывал, оставив все свои производства без хозяйского присмотра и надзора и теперь расхлебывал полной мерой. Все же действует на «ручном приводе». С одной стороны все было не так уж плохо. Его главный гранадский управляющий карфагенянин Абиваал свое дело знал хорошо. На редкость упорный тип. И опытный. «Колхоз "Сорок лет без урожая"» работал без сбоев.

Кирилл с самого начала разбил технологические процессы на самые простейшие составляющие. Потом необходимую частицу показывал работнику из категории «принеси-подай» на личном примере "делай как я" и передавал дела в рабочие руки. Должна любая деревенщина справиться! Хотя частенько разговаривать с этими дикарями он мог только языком жестов или с помощью рисунков, тем не менее рабочие почти всегда понимали его правильно. Назначенный администратор контролировал общий процесс и присматривал за работниками. Система работала...

Там где все было освоено и отработано, там развитие шло успешно. В окрестностях города уже были построены четыре громадные печи с наклонными трубами "инкского типа". В одной обжигали кирпич, черепицу и известняк. В другой производили тоннами серную кислоту, в третьей — отливали громадные железные крицы, в четвертой по индийской технологии перерабатывали готовые железные крицы в сталь.

По реке поступали на баржах в громадных объемах как серный колчедан так и каменный уголь. С гор углежоги по той же реке сплавливали изготавливаемый древесный уголь, поташ и смолу, а лесозаготовители — вековые деревья. Кустарные пороховые заводи в округе работали на полную мощность. На складах лежали буквально тонны темных брусков гранулированного черного пороха. Многочисленные гончарные и оружейные мастерские вырабатывали на гора массу продукции. Производство спирта была поставлено на промышленную основу. Потoki людей сновали туда и сюда, все время.

Это было хорошо. Но вот с внедрением новшеств без контроля Кирилла местные уперлись в тупик. Вернее прибежали туда бегом. Умных парней тут еще можно было найти, но ученых, создающих ракеты, отродясь не водилось. Гарвардов здесь никто не заканчивал.

Пороха теперь у местных было уже много, а вот огнестрела не было- совсем. Перед поездкой под стены осажденного Сагунта Кирилл расписал множество заданий на эту тему, но почти все его задумки пошли прахом. К примеру, из бронзы по чертежам отлили револьвер типа "кольт". Получилось как у старика Хоттабыча- внешне идентично (копия таких высоких стандартов, что поверить просто невозможно), но не фига не работает. Пружин-то у них необходимых нет, и такие маленькие пока не сделать, хоть убейся об стену. Из необходимых присадок к стали у них имелся только импортный марганец из Малой Азии, но не было ни хрома, ни никеля. Обидно. Горько. А что поделаешь? Ну и к лешему с этим револьвером... Пустая трата времени!

Что-то подобное Кирилл и предполагал поэтому ему сделали и простой однозарядный фитильный пистоль, типа поджиг. Тут-то такую примитивную идею испоганить почти невозможно. И что же? При стрельбах ствол этого неказистого пистоля разорвало на фиг. Хорошо хоть Кирилл озаботился техникой безопасности, стрелял на полигоне из-за здорового дощатого щита "павуа", а свою руку защитил толстой тряпкой. И все равно кисть отсушило и поцарапало! Слава богу, ничего серьезного. Все же пистолеты это Вам не хухры-мухры. Это Вам не с В.И. Лениным организовывать коммунистическую партию, под

лозунгом "Забацаем партейку! Пять копеек — вист!" Тут думать надо!

В общем, бронзовый ствол для пистоля однозначно не подходил. Конечно, можно сделать такой ствол тяжеленным и толстым, типа маленькой пушки. Но еще лучше сделать его сразу из стали. А еще лучше из "толедской стали". Это известный европейский бренд. В тех диковинных местах, вероятно, в железной руде имеются сразу необходимые добавки. Или же там находятся большие залежи гематита, железной руды, образовавшейся давным-давно при падении метеоритов.

И значит нужно создавать еще одну металлургическую базу севернее гор Сьерра-Морена, в долине реки Тахо. Благо ушлый Ганнибал ее уже пару лет как ее завоевал и уже пару раз подавил там ежегодные восстания. Но этим можно заняться не раньше следующей весны. А до кучи пусть там изготавливают бумагу из лыка по самаркандскому методу (или же по методу ацтеков). И чтобы не забыть надо распорядиться возле Севильи, в устье Гвадалквивира построить картонажную фабрику, использующую вместо сырья местный камыш. Целлюлоза нам нужна!

С пушками тоже вышло все не слава богу. Методом точного литья в разборных формах их отлили из бронзы сразу три штуки. Стоит каждая такая "вандервафля" — закачаешься! Если переводить все в местный денежный эквивалент, в коровы, то на каждую пушку одного только ценного металла ушло в стоимость трехтысячного стада. Всего, стало быть, эта батарея обошлась в девять тысяч голов. А даже спустя тысячу лет Карл Великий практически уничтожил огромное племя саксов, потому что те постоянно бунтовали, не желая платить бешенную дань в пятьсот коров ежегодно. Да при таких тратах сам Абрамович со своей супер яхтой выглядит форменным нищесбродом! Однажды наркобарон Пабло Эскобар, скрываясь от полиции в горах Колумбии, ночью спалил на костре, чтобы согреться, два миллиона долларов, взятых на самый пожарный случай. Вот эти пушки из той же оперы...

Но одну пушку осторожный Кирилл при осмотре из-за раковин в стволе сразу забраковал и отправил на переплавку. От греха подальше. И как в воду глядел. Так как еще одна пушка разорвалась прямо на полигоне и ранила пушкаря. Закон подлости работает везде и во все времена! Хорошо хоть использовали при испытаниях длинный шест с фитилем, иначе бы этого беднягу разорвало на кусочки, а так через месяц будет "как новенький". А шрамы только украшают мужчину.

Вот интересно, как это у Кортеса, почти сразу после завоевания Мексики, дикари ацтеки не знавшие бронзы, люди каменного века, почти моментально стали хорошие пушки лить? Особенно учитывая тот факт, что о литейщике в армии Кортеса никто не слышал?

А с третьей пушкой, успешно прошедшей испытания, Кирилл соображал, что делать. Где ее использовать? Получилась маленькая, а тяжеленная. А нормальных дорог здесь нет, только направления. И не везде можно телегу с волами или лошадьми пустить. А шестьсот килограмм (без лафета) на руках таскать довольно тяжело. Тут шесть человек не справятся. И даже восьми артиллеристам будет некомфортно. А результат? Ну, стрельнешь ты со ста метров по массе воинов противника каменным ядром, размером с персик. Одного убьешь точно.

Только такое ядро тело не пробьет. Так что если парочку врагов убьешь и парочку ранишь — то это будет отличный вариант. А потом очень разгневанные мужчины, донельзя возбужденные, побегут к тебе доказывая как ты не прав. И сто метров они преодолеют секунд за пятнадцать. Или за двадцать. Перезарядить ты свою пушку по любому не успеешь. Пока пробанишь с уксусом, чтобы погасить искры, плюс отдельное зарядание... Убежать с

такой тяжестью — не убежишь. Бросать — жалко.

Какая-то одноразовая пушка получается, а ведь это же целых шестьсот килограмм бронзы. Почти полтысячи человек можно вооружить короткими гладиусами, сделанными из этого ценного металла. А тут частенько народ дубьем воюет. А если сделать из этого металла банальные стрелы, то при удаче можно ими потенциально перебить десять тысяч вражеских воинов. Вот теперь сиди и думай, что каждая новая технология на первоначальном этапе сильно уступает старой, уже хорошо отработанной...

Главное — думать позитивно. Во все времена лозунг всегда один: "Пушки вместо масла!" Значит он себя оправдывает! Получается, что стрелять из новой пушки лучше всего с крепостных стен. Или по крепостным стенам, в случае осады города. Но тут калибр для осадного орудия маловат. Сильно...

Что же касается стрельбы с палубы корабля, то тут нужно справиться с отдачей. Сила действия — равна силе противодействия. С какой силой ядро врежется в борт вражеского корабля, с такой же силой пушка при откате отлетит, ломая борт и палубу своего судна. Европейцы лет сто решали эту проблему по использованию корабельной артиллерии. Решили комплексно, используя и деревянные треугольные платформы, чтобы отлетая, пушка заезжала вверх, а потом сама, под действие силы тяжести, становилась на место. И толстые упругие канаты, амортизирующие отскок.

В общем, Кирилл приказал отправить эту пушку вниз по реке, в Севилью. Пусть там организуют какую-нибудь старую баржу и нарабатывают практику. Стрелять с качающейся палубы совсем не то, что с твердой земной поверхности. А учитывая, что прицел сейчас осуществляют клиньями, "на глазок", нарабатывание подобной практики дело не быстрое.

Получается, что процесс революционного перевооружения личной армии Кирилла забуксовал. Сильно. Но это было еще половина беды. Настоящая беда была в том, что никакой армии у Кирилла собрать не получалось. Да, ему удалось отобрать себе десяток личных охранников. Из числа отборных, хорошо обученных убийц, "рубщиков голов". Даже коней им удалось найти, хотя сидели все они верхом в стиле как "кобель на заборе". Да, охранную сотню из пехотинцев, скопище вооруженных головорезов, тоже удалось собрать. Нормальных вояк, где-то даже отборных. Да все три пиратских судна оснастили нормальными экипажами.

И на этом пока все. Тупик. Ибо "Кадры решают все!" — как выразился один усатый генералиссимус. А Ганнибал выжал Испанию словно половую тряпку. Он, совершенно убежденный что земля плоская, собирался весной рвануть сушей в Италию, чтобы воевать на вражеской территории. Поэтому собирал стотысячное войско. Так как у Рима под знаменами постоянного войска двести тысяч человек и меньшим числом там делать абсолютно нечего. Вот не сидится ему на месте, прыгает словно блоха под скипидаром!

А сейчас на всем Пиренейском полуострове, где от тоски дохнут вороны, живет менее двух миллионов человек. В том числе, на территории подвластной Карфагену — тысяч восемьсот. Вот Ганнибал с ретивостью человека, продирающегося через джунгли с мачете в руке и рубит сплеча. Он собирается мобилизовать весь возможный контингент по максимуму. Мол, что вам дома сидеть, нажравшись диетической лебеды, черемши, репы и прочих полезностей. Не лучше ли Вам, чем бестолково дергать сиськи тощим коровам всем как один погибнуть в битве за урожай! Нет, не то. В борьбе за правое дело! Ну, что-то в этом роде...

А на долю Кирилла оставались либо юноши 16–17 лет, которым в дальний поход идти

было рано, либо ветераны, которым осуществлять такой марш-бросок было невероятно тяжело. Да и этих добровольцев было — "кот наплакал". Если зачислять в ряды всех желающих то и четырех сотен новичков не наберется. И плюс к этому еще и дрессировать личный состав как правильно сражаться в строю совершенно некому. Нужные специалисты только в Греции, Македонии или Риме имеются.

А борьба будет идти на встречных курсах. "Кот из дома- мыши в пляс". Ганнибал отправится в Италию, римляне со своей неистовой жестокостью — сюда, в Иберию. И с кем же их встречать? Большой вопрос! Сципион Старший морем отправит сюда два римских легиона, а это десять тысяч бойцов. Но это только римляне! Прибавим к ним еще два легиона латинских союзников, да к ним еще пару- тройку "союзнических" легионов, собранных из прочих италийцев. О таких союзниках римские историки, придворные жополизы, всегда стыдливо умалчивают. Триста спартанцев и все! А остальные 1200 греков и 600 прислужников-илотов просто там мимо Фермопил проходили. Может не надо рассказывать нам сказки?

Это у противников набирается уже тридцать пять тысяч. Тут уже двумя большими и злыми собаками не отделаешься....

Да плюс к этому греки из французского Лазурного берега и испанского Солнечного берега с криками ура-улю выставят в помощь Риму еще тысяч пять воинов. И испанцы из враждебных племен, поддавшись на посулы пришельцев, присоединятся к завоевателям. А это еще тридцать или сорок тысяч. Всего считаем тысяч семьдесят-восемьдесят. Так что тридцатитысячному контингенту из карфагенян и их испанских союзников придется совсем плохо. Веселой вечеринки не получится. Карфагеняне сразу потеряют север Иберии, а потом и юг. И Кирилл большой помощи им оказать не сможет. При всем своем желании, ибо не с кем ему геройствовать.

Вот такие тягостные мысли отягощали буйную голову нашего беспокойного попаданца. С утра пораньше. Так как бессонница замучила. Как будто ему засунули в задницу раскаленную кочергу. По самую ручку! Кирилл, прогоняя ситуацию и так и сяк, от напряжения отбивал пальцами нервную дробь на своем бедре. Как же вывернуться из такой задницы?

Взгляд молодого человека, не задерживаясь, скользил по двору, напоминавшему идиллическую пастораль. Огромная цепная собака лежала в зеленой будке, свесив язык. В загородке конюшни лоснились фигуры сытых коренастых и мохнатых верховых лошадей; веселый осел, хлопая ушами, добродушно косился на задиристого петуха, рывшего лапой навоз под самым его копытом; голубые и белые голуби стаями носились в воздухе. Короткошерстная кошка наблюдала за птицами. Сей буколический вид, контрастировал с внутренним состоянием парня.

Пугающий вопрос: «Что будет дальше?» Ситуация оставалась крайне нестабильной. Судьбу не перехитришь.

Нельзя терять время. Не надо гадать, как и почему это произошло. Не надо винить себя. Не надо искать виновных. Не надо думать о том, как избежать повторения той же ошибки. Всем этим можно будет заняться позже. Если останешься жив. Первым делом надо под другим углом оценить ситуацию. Проанализировать. Определить минусы. Найти плюсы. В соответствии с этим составить план действий. Если сделать так, у тебя появится шанс продержаться и потом заняться всем остальным.

Жгучая, острая тоска затравленного зверя сдавила Кириллу грудь, и он гневно скрипнул

зубами. Весь момент напоминал ошибку в числе ступенек лестницы, когда сдержанное движение ноги внезапно встречает пустоту и человек, лишенный равновесия, — вдруг замирает, оглушенный падением, причина которого становится ему ясна даже раньше, чем руки падающего упрутся в землю. Но свежая голова хорошо работает.

Решение было принято. Как говорится с суровой ясностью: "Ухо! Ухо! Поздно, уже прокомпостируют!"

Кирилл зычно закричал, сделав строгую "морду лица":

— Окта!

На пороге появился испуганный слуга, классического античного типа, в тунике, плаще и сандалиях. Вся одежда была темных цветов, очень любимых иберийцами. Этот слуга был чем-то неуловимо был похож на хорошо вышколенного стюарда, работающего на океанском лайнере.

— Чего изволите, господин? — угодливо спросил этот смуглый и чернявый сын Андалусии с натруженными крестьянскими руками.

— Опять на кухне с бабами хихикал? Смотри дождешься у меня! Давай завтрак быстро. И соберите меня в дорогу, сразу после завтрака я отправляюсь напрямик через Красную Седловину в Малагу, и оттуда на корабле сразу в Карфаген, пока навигация не закрылась.

Секунду промедлив, Кирилл, ощущая трепет борьбы и чувствуя себя несокрушимой силой, гением, озаренным молниями, властно добавил:

— И уложите ко мне в багаж два новых арбалета, что натягиваются при помощи ворота. Поторапливайтесь!

Война это не боксерский ринг. Здесь нет никаких правил. Все запреты и ограничения равносильны смерти. Бей первым, бей изо всех сил. Насмерть. "Мертвые не кусаются" — как поговаривал известный капитан Флинт из "Острова Сокровищ". Как говорил товарищ Сталин: "Ликвидацию неграмотности мы уже закончили. Пора приниматься за ликвидацию грамотных". Так что мы еще побарахтаемся! Под популярным шахматным лозунгом: "На каждый шах — ответим матом!" Казалось бы, план просто безупречный. Так что будет для "дорогих итальянских гостей" традиционная раздача пощечин, гоголь-моголь, истерика и другие аттракционы.

Через десять дней наш одинокий искатель приключений прибыл в окруженный циклопическими стенами Карфаген.

— Гребцы, сушить весла, — звучит финальная команда, завершающая плавание.

Рядом виднелся огромный мегаполис Карфагена — загадочный, таинственный и непостижимый, как человеческая душа. О, эти величественные массивные стены Карфагена, построенные из песчаника, покрашенного известью, и отражавшиеся от них ослепительные лучи небесного светила. А еще — великолепная Агора (главное место встреч и собраний) и изысканные гавани-близнецы! Даже в преддверии зимы в городе, было достаточно тепло, здесь почти каждый день светило солнце.

Кирилл снова прибыл в восточный Торговый порт "Хома", откуда до Бирсы, очарованного зноем старинного района, где находилось поместье сенатора Малха, было рукой подать.

Все относительно конечно, для грандиозного четверть миллионного города, не имеющего городского транспорта. Но пешком дойти за полтора часа до нужного места возможно было. А пройтись — в радость. Ведь, как всякий сухопутный человек, Кирилл всегда очень страдал при плаваниях от морской болезни. Как обычно всю дорогу лежал и блевал... Бе! Что для финикийца было редкостью. А как нарочно этой поздней осенью на море было достаточно свежо, как будто Мелькарт, морской бог, яростно грыз свой трезубец.

Старый порт Карфагена издавна был пересечением дорог и торговых путей, здесь можно было увидеть людей всех рас и цветов кожи. Густые, тяжелые лучи солнца торчали в просветах овчин-облаков, подобно золотым шпагам, сверкающим на голубом бархате, пока парень осуществлял свой путь, пробираясь по улочкам сквозь пеструю толпу людей. Мощные стены, кварталы бедноты, лавки, рынки, мастерские, кварталы среднего класса, храмы, местная "Рублевка". У каждого квартала было свое лицо, и как-то упорядочить, отнести их к определенной категории было просто невозможно. «Кто не видел Карфагена, тот не видел чуда» — гласит пословица.

Вот, наконец, и угол улицы Пса и переулка Слепых. Дом, милый дом. Словно скопированный из сказки Шехерезады. Расположенный возле холма с главным храмом Эшмуна. Кирилл не был в Карфагене, городе называемом "Благоухающей белой невестой Запада", "расцелованным Солнцем", уже два года. Вечно не было времени.

Привратник в отцовском доме, посаженный у ворот вместо цепного пса, был уже другой, не тот что тут был два года назад, но тоже чернокожий. По видимому на родине этот громадный молодой негр был важным человеком, о чем говорил кожаный козырек на его лбу. Во многих негритянских племенах, местное начальство — "мганги" надрезает себе кожу на лбу и спускает вниз, наподобие чулка. А в место надреза втирают пепел, чтобы образовался ритуальный шрам.

Слухи о прибытии Кирилла, известного здесь как Ганнон, в порт Хома, уже долетели сюда с быстротой ветра, так что сенатор уже был дома и предупредил привратника.

— Проходите, молодой господин, — с петушиной важностью приветствовал чернокожий гостя, словно особу королевской крови, сияя белоснежной улыбкой остро заточенных треугольных, как у акулы, зубов.

Очевидно, этот обитатель Черной Африки относился к разряду плотоядных. Кстати, зубы у негров такие же желтые как и остальных людей, просто контраст с черной кожей создает "эффект сияния". А этот внушительный привратник-каннибал, возвышался над всеми почти двухметровой черной башней.

Пройдя сад, мимо цветочных клумб и небольшого фонтана, перед каменным двухэтажным домом, окруженным сплошной стеной маличника, бузины и высоких, шумящих фруктовых деревьев, Кирилл заметил встречающего его сенатора. Когда-то тот был воин, каких мало. Жить в этом роскошном поместье в неге и роскоши было совсем недурно (тепло, светло и мухи не кусают), вот только прелесть жизни отравляла особая порода людей, именуемая «римлянами».

— Слава богине Танит! Наконец-то, впервые за два года ты сподобился приехать домой, — набросился на него с шутливыми упреками коренастый, плотно сбитый и бородатый "папаша". — Похож на меня, а кажешься выше на целых две головы — мерзавец! А давно ли, выстругав деревянный меч, ты отправлялся на городской пустырь, покорять дерзкий чертополох. А сейчас? Могучий ливанский кедр! К тому же литой из железа! Не посмотри на себя, Ганнон, на кого ты стал походить? Как ты одет? Совсем в своей Иберии стал настоящим варваром! Надеюсь, ты собрался жениться? А то у меня есть на примете отличный вариант.

В несколько насмешливом взгляде сенатора мелькал огонек, присущий людям, рожденным для блеска и власти... Его осанка и черты лица свидетельствовали о богатстве и благородном происхождении, а необычный эскорт указывал на человека, облеченного большой властью. За Малхом стояли две прекрасные рабыни-северянки, родом из кельтов, с полуоткрытыми роскошными белыми грудями, с ногами укутанными разноцветными тканями. Девушки были увенчаны фиалками.

Кирилл радушно обнял "отца". Он его почти любил, и искренне уважал. Слишком много было завязано в этом мире на многоуважаемого благородного сенатора с большим сердцем. В его нынешней жизни. Малх был главной опорой Кирилла.

— Какая такая женитьба? — начал на правах любимца, довольно фамильярно и задорно отшучиваться парень, улыбаясь радостно и открыто. — Зачем она вообще нужна при нашем рабовладельческом строе? Когда любая рабыня (и даже любой раб) искренне рад в любой момент ублажить меня в койке? Никто не хочет попасть в шахты и каменоломни, чтобы сгореть там за год! А ты знаешь отец, что у меня в управлении и в доле собственности более десятка рудников. А это значит туда тысячу человек каждый год вынь и положи!

Это было небольшим преувеличением. Действительно в местных шахтах рабы могли продержаться год. Максимум три. К примеру, на галерах три года, максимум пять. Но у Кирилла в шахтах широко использовались порох и взрывчатка. Так что он из человеколюбия обходился ежегодно для своего горнорудного направления тремя сотнями бедолаг. Без рабов что делать будешь? Роботов здесь нет, а работяг здесь еще так не измордовали, чтобы они за кусок хлеба в шахту на погибель лезли!

Се-ля-ви! Как говорят греческие философы: "Без рабства нет государства." Не будет преувеличением охарактеризовать работы на серебряных и медных рудниках, в каменоломнях, на рубке леса гребле на галерах как древний «Гулаг», принимая во внимание их бригадный характер и высокий уровень смертности.

К тому же, брак с дальний родственницей, а всякие двоюродные и троюродные братья и сестры, кузены и кузины, через браки снова попавшие в семью, чтобы сохранить и

приумножить капитал, — не столь уж редкое явление в старинных аристократических семьях (поколение за поколением никто не хотел отходить от источника богатства и власти) — Кириллу совсем не улыбался. Абсолютно.

— А то, что хваленный греческий Аполлон передо мной свинья свиньей, это я тоже знаю, — картинно добавил приезжий гость, явно не страдающий скромностью. — Я ус имею черный, не хуже чем кто другой, для дам слуга покорный!

— Вы только посмотрите на него! Любимец богини любви — Астарты. Высадите его на голый риф, и он моментально влюбится. В кого? В том-то и весь секрет... Ладно, — еще годик можешь погулять пока молодой, если жениться не хочешь, — покладисто согласился сенатор, потрянув кудрями цвета перца с солью. — А потом ты у меня не отвертишься. Ах, какую я тебе невесту приготовил! Персик, нежный персик! Маленькая козочка! Чистая голубка! Божественный дар вселенной! Но первым делом у нас сегодня вечером пир! Согласно законам гостеприимства!

— Погоди отец, — давай пока на пороге поговорим о делах, — заволновался Кирилл, — у меня очень мало времени. Катастрофично. Так что помоги мне с ходу, начнем процесс, а потом уже я отдохну и помоюсь с дороги.

— Вечно спешишь! Ну что там у тебя? Даже в дом еще не вошли! Что за манеры для благородного аристократа — вечно как на пожаре! Когда же ты, наконец, освоишь мои уроки? «Терпение, терпение и терпение». Пусть весь мир провалится в бездну, ты, человек высшей касты, и бровью не должен повести!

— Есть реальная тема. Я горю по срокам! Навигация закрывается, а мне надо в Рим людей на перекладных через Киренаику отправить. А до этого еще надо их найти и обучить! В общем, хоть по примеру еврейского царя Иисуса Навина бег светил на небесах останавливай, чтобы день не кончался.

— Вечно у тебя какой-то аврал в уличном балагане! Ты же не в пивной! — недовольно заметил Малх, с шутливостью удава. — Так, что надо делать?

— Ради Ваал-Сафона, распорядись, пошли людей на рабский рынок! Прошерсти наши поместья, латифундии, дома друзей в городе и окрестностях. Мне срочно нужны две или три греческие семьи из рабов, чтобы таких не жалко было потерять. Если успеем, если найдем... Мне везет, как утопленнику. Ах, все пропало! Но я бы охотно съел сейчас пару жареных куриц и домашнюю колбасу. Все равно, жизнь испорчена! — свой сбивчивый монолог закончил парень веселой шуткой.

— И что у тебя за вкус к различному гастрономическому убожеству! У нас как раз приготовили свежих омаров и пряную баранину в горшочках с овощами, под пикантным соусом. Ладно, пока не спрашиваю, после бани все сам мне расскажешь! Посмотрим, в чем суть веселья! — внушительно заметил сенатор Карфагена и, позвал финикийца-дворецкого, отдал ему соответствующие распоряжение. Работа пошла...

Потом Кирилл поднялся на второй этаж особняка, в свои прежние юношеские покои. Открыв дверь из лимонного дерева с эбеновыми инкрустациями, он вошел внутрь. Тут был полный бардак, словно в театральной кладовке реквизита: оружие, мечи с золотыми насечками, мандолины, арфы, кубки, серебряные кувшины, шкуры животных, в том числе львиные и леопардовые, разнообразные ковры, атласные и бархатные подушки, большие, неизвестно набитые чем сундуки и множество дорогих костюмов, сваленных в кучу. На стенах красовались фантастические существа: драконы, крылатые леопарды, странные человекозвери.

Парень разместил свой багаж, немного отдохнул, перекусил, так как был по-волчьи голоден из-за последствий морской болезни, посетил купальню, и только потом снова пошел к "отцу". Серьезно поговорить...

Малх встретил его, сидя на ковре перед скромным "достарханом", уставленным вкусными, ворчащими маслом бифштексами и свежими фруктами.

Наливая себе в чашу воды и "окрашивая" его прекрасным Библским вином, сенатор начал разговор:

— Ганнон, сколько же мы с тобой не виделись? С того летнего штурма Сагунта уже прошло месяца три-четыре?

— Да где-то так.

— А я ведь собирался к тебе в Иберию, где-то в конце февраля. Хотел вызвать тебя для встречи в Новый Карфаген.

— Что-нибудь случилось?

— Да я вызвался возглавить карфагенское посольство к племенам за реку Эбро. По примеру предков, что все служили Карфагену так достойно в години роковые, мы пойдем перед войском Ганнибала Барки и будем договариваться если не о подчинении варваров, то хотя бы о том, чтобы они пропустили нашу армию без крови. И твоего брата Бостара с собой возьму. Ты же знаешь, у варваров часто все вопросы решаются в поединках, так пусть он разомнется. Волею Ваал-Хаммона наш Бостар — хороший фехтовальщик! Дни нашей славы приближаются, начинается чудное смелое предприятие, как предприятие гигантов, нагромоздивших горы Атласа. Давно уже пора восстановит славу нашего народа как хозяина Средиземноморья. Никогда еще Карфаген не имел такого огромного войска под командованием такого великолепного полководца, никогда еще столько славы и доблести не соединялось вместе!

В этом был весь сенатор Малх. Один из главнейших людей Карфагена, по первой же просьбе Ганнибала, сломя голову готов кинуться помочь любимому военачальнику. В это время схваток и бурь, не взирая на опасность, собрался ехать к диким племенам проримской ориентации, рискуя там расстаться с жизнью ни за понюшку табаку. Это же косматые люди не нашей породы и они совсем не уважают Великий Город.

Наш старый вояка-сенатор, ветеран Первой Пунической войны, так яро ненавидит Рим за потерянные владения на Сицилии, что буквально боготворит Ганнибала, потому как тот дает возможность отомстить за те поражения. Все ненависть живет, не зная примиренья. "Баркиды" наше все, так как остальные карфагеняне думают больше о торговле, чем о предстоящей войне. Ничего, карфагенский конь затопчет римскую волчицу, недаром же основатели Рима были детьми дешевой проститутки!

Да что это такое твориться? А о семье кто будет думать? Вот снимут с плеч сенатора голову, что тогда делать Кириллу? В этом бардаке, царящем в насквозь коррумпированной Карфагенской Республике, в этом базаре продажных торгашей, парень совершенно не разбирается. А с местными "жирными котами" и заплывшими жиром "денежными мешками" общий язык найти не смог. Он просто не понимал, как глава местной партии осторожных торговцев, его дряхлый тезка Ганнон, мог демонстративно облачаться в праздничные одежды и веселиться при известиях о поражениях Карфагена. Неужели схватка "за место у корыта" уже отбила ему все мозги?

А эта вечная карфагенская болтовня о законности, пустопорожняя в спокойные дни, становится подчас смертельно опасной в период любого кризиса. Без Малха Кирилл как без

рук. Сейчас он за отцом как за каменной стеной, а потом? Здесь процветает "майорат" или право первородства. Первенцу достается все, остальным — ничего или какая-нибудь мелочь.

Эти старинные обычаи прекрасно отражены в сказке "Кот в сапогах". Когда старший брат получает мельницу, средний — осла, а младший — кота. Это сейчас сенатор выделяет своего младшего сына как самого умного, а старших держит в черном теле. Большая часть финансовых дел семейства Малха идет через Кирилла. А потом почти все достанется старшему брату — Сафону. А наш герой с ним не очень контактит, благодаря разнице в возрасте и разным интересам. Со средним братом Бостаром еще нормально, но сенатор рискует в гостях у дикарей одновременно не только своей головой но и жизнью среднего сына. Дела!

Но делать нечего. С отцом не поспоришь. К тому же Кирилл все иберийские дела замкнул на себе лично, там он главный собственник, а наследнику Сафону придется просто вернуть вложенные инвестиции. Но как быть с Карфагеном и его властями? Подобно семейству Баркидов уходить в глубокую автономию? Пока у парня недостаточно политического веса....

Да и с кем ему в Испании союзы заключать? С вождем Идебиллом? Или же с вождем Тугодумном?

Чтобы скрыть свое неудовольствие отцовской беспечностью, Кирилл налил и себе воды, закрасив ее вином. Горячего чая и кофе тут пока нет, горячие компоты и отвары пить в жарком климате неприятно, а холодильников не имеется. И подобные напитки прокиснут очень быстро. Свежевыжатых соков, благоуханных шербетов и лимонада зимой нет. А сырую воду употреблять для здоровья не полезно, еще какую-нибудь холеру подцепишь. Вот и пьют местные сильно разбавленное вино, вместо компота.

К тому же пряности тут свои, "доморощенные", и национальная карфагенская пища часто печет гортань не хуже блюд грузинской кухни. Ни в какую Индию и Америку за пряностями пока плавать не надо, так как сейчас в соседней Киренаике дикорастущего сильфия просто завались. Его там столько много, что употребляют его по-варварски. Пасут скот, чтобы мясо баранов приобрело пряный вкус. И естественно, почти никто не выращивает, ожидают, что и сам вырастет. Кончится все это плохо, лет через триста сильфий совсем изведут и во времена поздней Римской империи придется римским гурманам покупать перец в далекой Индии. За золото. Понятно, что никто уже баранов этим перцем откармливать не будет.

— О чем же ты хотел поговорить? — тем временем спросил Малх, сверкнув глазами.

На руке "батяни" сверкал перстень — знак senatorского достоинства. Перстень был золотой и представлял собой рычащую львиную голову с рубинами вместо глаз.

Кирилл почувствовал насколько за два прошедших года он вжился в местную среду. Два года назад при звуках отцовского имени он вспомнил лишь эпизод из Библии о аресте Христа. Тогда апостол Петр схватил меч и отсек ухо Малху, рабу первосвященника. Рабу! Как бы не так. Малх это не только имя, но и должность. Так называется командир храмовой стражи, подчиняющейся Первосвященнику-кагану, богоцарю народа. Так сказать командир ордена "храмовиков". Опора государства.

Или же министр МВД, правая рука правительства Карфагена, рука вооруженная, отрубаящая неверным и мятежникам больше голов, чем звезд на небе. С древней поры «малхи» всегда будут стоять во главе войска "западных семитов", рядом с судьями-суффеками и Первосвященником- каганом. Естественно, что такие люди происходят из

самых знатных и благородных семей. Недаром же искаженное слово "мелех" стало означать царя у евреев, а "малик" — у арабов. Да и описанного М. Шолоховым славного казацкого донского воина Григория Мелехова трудно назвать рабом. Такое впечатление, что церковники жутко экономили и переводили Библию за бутылку водки у какого-то алкаша-интеллекта.

— Война на пороге, а весы сильно смещены не в нашу сторону, — неспешно начал разговор Кирилл. — Да, Карфаген больше Рима, но сколько в нем граждан? Из 250 тысяч населения нашего города, если отбросить рабов, приезжих мигрантов, иноплеменных торговцев, женщин и детей останется всего сорок тысяч "благословлённых богами". На нашей выдолбленной в скале и выравненной площади собраний все прекрасно помещаются. А сколько из них воинов? Сотни четыре? Мы — народ торговцев, в отличие от Рима у нас процветают торговля, науки и искусства. А наши власти прямо запретили нашим гражданам иметь оружие, во избежание беспорядков. Торгаши-купцы боятся свой народ намного больше иноземных завоевателей. Что простонародье броситься с кинжалами на богачей-живоглотов, как это уже было в старом Тире, перед тем как нашим предкам пришлось бежать сюда, на край света, в Ливию. Так что Барки вынуждены содержать войско, набранное ими самими.

Последовала крохотная пауза, во время которой Кирилл отхлебнул глоток разбавленного вина. Приличное марочное вино, не слишком сухое, со сладким ароматом.

— Кроме этого, мы — пришельцы в Африке, — продолжал витийствовать сын, изображая из себя Кассандру. — И горная Финикия никогда не была единой, шесть главных городов вечно воюют между собой, словно греческие Афины и Спарта, так что финикийские колонисты из разных областей даже друг на друга смотрят волком. Сколько у нас полноправных карфагенских граждан наберется по всей Африке и Иберии? Тысяч сто? И прибавим к ним еще столько же полноправных других финикийцев, близких нам по культуре, но имеющих политические разногласия. Итого народонаселения финикийского происхождения в нашей державе наберется всего тысяч восемьсот. Так?

— Так. Продолжай!

— Аборигены: ливийцы, нумедийцы, иберийцы и кельтиберы нас люто ненавидят. Они наши союзники только до поры до времени. А наемные войска, на которые опирается Карфаген, как показала осада Сагунта ненадежны. Лишь меч Ганнибала, как посох пастуха, согнал их в одно общее стадо...

— Не все так плохо. На Сицилии наша армия ничем не уступала римской. Если бы флот не подкачал, еще не известно кто бы победил.

— Допустим. Но какие силы нам противостоят с другой стороны? Италия- самая густонаселенная страна Средиземноморья. Если исключить Египет. Но Египет очень древнее государство, где народ давно измордовали, превратив в сущих трусливых овец. Эти потомственные "овцы" безропотно работают на хозяина, а воинов из них не получится. Их дух истлел. Курица не побьет орла! На северном побережье Внутреннего моря все совсем по другому. На Итальяском полуострове проживают пять миллионов человек. Это намного больше чем на плоскогорьях большого Пиренейского полуострова или полуострова Малой Азии, не говоря уже о гористом Балканском полуострове. В Италии очень плодородные земли, так как этот довольно узкий полуостров хорошо увлажнен и всегда имеет достаточно осадков. Из пяти миллионов жителей — почти четыре составляют народ одной культуры, религии и языка. Итальянцы. Если отбросить компактно проживающих на севере галлов,

лигурийцев и венетов, и греческие колонии на юге, то это этнический монолит. Рим находится почти в центре страны, в плодородной долине Тибра. В последних выборах участвовало свыше 251 тысячи граждан, носителей железных колец. Это же настоящая орда, людское море, человеческая масса!

— Скорее огромная волчья стая, с повадками необузданных зверей. Но численность еще ни о чем не говорит.

— Напротив! Там все граждане- воины. Если отбросить стариков, то только римляне постоянно могут держать "под орлами" двухсоттысячную армию. А это в два раза больше, чем мечтает собрать Ганнибал. Кроме того, Рим — компромиссный союз трех итальянских народов: этрусков, латинян и сабинян. А это значит крепкий союз Рима с 12 главными городами Этрурии и 13 городами Лация. Их единство основано на кровных обязательствах. Почти два миллиона населения, и четыреста тысяч воинов под единым командованием. Настоящая грандиозная военная машина! Рим не пользуется наемниками, а формирует национальные войска, сплоченные и целеустремленные. При достаточной упертости, они могут выиграть только за счет своего количества любую войну. Да такими огромными силами они могут постепенно захватить все Средиземноморье!

— Но Ганнибал надеется, что покоренные Римом народы Италии, при прибытии его армии, перейдут на сторону Карфагена!

— Зачем им это? Если по языку, религии и культуре они совершенно идентичны римлянам? Италийцев можно сравнить с финикийцами, выходцами из других областей в карфагенской державе. Конечно, кто-то из италийцев (за исключением латинян и этрусков), перейдет к нам, как и некоторые наши финикийцы перейдут на сторону Рима, в случае вторжения его армии в Африку и Иберию, но в целом "духовные скрепы" им послужат надежным якорем.

— Но в Италии есть и другие народы!

— Греки? Они нам точно не друзья. Они настолько привыкли воевать с Карфагеном, что не заметили, что из союзников Рима, постепенно становятся его рабами. Конечно, кто-то и примкнет к нам если наша армия будет успешной, возможно даже Великие Сиракузы, но не на первоначальном этапе войны.

— Маловер! А галлы? Сотрясатели земли? Клянусь огнем Ваала, они будут нам верными союзниками, так как ненавидят римских завоевателей.

— Что галлы? Во-первых, в северной Италии живет целый конгломерат варварских народов: новопришлые галлы и венеты и древние лигурийцы. Едва ли они смогут договориться. Кроме того, во-вторых, сами галлы состоят из множества враждующих племен: таврины, бойи, инсубры и прочие. Сообща они действуют очень редко, и хватает их ненадолго. Так что если кто-то станет союзником Карфагена, то их соперники тут же станут верными друзьями Рима. Вспомни Иберию, разве наш Карфаген не сумел покорить враждующие иберийские племена, не умеющие объединиться, по одиночке? И в-третьих, галлы не позволят превратить свою страну в арену боя. Как только мы освободим их от римского гнета, они поспешат нас выпроводить дальше, не желая кормить огромную чужую армию. И в-четвертых, намного более вероятнее, что на сторону Рима перейдут наши ливийцы, нумедийцы, иберы и кельтиберы. Тут достаточно лишь вспомнить прошедшую 20 лет назад Ливийскую войну и обстоятельства гибели в Иберии Гамилькара и Гасдрубала. И что мы видим в сухом остатке?

— Что-то ты рисуешь весьма мрачную картину!

— Это я делаю для того, чтобы ты, отец, понял что борьба будет ожесточенной, и мы не должны упускать из виду ни одной возможности досадить Риму. Ни одной! Даже самой подлой!

— Что ты задумал?

— Очень многое. Для начала я завтра же отправляюсь на маленькой галере вдоль побережья, осмотреть местные солончаки и соленые озера. «Свой глаз — алмаз» Постараюсь быстро уехать обратно в Иберию и там зимой методом вымораживание в горах подготовить из этих солей кое-какое сырье.

— А что рабы-греки, которых ты тут хочешь найти?

— Война будет идти долго. Ганнибал сущей будет идти в Италию почти год. Мы уже не цари морей. В отличии от римлян, которые на кораблях сразу зададут нам жару. Думаю, что Мальта обречена. Так что рекомендую выводить оттуда все твои активы. А из греков, что я переправлю в Италию, я собираюсь организовать группу, которая будут устраивать врагу в тылу различные неприятности. К примеру, ныряльщики, ловцы губок, могут в Остии дырявить днища военных кораблей. Они же могут устраивать пожары на складах со смолой, парусиной и канатами. Ни днем, ни ночью, не оставляя супостата в покое. А в самом Риме мои люди могут слушать, собирать информацию и устраивать небольшие точечные акции. Но все это дело будущего, сейчас я хочу переправить в Рим хотя бы парочку человек. До даты ежегодных выборов. Главное, разведка! А поскольку греки — союзники римлян, то чтобы эти люди верно работали, я хочу держать их семьи в заложниках. Метод кнута и пряника — ничего нового. Кто хочет достигнуть цели — тот не должен пренебрегать всеми средствами. А то вместо сведений, которых нам не дадут, мы получим какой-нибудь удар ножом.

Малх еще некоторое время думал, пытаясь опровергнуть аргументы сына. Наконец, он сказал еще один аргумент:

— Но за Альпами есть еще многочисленные дикие и жестокие племена! Ходит множество рассказов о их ужасных зверствах. Может их тоже можно использовать в наших целях?

— Их время еще не пришло, — отвечал Кирилл. — Они еще не готовы. Почему? Сейчас у народов северной части Средиземноморья есть два стратегических товара: вино (алкоголь) и сладости (сахар). Конечно, тростниковый индийский сахар большая редкость, но у тех же италийцев есть дешевый виноградный сахар (по типу чурчхелы). А так же сухофрукты и другие сладости. А на севере этого нет. Только мед, собираемый с бортей дикий пчел, и только слабое пиво, которое надо пить свежим, пока оно не прокисло. А человек слаб. Он хочет получать море удовольствия. Особенно варвар, привыкший по жизни даже наедаться впрок. То есть, меры в пьянке они не знают. Особенно, когда привычки пить у них нет.

— Я слышал скифы вдыхают дым конопли и пьют сброженное кобылье молоко, а северные галльские племена едят мухоморы.

— Ерунда. Мухоморов ты много не наешься — помрешь, кобыльего молока столько не выпьешь, чтобы серьезно захмелеть, а ставить конопляную баню довольно сложно. Хлестать вино намного проще, а внутренних ограничений они не имеют. И южные народы этим успешно пользуются. Ты же помнишь, что скифы тридцать лет были господами всей Азии?

— Было такое дело в прошлом, лет четыреста назад.

— А потом один раз мидийский царь Киаксар напоил скифское войско и перебил его, потом персидский царь Кир проделал это же с войском массагетов, убив сына царицы Тамиры Спаргатиса, а затем Александр Македонский просто резал отряды перепившихся

скифских наемников персов. А сейчас скифы загнаны в резервацию на Боспоре киммерийском (Крымском полуострове) и скоро исчезнут с лица земли. Даже фракийцы, которые уже почти тысячу лет как пришли на землю, где можно выращивать виноград и уже лет триста его успешно культивирующие, еще напиваются "в слюни" на своих многочисленных празднествах. Любой завоеватель будет нападать во время таких грандиозных пьянок и беспрепятственно вырезать целые племена, по десять тысяч человек за раз. Там же действует инстинкт стаи, раз пьянка — гуляют все! Нет, пока северные варвары не научатся пить, они вполне безопасны. А южане, которые придумали несколько тысяч лет назад как делать вино, сейчас уже все меньше пьют и, думаю, скоро значительная часть из них придумает религиозные запреты, чтобы обходиться совсем без пьянок....

— Любопытная мысль... Тут ты прав, уже сейчас нашим командирам постоянно приходится следить, чтобы наши наемники балеарцы и кельтиберы не перепились. У них такая страсть к пьянству, что только на секунду ослабь узду, так они тут же нажмутся и тогда бери их голыми руками.

Маленькое лирическое отступление. Кто читал записки Цезаря "О галльской войне" тот искренне удивлялся, насколько была тупой и примитивной тактика великого полководца. Простая, как два пальца об асфальт. Но ведь работала! В начале, под девизом "разделяй и властвуй", Цезарь искал людей для предварительной "грязной работы". Чаще всего на эту роль подбивались племена северных германцев из-за Рейна. Они были воинственны, свирепы, сильны в воинском ремесле, но одновременно простодушны и свято верили клятвам.

Когда германцы делали свое дело и галлы умывались кровью, то тут как тут нарисовывался Цезарь со своими легионерами. Мол, я галлам защитник, друг, товарищ и почти что — брат. Но с германцами не воевал, а организовывал перемирие для ведения переговоров. Римский военачальник обещал простодушным варварам многое: от союза и братства до простого раздела галльской территории. Одновременно, под предлогом перемирия, римские торговцы накачивали лагерь звероподобных германцев большим количеством дешевого вина.

Потом, дождавшись первого же праздника, когда все войско германцев нажиралось словно свиньи, римское воинство внезапно нападало и вырезало целые племена под корень. Даже у недоверчивого главного соперника Цезаря за власть в Галлии — Ариовиста, племя настолько упило до состояния поленьев, наотмечавшись уже до зеленых человечков, что часовые даже не успели прикончить римских заложников, что дал им Цезарь в качестве гарантии ненападения. Все просто. Тупо. Примитивно. Но вполне действенно. Сам Цезарь гордо писал, что в Галлии он вырезал целый миллион человек. А вот в Британии подобный фокус не прошел, римлянам не удалось организовать доставку на остров больших партий вина и Цезарю пришлось убираться не "солono хлебавши".

— А что ты думаешь о союзе с Македонией? — тем временем продолжал допытывал сына сенатор Малх.

— Начнем с того, что пока такого союза нет. И когда он будет и будет ли он вообще — неизвестно. А во-вторых, у македонцев не хватает воинов. Александр покорил Персидскую империю благодаря своим закаленным пастухам из горной Верхней Македонии. Сейчас они рассеялись по миру. И обабились. Дошло до того, что македонцев, проживающих в державах Селевкидов или Птолемеев даже не берут служить в фалангу. Они просто уже на это не способны. А тридцать тысяч пастухов из горной Верхней Македонии (тимфеи, линкесты,

паравей, иные горцы), которых вербуют во все государства "эпигонов", просто на всех не хватит. Так что даже если Македония и выступит против Рима, то Рим поднимет на нее балканских греков, а сам будет оказывать им только материальную помощь. Войск туда не пошлют. Возможно только флот. А поскольку римский флот господствует на морях, то македонцы на Италию не нападут. Все закончится ничем. Хотя, предлагаю поднять на Рим пиратов. Даже греческих. Думаю, что они охотно поднимутся, больно уж им этот новоявленный "хозяин морей" хвост прищемил.

— Клянусь оком Ваала, это можно попробовать. Жаль, что иллирийский пиратов, пахарей мелководья Адриатики, Рим в прошедшей войне уже почти уничтожил. А киликийские действуют в восточном Средиземноморье и особо с римлянами не сталкиваются. Хотя попытка- не пытка, думаю, греческие пираты могут согласиться. Хотя они нам тоже враги, но Рим им сейчас мешает намного больше....

Вот на этой ноте семейное совещание завершилось, если опустить громкие и продолжительные дебаты, посвященные теме цен на различные товары.

Следующим утром Кирилл спешно отплыл на маленькой гребной галере с малой осадкой, под названием «Корзина и кошелка Мелькарта», на восток, осматривая хозяйским взором заболоченные участки зигзагообразного побережья, где образовались солончаки или соляные лагуны. В одном месте высадились. Лужи воды, оказались настолько насыщены солью, что палки, когда-то упавшие в воду, покрылись красивыми белыми кристаллами в палец толщиной. Кирилл прошел немного — заметил — что-то блестит в грязи. Золото? Волоски на его затылке зашевелились, тронутые инстинктом пещерных предков. Ух! Нет — сера! Воздух, разреженный и теплый, отдавал тухлыми яйцами. Тоже неплохо. Кусочки самородной серы поблёскивают местами. Жадность обуяла. Ходили, собирали как грибы. Собрали килограмм двадцать. Только они же сюда не за серой приехали, а три часа времени потеряли!

После чего посетили еще пару мест, чтобы сравнить где сырье для производства бертолетовой соли получше. Сравнили- на последней стоянке явно побогаче, возвращаться не надо. Целая куча высохших кристаллов. Смесь обычной поваренной соли (хлорида натрия) и морских примесей- хлоридов калия и магния. Эти компоненты отличаются на цвет и на вкус.

Вот здесь больше кубических кристаллов горько-соленого чистого хлорида калия, он копится тут веками, под дождем растворяется, под солнцем высыхает. Стократная перекристаллизация. А где же хлорид магния? Его тут должно быть поменьше, но он должен быть. О, вот с этого края — другие кристаллы, не кубическая структура, и оттенок другой. Вкус тоже горько-соленый, но немного отличается. Набрали где почище в мешки полторы тонны хлорида калия и около полтонны хлорида магния вдобавок насобирали. Потом очистим от примеси поваренной соли и будем работать.

День прошел не зря!

На следующее утро Кирилл осматривал кандидатов "на заброску" в Рим. С утра парень ездил по рынкам по друзьям и знакомым отца, смотрел и выбирал. Карфаген охотно завозил рабов отовсюду, чтобы обрабатывать поля и сады полупустынной Африки. Сотнями и тысячами их доставляли на рабские рынки прямо с кораблей. А за спрос — не бьют в нос. А поговорить-то язык не отвалиться. Все греческие семьи давнишних рабов отбраковывались сразу. Искали свежий "заезд". К обеду отобрали три семьи. Еще час, переодевшись в тряпье, чтобы на него не обращали внимание, Кирилл смотрел за поведением и мимикой греков в "естественной семье обитания". Нужны были крепкие семьи, где царит взаимная любовь и уважение. Иначе на угрозу убить заложника жертва шантажа просто ответит: "поскорее бы!"

Вскоре решение было принято. Оставили две семьи "счастливых". Слава разноплеменным критским пиратам, сумевшим захватить парочку кораблей с переселенцами. Остальных "кандидатов" вернули обратно. Кирилл вызвал к себе для приватной беседы двух мужей. Один был постарше, другой- более молодой. Испуганные лица. Оба не выглядели здоровяками...

"Пройдут по легенде как дядя и племянник," — подумал попаданец и начал беседу: — У меня есть к вам предложение, от которого вы не сможете отказаться!

Кирилл осмотрел занервничавших греков тяжелым взглядом и продолжил:

— Итак, я выбрал Вас для одного дела и Вы обязаны его выполнить. Если выполните награжу по-царски, если нет- Ваши семьи будут долго и мучительно пытаться, а потом они, как мясные туши, закончат свою жалкую жизнь на кресте. Умирать они будут не один день, уж я об этом позабочусь. Так что старайтесь, сюрпризы мне не нужны.

— Господин, что мы должны сделать? — спросил более старший из греков.

— Я приехал сюда из Иберии. И я в этом деле только посредник. Дело личное, приватное... Так вот один из вождей авсетанов... Ой, проговорился. Незачем Вам это знать...

Парень сыграл оговорку и тут же выразил несколько театральное раскаяние. Каждый участник операции должен знать только небольшой кусочек информации. Так будет лучше всего...

— Так вот, — продолжал свою речь Кирилл, смущенно разглаживая складки на своей новой тунике, подаренной сенатором Малхом, — забудьте мою последнюю фразу. Просто один очень уважаемый человек издалека имеет большую личную неприязнь к одному римлянину. Такую личную неприязнь, что даже кушать не может. И дает неплохие деньги, чтобы этого наглого сосунка прикончить. Вот Вы этим в Риме и займетесь. Отказы не принимаются, а ваши семьи послужат в качестве гарантии выполнения этого заказа! Почему и зачем — не Вам судить! Уразумели?

И тишина. Люди переваривали.

— Но господин... — начал ныть один из греков, тот что постарше, с сединой в волосах.

— Молчать, у вас нет выбора! Ты что, рабская твоя душонка, юлить вздумал?! Или ты или тебя. Или мне приказать палачу сразу заняться твоей семьей?

— Нет, нет!

— Так я и думал. Принципиальное согласие получено.

— Но господин, мы простые люди а не убийцы. И не воины. Сможем ли мы это сделать?

— Все учтено могучим ураганом. Есть и более быстрые способы отправить человека на тот свет, чем нож в спину. У меня для Вас приготовлено специальное оружие. Там даже маленький ребенок справится. Мальчишка, которого Вам нужно ликвидировать любит шляться по борделям и иметь дело с дешевыми шляхами. Все что вам нужно, это выследить его в Риме, потом занять позиции где-нибудь рядом на крыше соседнего дома, а на выходе, при свете факелов, пристрелить его. Зимой ночи длинные, этот сосунок никому особо не нужен, воинской охраны у него не будет, разве что парочка слуг, вас преследовать не должны, тем более что стрела моего оружия имитирует стрелу из детского игрушечного лука.

— Но сумеет ли такая стрела убить, а не ранить? — высказал резонные опасение один из незадачливых киллеров.

— Не волнуйтесь, даже если клиент будет в доспехах, его прошьет насквозь. Две стрелы- гарантированная смерть. Тем более я вам дам склянку с сухим ядом пестрой эфы. Перед тем как стрелять- плюньте в склянку и окуните туда стрелу. Да не вздумайте оцарапаться сами, идиоты. Десять минут агонии, во время которой от судорожных сокращений мышц ломаются кости, вам не понравятся. Тем более что неудачи я не потерплю, и ваши семьи ответят за все. Так что осторожней!

— Но как мы попадем в Рим, ведь сейчас война? И что мы там скажем?

— Завтра мы найдем Вам судно до Кирены. А там, через знакомого по торговым делам

купца Вас отправят прямо в римский порт — Остию. Устойчивая навигация будет еще продолжаться десять дней как минимум. А может и все полмесяца. То так, то сяк. Если будет попутный ветер, при удаче будете в Остии уже через шесть дней после отплытия из Карфагена. Риск есть, но море- всегда риск, даже летом. Вам дадут глазную мазь из Александрии, на основе коровьей мочи и желчи, так что Вы в Риме будете изображать из себя лекарей. Это позволит Вам шататься целый день по городу, не привлекая особого внимание. Зимой много топят печей для света и тепла и от дыма очагов у многих слезятся глаза.

— Но, господин, кого же мы должны убить? — опять почтительно задал вопрос старший из греков.

— Ваша цель — некий Публий Корнелий Сципион, 16 лет. В Риме несколько Сципионов. Вам нужен старший сын архистратега и сенатора Публия Корнелия Сципиона. По слухам этого широко известного мужа из известного этрусского рода Корнелиев, изберут на следующий год консулом, так что Вы не ошибетесь. У будущего консула имеется еще и старший брат Гней Корнелий Сципион Кальв, что был консулом четыре года назад. Так же у будущего консула имеются два (или более сыновей). Но это не важно. Вам надо прикончить только старшего, которому 16 лет. Или уже 17, это не важно. Времени немного, так как весной консул отправится на войну в Иберию и его старший сын определенно будет его сопровождать. Так, по пряникам. Вам дадут с собой достаточно серебра на подготовку и текущие расходы. И на возвращение в Карфаген. Если справитесь с задачей — получите вольную на всю семью и каждый по пять золотых монет, купите себе по ферме в Киренаике, будете выращивать там сильфий и горя не знать. Или же будете откармливать гусей ради фуа-гра. По поводу кнута я уже упоминал. Повторяться не буду. Представьте себе свой самый ужасный кошмар и ощутите что он будет происходить с вашими детьми. Все понятно?

— Да все, — в разной подтвердили греки.

— Прекрасно, а теперь мы пойдем тренироваться по экспресс-методу Макаренко. Долг зовет!

И захватив с собой два арбалета они вышли в сад. По пути Кирилл послал встретившегося слугу, человека с ассирийским профилем, выпросить у дворецкого поместья чернокожего привратника на пару часов. Сенатор хорошо вымуштровала свою прислугу, так что все приказания Кирилла исполнялись беспрекословно.

В саду они подошли к дальней стене и выбрали в качестве мишени деревянный сортир. Кусочком припасенного мела попаданец изобразил на боковой стене сортира, демонстрировавшего все великолепие карфагенской архитектуры, мишень, нарисовав несколько кругов. После чего начал инструкции. Строгий, решительный.

— Это новый арбалет. Для этих лет — штука вообще огонь! А это стрела к нему. Как видите эта стрела полностью имитирует стрелу детского игрушечного лука. Арбалет так же имитирует модель большого крепостного арбалета, уменьшенную во много раз. Или же его тоже можно принять за детскую игрушку. Чтобы эти арбалеты не приняли за оружие, они будут ехать с грузами отдельно от Вас, со снятыми тетивами. Вас ничего не будет связывать с этими арбалетами до самой Остии, где Вы получите по квитанции этот груз от капитана корабля. Тетивы несколько штук возьмете с собой, можете сплести из них красивую веревочку. Пока все понятно?

— Да все, — откликнулись новоявленные греческие киллеры.

— Прекрасно! Для начала учимся натягивать тетиву. Один изо всех сил сгибает плечи

арбалета, а в это время другой набрасывает тетиву петлей на наушины. Начали!

Греки начали пыхтеть и натягивать тетиву. Через какое-то время это у них получилось.

— Отлично. Еще раз перед сном потренируетесь. А потом завтра с утра. Теперь стрельба. Кладем стрелу в желоб и крутим вот этот ворот за ручку. Благодаря шестеренкам особых усилий не прилагается. Да, довольно медленно получается, но Вам это без разницы. Дотянули тетиву до упора и поставили на ступор. Теперь целимся, держа арбалет на уровне глаз. Визуально совмещаем наконечник стрелы с центром мишени. Медленно и плавно, без рывков нажимаем на курок.

Стрела со свитом вылетела из арбалета и примерно с двадцати метров воткнулась в самый центр импровизированной мишени.

— Вот видите? Ничего сложного, даже ребенок справится! — заметил Кирилл. — Для начала постреляем с этой дистанции а потом увеличим ее до пятидесяти шагов (тридцать метров). Думаю этого вполне хватит. Только осторожно и аккуратно, без слишком резких маневров.

В это время к их группе подошел привратник и осведомился чем он может помочь сыну хозяина. Кирилл тут же отослал чернокожего позаимствовать у дворецкого плетъ из кожи гиппопотама.

Греки пока в это время натянули тетиву на второй арбалет, приготовили стрелу и старший из них попробовал выстрелить. Стрела вонзилась в стену сортира в полуметре от мишени.

— Начало положено, — весело заметил Кирилл. — Но у меня есть отличная мысль как повысить Вам меткость.

Парень выставил на рубеж стрельбы молодого грека, выправил ему позу, сам через плечо посмотрел куда стрелять, придирчиво поправил ложе арбалета, запястья стрелка, и потом скомандовал:

— Пли!

Невозможно было послушаться хлесткого приказа. Стрела после выстрела вонзилась в мишень, в один из внешних кругов.

— Отлично! А теперь продолжаем стрельбы самостоятельно, — Кирилл кивнул на подошедшего улыбающегося чернокожего-каннибала, поигрывающего плеткой. — Тренируйтесь! А наш негритянский друг Патрис Лумумба, этот чернокожий здоровяк, в случае промаха будет наносить Вам стимулирующий удар плетью. Чтобы наука шла успешней! Продолжаем, у вас до темноты еще целых часа три! Настреляетесь всласть. А утром продолжите! Я еще сделаю из Вас Робин Гудов, клянусь Ваал Сафоном!

Вот такой был примитивный план. Как победить? Отруби змее голову — и она погибнет. Армия без военачальника придет в смятение. Но как гарантированно убить змею? Раздавить ее еще в яйце! Как же прекрасно знать все наперед. Кто выиграл Вторую Пуническую войну? Сципион Африканский, то есть этот молокосос. Вырастет, заматереет и покажет мастер-класс военных действий. Хотя сейчас он дурак — дураком. Тут вот какая штука приключилась! В следующем году или чуть позже, получит он пару ударов мечом по голове. Голова — предмет темный и до конца не изученный. Чаще всего, если по ней ударить, то человек превратится в слюнявого идиота.

А здесь получилось совсем наоборот. Отец Сципиона Африканского туп как осел, дядя — тоже, он сам в молодости был дуб дубом, обожающим отрезать хвосты приبلудным собачонкам, но получил пару ударов мечом по шлему в висок, выздоровел, но конца жизни

носил на виске крестообразный шрам и заодно резко стал военным гением. Говорят, с Кутузовым та же история получилась. Был Михаил человек не семи пядей во лбу, горазд был только кашу есть, а получил пулю рядом с глазом, причесавшую висок, — резко поумнел. Потом вторую в то же место — и родился новый военный гений.

Но это все лирика. Если удастся ликвидировать Сципиона Африканского — треть дела будет сделана. Так что, пора решать вопрос. Любой ценой. И к дьяволу чистоплюйство! Потом бы еще со вторым умелым римским полководцем разобраться — Фабием Максимом. Как говорят в России: если ты такой богатый — почему ты еще живой? А ведь только лишь этот, упивающийся собственной принципиальностью идиот, еще может доставить неприятности. Остальные римские военачальники — сущие гении идиотизма, форменные болваны.

Но тут дело простое как сатиновые трусы. Фабий Максим этой зимой приедет в Испанию агитировать местные племена выступить против Карфагена. Так что достаточно просто предложить много золота за его голову — тут и святой соблазниться. Возможно в надежде на вознаграждение сработают и сами римляне, заколят как Брут — Цезаря. Судьба изменчива, она играет людскими жизнями. А Кириллу доставят посылку в лучшем виде. Без шума и пыли. А как Вы хотели? Не все же Карфагену таким образом своих полководцев терять? "Какой мерой Вы меряете, такой и Вам отмереется!" За смерть Гамилькара и Гасдрубала римляне уже задолжали. Пора сравнять счет! Око за око, зуб за зуб!

Говорят, что знание — это сила. Чем больше знаний, тем больше силы. Предположим, тебе заранее известны выигрышные числа лотереи. Все. Это не догадка, не сон, они просто тебе известны. Что ты сделаешь в этом случае? Побежишь к ближайшему киоску, вот что. Отметишь числа на билете. И выиграешь. Та к же решил поступить и Кирилл.

Вечером, за ужином состоялась еще одна беседа отца и сына.

— Отец, завтра надо отправить этих двух греков в Кирену, напиши своему тамошнему торговому контрагенту, чтобы их с грузом немедленно переправили в Рим, — высказал просьбу к сенатору Кирилл.

— Хорошо, — важно ответил Малх, сын и внук законных повелителей здешних мест и сам властелин людей и земель, сохраняя достоинство. — Мой управделами Бомилькар пунктуален, за что я его и ценю.

— И я тоже должен завтра же ехать. Надо успеть добраться хотя бы до Нового Карфагена. А уж там с помощью Светлого Мелькарта, потихоньку, пользуясь окнами хорошей погоды, я доберусь и до Малаги.

— С утренним приливом отходит в Новый Карфаген торговый корабль "Благословение Танит". Если хочешь плыть завтра, тогда поезжай на нем.

— Так и сделаю. А ты поручи своему управляющему отправить греков и снарядить их по списку. Их семьи отправь куда-нибудь в периферийное поместье в предгорья Рифа, пусть они там будут под рукой. Да и еще один момент. Достославный Ганнибал выгреб всех солдат в Иберии, а мы следующим летом ждем в гости римлян. Нельзя ли где-нибудь раздобыть солдат или наемников?

— Управление наемниками это искусство, которым владеют лишь немногие карфагенские полководцы. Достаточно сделать один неверный шаг и наемники отказываются сражаться или даже поднимают оружие против Карфагенской Республики!

— И все же?

— Увы. У нас такая же картина. Какой карфагенянин, в жилах которого течет горячая

кровь, не хочет отомстить римлянам за то, что те сделали с их народом? Чтобы осознать, что Карфаген стал его господином, Рим должен истечь кровью, как никогда прежде. Поэтому в армию забрали всех — до кого смогли дотянутся. В конце концов, надо же кому-то собирать урожай? Война может продлиться не одно десятилетие, как уже было на Сицилии. Мы не должны помирать с голоду! А Гамилькар двадцать лет назад истребил много тысяч ливийцев.

"Да уж, ситуация!" — подумал Кирилл. — "А хлеб — это же политика, важная часть Карфагенской Республики, и чем больше хлеба, тем больше политики. Допустимо ли вытаптывать сад, произрастающий золотыми цветами?" Но вслух он только произнес:

— Как и Ганнибал за последние годы иберийцев. У нас там происходит форменная мясорубка. А что насчет наемников?

— Откуда? В Киренаике их отродясь не было. В Египте Птолемеи, привыкшие к холе и роскоши, держатся только силами наемной македонской фаланги. Про коренных египтян ты сам все понимаешь... Если людям поколениями обламывать рога, то потом они уже будут рождаться безрогими. В старой Финикии жители, любимцы богов и наследники древних героев, не бойцы, иначе бы мы не отдали кочевым еврейским пастухам, детям Эдемской змеи, свой Ханаан, эту землю обетованную. Да и вообще, в огромной державе этих полубезродных выскочек Селевкидов, недостойных даже завязывать ремешки на сандалиях наших карфагенских аристократов, наследников тирской диадемы, сейчас не все спокойно. На восточных границах государства, перейдя Джейхан-реку, активизировались парфяне, переманив на свою сторону степных кочевников. Наемников с востока теперь у сирийцев не имеется. Селевкиды держатся на двух столпах: пятитысячной наемной македонской фаланге, и небольшом кельтском племени галатов, переселившихся в Малую Азию. Последние могут выставить десять тысяч ополченцев. Сами же арамеи, халдеи и прочие не знают с какой стороны у копья острие, выставь Мелех Вавилона хоть двухсоттысячную армию. Про балканских греков и говорить не приходится — их симпатии всецело на стороне Рима. Друг свиной рыл греков каждый, кто контролирует моря!

— А что спартанцы? — высказал Кирилл свой зудящий вопрос, вопросительно сдвинув брови. — Они же со времен Зулькарнайна (Александра Македонского) наособицу от остальных греков. Так сказать в "оппозиции". А воины они отличные. Я понимаю что их там всего 5200 бойцов, но может можно нанять пару сотен инструкторов для моей частной армии?

— Типун тебе на язык! — явно возбудился Малх. — Кто это тебе сказал, что спартанцы хорошие воины? Наоборот, это же полное дерьмо! Эти силачи-мужеложцы, что силачи слабосильные, что бойцы никудышные. Качаются- качаются, а толку никакого! Еще бы, на пустой "черной похлебке" никаких сил не наберешься! Посмотри статистику победителей олимпиад за последние сто пятьдесят лет, там нет никаких спартанцев. Из поколения в поколение это исключительно наши земляки — сицилийские или южноиталийские греки. И все потому, что едят мясо, оттуда и силы. В некоторые годы все чемпионы Олимпиад родом исключительно из южноиталийского Кротона.

— Спорт спортом, но ведь спартанцы ничем больше не занимаются, только войной, — возразил Кирилл.

— И бьют их все кто не попадет! Все что было — то давно прошло. И развеялось дымом. И слава, и тупое самомнение, и бычья, не умеющая хитрить сила покорно легли под сандалиии фиванцев, македонцев и прочих, догадавшихся, что побеждают не только силой, но

и умением. Дармоеды! Даже правило появилось — у кого спартанцы, тот и проиграет войну! Спартанцы только и умеют что сечь друг друга плетками и потом наяривать в задницу. А на поле боя ничем себя не проявляют. Читал "Анабазис"? В Персии Кир опирался на спартанцев и потерял голову! А его горе-воинство персидские пастухи гнали плетками по голым задницам до самого Черного моря! Только пятки сверкали. А Египет? Попытался с помощью спартанских наемников сохранить свою независимость. Тебе напомнить где и как погиб знаменитый спартанский базилевс (царь) Агессилай? И где теперь "малик-маликим", фараоны Верхнего и Нижнего Царств? Да что там говорить! Достаточно вспомнить, как сто лет назад в Сицилии греки воевали с Карфагеном. Когда они нанимали спартанцев, то быстро потеряли все свои территории и в итоге оказались заперты в осаде за крепостными стенами Сиракуз. И только когда сиракузяне вместо спартанцев набрали кельтских наемников, что на голову выше обитателей наших мест, они начали побеждать и чуть было не захватили нашу половину Сицилии. Слава Ваал Сафону, что Совет Тридцати Карфагена вовремя спохватился и тоже нанял кельтов, в чьих жилах течет кровь демонов, вместо кампанских наемников из Италии. Более того, когда безграмотные пастухи из соседней Ахайи чуть было не захватили Спарту, только отряд кельтских наемников, посланный сиракузским тираном Дионисием, отбил атаку. А так бы не было уже никакой Спарты. Плохая идея, забудь!

Вот так и рушатся легенды! Похоже, что знаменитая битва в Теплом ущелье (при Фермопилах) в реальности проходила по следующему сценарию....

Знаменитый царь Леонид сидит на камне и пилит пилочкой ногти. К нему подбегает офицер и докладывает:

— Царь Спарты! Огромное персидское войско приближается к границам Эллады!

Леонид, спокойно продолжая обрабатывать свои ногти:

— Пусть приближаются!

Спустя некоторое время...

— Царь Спарты! Персы захватили всю северную Грецию!

— Ничего страшного....

Прошло еще несколько дней....

— Царь Спарты! Лев Пелопоннеса! Персы подходят к Фермопилам!

— Отлично! А то я уже их заждался. А среди персов много блондинов с голубыми глазами?

— Ни одного!

— Как ни одного? Что же это такое получается? Спартанцы! Бей их!

Наступил январь 218 года до н. э. Все это время прибывший в Гранаду Кирилл интенсивно работал. Поскольку пушки у него с ходу не задались, парень упорно занимался электричеством. Здесь, в античной древности, электричество прекрасно известно. Многие знают, что если сильно расческой причесывать волосы, то к расческе будут липнуть маленькие и легкие предметы. А в темноте будут видны при причесывании даже небольшие искорки. Из той же оперы, если шерстяной тряпочкой натирать кусок янтаря. Многие помнят по школе физическую машину, где крутишь ручку — вентиляторы вееров натирают штыри и в итоге между ними проскальзывает маленькая молния.

Кроме того, в Карфагене хорошо известно, что если на краю пустыни Сахара в песок воткнуть бронзовый столб, то после сильной песчаной бури, песчинками его так наэлектризует, что если коснешься металла рукой, то тебя так долбанет- обосраться можно!

А еще есть примитивные кислотные аккумуляторы, "багдадские батареи", известные со времен древнего Египта.

Так что Кирилл работал сразу по всем направлениям. Цинк и свинец с кислотами у него есть, так что успешно создавались керамические аккумуляторы. Параллельно делалась ручная динамо-машина. Естественно лились из гибкой меди провода, затем они изолировались тряпками, пропитанными льняным маслом. На солнце это масло постепенно полимеризовалось, получалось что-то вроде клеёнки. Тут надо заметить что у растительного масла, даже у оливкового это обычный недостаток — на солнце с течением времени оно полимеризируется и густеет. Но тут этот недостаток пригодился.

Работали и над иницирующим заряд веществом. Привезенную в Малагу соль, оттащили высоко в горы Сьерра-Невада и в естественных каменистых емкостях залили водой. То, что в этой соленой воде замерзло, работники, одетые в толстые шерстяные гамаши, пропитанные жиром, чтобы сохранять тепло в ледяной воде, вытаскивали со дна и откладывали рядом, за насыпанной стеной вала.

Затем, в Гранаде, в алхимической лаборатории, используя свинцово-цинковые кислотные аккумуляторы и графитовые электроды с намотанной медной проволокой, реакцией электролиза преобразовывали хлорид калия, выделяя ядовитый газ — хлор. При нагревании полученного остатка хлорад калия выпадал в осадок. Затем выпаривание, перекристаллизация, фильтрование, чтобы очистить от мельчайших частиц графита, опять перекристаллизация. Добавили в раствор немного гипоксид натрия (каустическую соду, самое распространённую щелочь в мире) против кислоты (чтобы нейтрализовать щелочь) — врыв! Ай, блин! Аааа! Ладно, никто не умер.

Повторили процесс, вытесняя воду спиртом для стабилизации. Уфф! Сколько возни! Зато получена бертолетова соль весьма полезная в пиротехнике. Для начала образовалось грамм сто пятьдесят. Берем два листа тонкой навощенной "самаркандской бумаги", помещаем между ними пару-тройку грамм вещества. Вот вам и капсуль. Ткнул молотком — хлоп, сработал пистон. Для пистолетных патронов чувствительность бертолетовой соли недостаточна, но то, что покрупнее — будет работать. Теперь можно спокойно делать нажимные мины из деревяшки с гвоздем, капсуля и бочонка с порохом. Или использовать взрывчатку, иницируя подрыв, используя электричество, проходящее по проводам от динамо — машины или же аккумулятора.

Для лютых, смертельных врагов, готовящихся топтать землю Испании и жадных до чужих угодий, приготовлено немало сюрпризов... Долг будет оплачен сполна!

Кроме того, велась и настоящая идеологическая война. В Иберии масса богов: Нетон Артубель, Наби, Мечерукий Гез, Обитающие-Выше-Вершин, у каждого здешнего народа иберийцев, кельтиберов, финикийцев — свой пантеон. По стране бродят многочисленные жрецы- друиды (что в переводе значит "дубовые"). Так их зовут поскольку в своей массе они тупы как пробка или же как прапорщики Советской Армии. А так же здесь шустрили предсказатели и прочий магический люд, окучивающий религиозную ниву и мистические материи в свою пользу. Вот и Кирилл резво взялся за это дело. В конце концов, слово культура происходит от слова культ...

Тут и так кузнецы считаются немного ведунами, а учитывая, что дремучие литейщики многих испанских племен, заскорузные тупицы, сросшиеся со своими козьими шкурами, еще не разгадали секрет привозной бронзы, новейшая же сталь для них была чем-то совершенно чудесным. Как и зеркала отражающие "зазеркальный мир". "Чудо самовозгорания" при

помощи химических реактивов для многих воинов Кирилла стало обыденностью. Так что фундаментальная основа была положена устойчивая. А потом Кирилл сделал себе реквизит еще для пары фокусов. Сообразил что-то вроде одежной кнопки и вшил ее в срез обычной веревки с двух сторон. Отсюда многочисленные чудеса, когда торжественно разрезанная веревка на глазах изумленных зрителей становилась снова целой. Загадка не для простых людей. Охи и вздохи были обеспечены.

Еще были два одинаковых металлических браслета. Один одевался под рукав и зажимался плечом, а в то же время демонстративно связанными руками парень под крики "Абракадабра" ловко прятал второй браслет в салфетку — рушник. Там был пришит скрытый карман. И как браслет чудесным образом просочился через веревку и оказался на руке Кирилла, местные любители фокусов не понимали. В общем, наш парень демонстрировал чудеса не хуже прочих своих коллег по религиозной профессии.

— Тому, кто не верит, что я — божество, не дам я ни капли вина моего! — приговаривал Кирилл.

Верили все.

Все это было необходимо, чтобы под маской пророка и оракула гнобить римлян в глазах диковатых местных племен. Проклятый это народ — римляне. Любой факт ложился в эту кассу. Дятлы пролетевшие слева, коршуны справа, молнии попавшие в священный дуб, алтарь или религиозного истукана (иногда простая ложь — пойдешь проверь попадала туда молния или нет). А так же рождение телят с двумя головами, щенят с пятью ногами. Священные куры плохо клюют зерно? Вот-вот! Любое лыко становилось в строку. Отсебятина все равно наложится на подкорку головного мозга. Не связывайтесь с римлянами, иначе разгневаешь богов и они жестоко отомстят! Это неизбежно! С богами не шутят!

И кроме того, банально было жалко жертвовать каким-то прощелыгам пятую часть прибыли от каждого товара и от каждой сделки, удвоенную "церковную десятину", на храм Мелькарта в Карфагене. Денежки и самому пригодятся.

В это время в Риме, окруженном могучими каменными стенами еще со времен царя Тарквиния Древнего, продолжалась борьба за власть между великими семьями. Главные из них были соперничающие Корнелии ("Рогатые") и Фабии ("Бобовые", прозванные так за фамильную огромную бородавку на лице). Добиваться в политике (искусстве управления полисом, то есть городом) своего, уступая понемногу и набавляя осторожно, — искусство немалое и почтенное. В этом году, в результате очередного компромисса, бразды правления великим городом были переданы Корнелиям. Ежегодные посты консулов получили Публий Корнелий Сципион и Тиберий Семпроний Лонг. Ба! Знакомые все лица! А как говорят местные итальянские мафиози: "Кто долго в деле, тот уже подозрителен сам по себе".

Здесь же заметим, что выборы в Риме, именуемом "городом воров" или же "городом негодяев", проходили по весьма странной системе. Все полноправные граждане делились согласно своеобразному "имущественному цензу" и занимали свои места в римском "табеле о рангах". Самые богатые становились сенаторами, менее богатые — всадниками. Именно эти две категории людей занимали все посты в государстве. Плата за осуществление государственных обязанностей не предусматривалась. Все за свой счет, чтобы не допустить на государственные должности легковесных демагогов. Так вот, сенаторы могли быть как из "патрициев", так и из "плебеев". "Бабло побеждает зло." Но если у тебя количество денег уменьшалось, то тебя безжалостно могли вычеркнуть из списка сенаторов или всадников.

Здесь возникала демографическая проблема. Если нищая беднота, "пролетарии", плодились бесконтрольно в огромных количествах, то аристократия не могла себе позволить много детей. Если наследство делить на двоих и более сыновей, то они уже не будут настолько уважаемыми людьми как их отцы. Как правило, в благородных домах имелось всего парочка сыновей, не больше. А поскольку аристократия несла основную тяжесть потерь в случае военных действий, то часто семьи нобилей вымирали.

Чтобы этого избежать, применялись своеобразные "страховки". Родственные семьи сенаторов усыновляли "лишних" сыновей у своих родственников. Частенько у парочки родственных родов сенаторов получалось, что новое поколение — "неродные", а усыновленные в результате подобного "перекрестного опыления." Но в целом тенденция была такова: слой "сливок" в Римской Республике постоянно истончался, а слой "подонков" рос в геометрической прогрессии. Так как "пролетарии" в армии не служили, а плодились со скоростью крыс, выдавая на гора десятков или два десятка сыновей. Полноправных римских граждан...

Истового верующих, что когда ты украл это хорошо, а когда у тебя украли — плохо. Частенько такие новоявленные граждане даже собственных имен не имели. Их называли просто по порядковым номерам. Прим, Секунд... Квинт, Секст, Семптимий, Октавий Нонус, Децим, Постум (Первый, Второй... Пятый, Шестой, Седьмой, Восьмой, Девятый, Десятый, Последний). Даже кролики не плодятся так как эти люди!

Но на выборах формально все были равноправны. Граждане собирались на Марсовом поле (ранее плодородное поле, принадлежавшее последнему царю Тарквинию Гордому, но уничтоженное и превращенное в пустырь, в безумии революции римскими республиканцами) и там каждого из них вызывали и индивидуально спрашивали, он — "за" или "против". Естественно, что за световой день получалось опросить только около 20 тысяч

человек. А римских граждан насчитывалось 251 тысяча. Потому что это был не город, а какая-то машина по производству населения! При этом голосование чаще всего проходили в один день — "одобренный богами", то есть большинство граждан никогда не голосовали. Как так?

Для начала, чтобы отсеять от выборов лишних "пассажиров", жрецы под разными предлогами постоянно откладывали день голосования. Мол, священные куры страдают отсутствием аппетита. Тупые селяне же здесь были явно лишними. А приезжие неделями в Риме жить не могут. В результате оставалось на день голосования около 40 тысяч горожан. Далее в дело включались сложные комбинации. Римские граждане были разделены на 35 триб, или племен. Это были как территориальные объединения (например, по районам), так и "игрушки", сформированные местными олигархами. Кстати, благодаря этому обстоятельству римские богачи часто отпускали на волю своих рабов, делая из них полноправных граждан, но своих "клиентов", обязанных поддержать любое решение своего патрона. Одна триба — один голос, который оглашал "трибун", так что для принятия решения почти всегда требовалось только чтобы проголосовали первые 20 триб. Остальные могут расходиться!

При этом каждая триба делилась где-то примерно на десять "центурий" или сотен. Так говорили потому, что, к примеру, каждая центурия всадников из богатых граждан обязана была при полной мобилизации выставить 100 прекрасно вооруженных кавалеристов. При этом римские всадники, как плохие наездники, часто использовались как пехотинцы, если не имели возможности атаковать врага в конном строю. В сущности, еще со времени реформ шестого римского царя Сервия Туллия (578–534 гг. до н. э.) войско стало набираться по принципу имущественного ценза граждан.

Так вот, одна центурия — имела один голос. Но эти центурии были крайне не равны по своей численности. Маленькая кучка богачей составляла в совокупности около 180 центурий (из 360), а все пролетарии плюс к ним беднейшее крестьянство, что численно составляли около трети населения — одну единственную. Вот так и получалось что тысяча человек совершенно законным, демократическим путем могла решать судьбу 251 тысяч полноправных граждан или почти миллиона населения, если учитывать и женщин с детьми.

Обсуждая выбор консулов, надобно сказать, что римляне были люди очень практичные и несмотря на требования демократии о двух консулах с одинаковыми полномочиями, делали так, что это были фигуры неравнозначные. Чтобы власть оставалась в руках преимущественно одного человека. Раньше, когда консулы выбирались исключительно из аристократов — "патрициев", старались чтобы один из них был более авторитетным человеком, из более влиятельного семейства. Так что термин "первый консул" родился задолго до времен Наполеона.

Теперь же преимущественно выбирали одного консула из "патрициев", а второго из "плебеев". Так что в этом году наступила очередь "рулить" Республикой для одного из главнейших предводителей Рима — Публия Корнелия Сципиона. А это было немаловажно в этот драматический период когда вскипающий застарелой ненавистью Ганнибал идет на Италию, созывая подросших сыновей Карфагена расплатиться по счетам отцов.

Консулы разделили театры военных действий в провинциях меж собою по жребью. Корнелию досталась Испания, а Семпронию — Африка вместе с Сицилией. Сенат, состоящий из уважаемых людей, облеченных полным доверием сограждан, разрешил консулам набрать шесть легионов, а численность ополчения из латинских и прочих

италийских союзников велел установить самостоятельно. Ни в чем себе не отказывая. Среди всех союзников латиняне занимали самое высокое, привилегированное положение. Эти воины традиционно славились своей отвагой и преданностью.

А вот, к примеру капуанцы, хотя и были выходцами из этрусской колонии, ценились гораздо ниже. Они имели 6 000 вооружённых бойцов, причём пехота в боевом отношении была слаба; однако, качество аристократической конницы было выше, и она, главным образом в кавалерийских боях, побеждала противника.

Наряду с капуанцами, особенной популярностью в римской армии пользовались всадники из Тарента (греческой колонии в Южной Италии). Они имели собственную организацию и состояли из тяжёлых, средних и лёгких кавалеристов. Лучников среди тарентийцев было немного, основным оружием их акробалистов были дротики. Многие тарентийские конники имели запасных лошадей, на которых они могли пересаживаться в пылу боя. Римляне считали тарентийцев образцом для кавалерии, недаром же конный отряд носил название "тарентинархии". Две тарентинархии составляли кавалерийский полк из 500–600 наездников.

Уже было собрано в Италии двадцать пять тысяч римских пехотинцев и тысяча восемьсот всадников, готовых убивать и умирать; союзников становилось под знамена сорок тысяч пехоты и четыре с половиною конницы; военных судов выходило в море двести сорок. Сила Карфагена столкнется с еще большей силой! Кони устали ждать, а мечи притомились в ножнах...

При этом подавляющее количество римских воинов имели хорошие доспехи и панцири. Право же, не всякий кормящийся с лезвия меча способен позволить себе подобное снаряжение. Но эти — могут. Так как римляне выставили свое самое отборное войско. Две трети воинов были из аристократов и богачей, а так же богатых крестьян- "кулаков" и самых крепких "средняков". Лишь оставшаяся треть состояла из обычных крестьян. "Пролетариев" в войске было днем с огнем не найти. Лишь среди нестроевых обозников находилось около сотни подобных бедняков.

В эти годы оружие и сама армия ("Арми" в переводе с латинского и есть "оружие") были главной опорой местной правящей верхушки. Служили государству с оружием в надежде на воинскую добычу только самые уважаемые люди, которым было "что терять". Поэтому никакая классовая борьба в Риме была невозможна. Всех недовольных, как людей непривычных к войне и оружию, просто-напросто бы сразу перебили. Лишь через полторы сотни лет, когда Марий будет набирать в армию всех подряд, и платить им постоянное жалование, Рим погрузится в пучину гражданских войн.

С двумя легионами и шестнадцатью тысячами союзной пехоты Семпроний, до дрожи перепуганные собственной отвагой, готовился отплыть в Сицилию, чтобы затем переправиться в Африку, чтобы там выжечь пунийские осиные гнезда дотла — в случае если второй консул сумеет отразить нападение армии Ганнибала на Италию собственными силами. У Семпрония так же имелось 160 боевых кораблей и 12 небольших вспомогательных судов. Благодаря своим ресурсам римляне могли только за один год построить сто боевых кораблей.

Корнелий получил тоже два легиона и немногим меньше союзной пехоты, чем Семпроний. И, кроме того, 60 громадных пятипалубных пентер. Когда-то образцом для постройки таких судов послужила карфагенская пентера, бурей выброшенная на итальянский берег.

В качестве авангарда оставшиеся два легиона и десять тысяч союзников были отданы под начало претору Луцию Манлию и уже посланы в Римскую Галлию [Северную Италию] с целью — преградить путь карфагенянам. И заодно держать буйных галлов под контролем. Довольно трудно удержать земли, готовые скорее истечь пеплом, чем жить по законам, предписанным нелюбимой властью.

Поэтому римляне для укрепления своей власти в Предальпийской Галлии предпринимали лихорадочную колонизацию этих земель. В Галлии быстро возводились городские стены, и было объявлено, что в течение 30 дней римские переселенцы должны явиться на новое место жительства (первоначальное население каждой колонии было определено в 6000 человек); так в кратчайшие сроки римляне основали две новые колонии — Плаценцию к югу от реки Пада и Кремону к северу от нее. Хмурые аборигены смотрели на это с большим неудовольствием.

В целом римская армия на первоначальном этапе должна была насчитывать 65 000 пехоты и 6300 кавалерии — значительно меньше, чем мечтал собрать Ганнибал. Но существенное преимущество римлян заключалось, в том, что им предстояло воевать на родине и для них мобилизация дополнительных воинских контингентов становилось очень простым делом. В то время для пунийского полководца (пунийский означает просто "пурпурный", то есть любой император называется так потому, что имеет пунийский плащ) получение подкреплений оказывалось проблематичным. А мобилизационные возможности Рима достигали 400 тысяч бойцов.

В этот год Квинт Фабий Максим, облаченный в пурпур военного плаща, захватил себе полномочия "министра иностранных дел". Это был невысокий коренастый мужчина, очень энергичный, один из тех не знающих усталости людей, которые излучают ощущение полной уверенности и своим руководством улучшают любой коллектив. На этом фоне его большая лысина и огромная бородавка были мелкими недостатками...

Через сенат провели все юридические формальности, чтобы война Карфагену была официально объявлена. Копье Марса было торжественно брошено в южном направлении. Давно прошли те времена когда границы Рима проходили прямо у городских стен и жрецы-фециалы просто выходили во главе вооруженной толпы и наносили копьем первый удар на поле боя.

Жрец бросивший копье, приговаривал:

— Тогда как пунийский народ выступили против римского народа и римский народ на эту войну повелел- "быть войне", и Сенат эту войну одобрил, я объявляю и начинаю войну римского народа против пунов!

При этом символическом действии многие из присутствующих на церемонии сенаторов с тревогой вспоминали галльского вождя Бренна, который в свое время вместе со своими грозными воинами дошел до самого Капитолия и разграбил Рим. Это событие оставило в душе римлян неизгладимый след, и они и по сей день стыдились тех дней.

С другой стороны в первой войне с пунийцами внушительную победу одержал именно Рим. На северной стороне Форума (бывшего коровьего пастбища) стоял храм, построенный еще при основании Рима, более пяти сотен лет назад. Внутри находится "ляпис нигер", черный камень: им было отмечено место, где когда-то убили Ромула, основателя "Вечного города". Позади храма находилась "ростра", возвышение для ораторов; её украсили носами захваченных в бою карфагенских трием. И там ярко блестела вделанная медная доска в честь героя-победителя Гая Дуилия, выходца из плебеев.

И все же слухи в народе ходили один глупее другого.

— У Ганнибала войско больше ста пятидесяти тысяч человек! — кричал на Форуме мужчина, с внешностью запойного алкоголика, с красными кругами вокруг глаз.

— У него сотня африканских слонов и двадцать пять тысяч нумедийских всадников! — подвывал ему "собрат по разуму". — А нумедийцы, как мы знаем, неоднократно брали верх над нашими войсками в Сицилии. А опыт войны против слонов у нас не слишком-то героический!

— А ещё говорят, что Филипп Македонский, хочет поквитаться с нами за Македонскую войну. И за потерю Иллирии. Базилевс собрал большое войско и собирается напасть на нас с северо-востока, — подливал масла в огонь первый. — Филипп ведет многочисленные отряды конников, нанятых им во всех близлежащих землях: фракийцев, иллирийцев, эпиротов, эллинов, и прочих, от чьих рейдов так сильно страдали наши парни в прошедшей войне. Он явно хочет объединиться с карфагенянами.

— Как и все племена галлов, — мрачно добавил третий, сияя бланшем под глазом и небритыми щетинистыми щеками.

— Заткнитесь! — прервал вакханалию местных нищелюбов какой-то серьезный гражданин. — Вам-то что? Вас даже в армию не берут, как пролетариев. Это наше дело и мы будем решать эту проблему. Все, что сейчас действительно важно — разгромить врага, представляющего серьезную угрозу Республике. Для этого приложат все усилия все мечи лучших граждан Италии. С такими решительными воинами я обещаю вам быструю победу над карфагенскими захватчиками! Победу! Все дело может быстро закончиться в результате лишь одной битвы на море!

Вокруг раздались бурные аплодисменты. Народ на Форуме ликовал. Назревавшая паника уступила место бешеному энтузиазму. Раздались ликующие крики, и атмосфера сразу же стала радостной...

В конце февраля римские послы, во главе с Фабием, отплыли в Испанию, в край чубатых и косматых верзил, бородатых витязей, мало почитающих власть, но с великим почтением относящихся к силе, чтобы склонить тамошние государства и племена к союзу с Римом. Или хотя бы расстроить их дружбу с пунийцами. Первыми, кого они посетили, были баргусии, которые встретили римлян вполне радушно: могущество Карфагена было им в тягость. Боргусии жили среди лабиринта гор, долин и перевалов, и были крайне воинственны и свободолюбивы. Они охотно согласились поддержать Рим в этой войне.

Ободренные этой удачей, послы отправились дальше, петляя по узким проходам, взбираясь на холмы и спускаясь в долины. Во многих народах Испании, обитавших южнее Ибера, римские послы посулами и обещаниями пробудили жажду мятежа. Но затем очередь дошла до волькианов... Еще известных как "волки-люди". Этот народ никогда не складывал оружие и отчаянно дрался с многочисленными врагами, спасая остатки своей традиционной варварской культуры. Объединившись, волькианы могли выставить две, а то и три тысячи бойцов.

В тоже время этот народ оставался довольно диким. Они собирали желуди — свою главную пищу, оставив их предварительно на солнце, чтобы они высохли, очищали от кожуры, мололи и запасались мукой на шесть месяцев. Этот хлеб, продукты охоты и молоко составляли у них основной источник питания. Случалось, что моровая болезнь опустошала стада, поля не давали урожая. Когда такой голод свирепствовал среди населения, более сильные съедали более слабых, чтобы выжить и существовать.

После двух дней проведенных, так сказать, "в седле", римские послы увидели в конце узкой глубокой лощины укрепленное поселение, где-то в километре от них. Поскольку оно было выстроено на возвышенности, оборонять его было легко. Как и большинство поселений в Иберии, оно было окружено деревянным частоколом. На насыпном валу виднелись крохотные фигурки часовых. По обе стороны от него на склонах холма паслись стада овец и коз, беззаботные ягнята прыгали по обеим сторонам дороги. Довольно мирное зрелище, хотя местность и выглядела совсем дикой и суровой, но в озабоченных взглядах испанских проводников не было ни радости, ни спокойствия.

— Говорят, за ваши головы пунийцы назначили награду. А звук червонцев звонок. Вам и не следует бездумно класть головы на плаху, — обеспокоенно высказался один из проводников, мужчина с орехово-морщинистым лицом.

Но Фабий лишь презрительно отмахнулся и поехал вперед.

Не успели послы как следует приблизиться к поселению, как с ближайшего холма донесся тревожный звук трубы. Ему сразу же ответил другой, со стороны поселения. Такой постоянной готовности к схватке требовала от этих людей их полная опасностей жизнь. Волькианы даже спали не снимая военного плаща, держа оружие под рукой, чтобы быть готовыми к обороне, лишь только малейшая тревога нарушит их сон. Добавим, что нет во всей Кельтиберии воина, который не носил бы с собой яд, чтобы в случае неудачи на войне умереть, но не стать рабом победителя...

Услышав звуки труб, на валу селения начали кричать. Когда до поселения оставалось четыре сотни шагов, ворота со скрипом открылись, и наружу высыпали воины. Встав нестройной толпой, они, словно волки перегородили дорогу римлянам. Выглядели они внушительно — свирепые лица, ноги крепкие, как могучие стволы деревьев и широкие груди, напоминавшие скалистые утесы. Почти все мускулистые, но поджарые, бородатые. Уверенные в обращении с оружием. Молчаливые. Настороженные. Привыкшие к ночным засадам и дежурствам. Это не вызывало сомнений. Мужчины напоминали бывалых солдат, оставшихся в живых после гибели пехотного взвода.

Как и большинство представителей иберийских племен, волькианы, эти "тигры плоскогорья" были одеты как попало. Большинство щеголяло косматыми, непокрытыми головами. Те, кому посчастливилось иметь немного монет, потратили их на защитные шлемы из кожи и жил. Были здесь представлены и бронзовые каски, в виде чаши, или сборные, из трех металлических полос.

У большинства из варваров, унаследовавших от прадедов первобытную ярость в битвах, имелись щиты, но тоже разнообразной формы и размеров: высокие и прямые, со скругленными углами, овальные, круглые с коническими металлическими умбонами. Все щиты были ярко раскрашены веселенькими орнаментами из змей, ромбов или просто яркими цветными полосами. Но все волькианы были хорошо вооружены. У каждого имелся, по крайней мере, один железный дротик-саунион, но у многих было и по два. Помимо этого, у каждого воина был либо кривой копис, либо типичный прямой кельтиберийский меч. В этих варварах было что-то темное, мрачное и жутковатое.

Иберийские кельтиберы, конечно, не славились ни богатствами, ни хорошим оружием, однако это с лихвой восполняла их звериная свирепость. Сотни лет, проведенных в постоянных кровавых стычках с соседями, не слишком способствовали развитию их культуры, и волькианов можно было считать настоящими дикарями, однако им сполна удалось сохранить боевой пыл своих предков.

Фабий величаво повернул голову, обращаясь к проводнику-переводчику.

— Скажи им, кто мы и зачем здесь.

— Мы послы Великого Рима! — громко крикнул проводник из Таррагоны. — И пришли к Вам с миром.

Он постарался не обращать внимания на смешки, которыми встретили его вторую фразу.

— У нас послание для вашего вождя от Сената и народа Рима.

— Никогда не слышал о таких ублюдках! — вдруг заревел здоровяк с черной бородой, настоящая гора мышц.

Его товарищи одобрительно заорали. Волькиане не испытывали никаких теплых чувств по отношению к Риму, как, впрочем, и к Карфагену. Ободренный общей поддержкой, воин решительно двинулся сквозь толпу, словно носорог сквозь камыши. Все инстинктивно отступали на шаг, боясь толчка этой мясной туши — олицетворения грубой силы. Первая половина того, что называют «средним возрастом». Из-под его исцарапанного бронзового шлема свисали длинные черные пряди грязных волос. По лбу наискосок шел синевато-багровый шрам.

Традиционная черная стеганая туника богатыря не могла скрыть мощных мышц на его буйволиной груди и руках, а поножи из жил едва сходились на его мощных икрах, смахивающие на колонны храма. Он был так велик, что щит и саунион в его огромных кулачищах выглядели игрушечными. Чувствовалось, что этот большой парень — профессионал. Воин, исполненный непередаваемой мощью, презрительно свысока поглядел на обычных для римлян невысокого роста преторианцев-охранников, а затем холодно перевел глаза на Фабия.

— Назови мне хоть одну достойную причину не убить вас всех сразу, — озлобленно прорычал он.

Мрачный взгляд черных глаз на неподвижном лице дикаря был сродни взгляду змеи.

— Скажи им, — одними губами прошептал Фабий переводчику, — что у нас послание и подарки их вождю. Его вождь будет очень недоволен. Он не обрадуется, если сам не услышит этого и не получит наших подарков.

Услышав такой ответ, волькианы пропустили римских послов в селение.

Внутри поселение выглядело обычным для этой части Испании. Традиционное открытое место посередине, окруженное десятками одноэтажных домов из дерева и глинобитного кирпича, крайние из которых стояли вплотную к частоколу. Сквозь соломенные крыши многих домов поднимались клубы дыма.

Прямо в грязи играли крепыши-дети и собаки, крупные пастушеские овчарки, туда-сюда бегали куры и свиньи в поисках еды. Чувствовалось что чумазые дети здесь обожают оружие, даже едва научившиеся ходить несмышлениши тискали в ручонках камни или палки.

Женщины, среди которых было достаточно много особ мощного телосложения, но порядком растрепанных, и старики стояли в дверях домов, безразличными глазами глядя на происходящее. Старость считалось форменным несчастьем у кельтиберийцев, презиравших жизнь и дравшихся для развлечения между собой, когда не было войны. Воздух был наполнен кислым запахом человеческих и животных испражнений. Воины здесь обмывались лошадиной мочой, чтобы укрепить свои мускулы.

На дальнем конце площади, прямо на улице, на возвышении, стоял большой деревянный стул с высокой спинкой, на котором восседал заросший кудлатыми волосами мужик средних

лет, окруженный десятком всколоченных воинов в кольчугах и шлемах с алыми гребнями. В Иберии никогда особенно не заботились о роскоши и условностях. Бородатый верзила, что пытался преградить путь послам, тоже был там, говоря что-то вождю.

— Узрите римляне истинную мощь и величие и падите ниц! Никто не может сравниться в великолепии с королем Эндовелликом Темным, который восседает на древнем троне волькианов! Он дважды разбил соседей и обложил данью овцами и вяленой, хорошо провисшей на солнце рыбой, целых восемь селений за перевалом! В его доме в на полу лежит целый ковер из скальпов иберийцев и кельтов, карфагенян, да и римлян тоже! — сообщили Фабию, предлагая преклонить колени.

При этих словах приветственные крики волькианских воинов слились в сплошной рев. Однако Фабий, сохраняя достоинство, остался стоять на ногах ограничившись небольшим поклоном. Его дерзость не осталась незамеченной. Несколько стоявших поблизости варварских воинов при виде такого высокомерия гневно рыкнули.

Первым заговорил вождь. Он здесь работал по совместительству и прорицателем и колдуном, и все племя смотрело на него с благоговением и страхом, считая его способным изменить течение солнца в небе и в одну ночь колдовством уничтожить всю жатву врагов. Весь царек был изукрашен татуировками. Тут дракон, там орел, надпись рунами, обозначающая «Эндовеллик правит, все хорошо», кинжал, еще один кинжал, с крылышками. Эндовеллик Темный обратился прямо к Фабию, поскольку для всех было очевидно, что тот является главой посольства.

— Он говорит, что наше послание действительно должно быть важным, а подарки роскошными, чтобы лишить его воинов законной добычи, которую они получают за наши головы, — тихо перевел проводник.

— Мрази, — яростно прошептал Фабий на латыни, внутри буквально кипя от бешенства. — Они обгадятся со страху, когда увидят наши легионы. И как они смеют корчить рожи и не падать ниц перед римлянином!

Но у влиятельного римского сенатора еще было достаточно ума, чтобы помнить, чем он зарабатывает на жизнь. Он не был полным кретином. Так что, согласно установленного протокола, Квинт Фабий Максим лишь сказал громко:

— Вот доказательства нашей доброй воли и любви к великому народу волькианов.

Он щелкнул пальцами, и четверо преторианцев в черных плащах неспешно выбежали вперед, неся тяжелые позвякивающие мешки и рулоны плотно скатанной кожи. Положив их перед царьком, они вернулись на место.

Подарки развернули и мгновенно осмотрели. На лицах свирепых волькианов появилась алчность, когда они увидели, как на землю дождем посыпались серебряные монеты, закатанные в рулоны кожи. Килограмм пятнадцать. Немало, даже слишком много. Война с Карфагеном обходится очень недешево.

Впрочем, римляне никогда особо не церемонились с простодушными варварами. Как только волькиане сыграют свою роль и Рим победит, то варварам будет заявлено, что эти деньги — не подарок, а ссуда на ведение войны. Которую нужно вернуть, с процентами. То есть сумму в два раза больше. И это будет прекрасным поводом, чтобы попытаться захватить земли волькианов и обратить народ в рабство.

А сейчас пусть варвары радуются, как дети. При этом каких-то сто лет назад волькианам было безразлично золото и серебро, старейшины, угадывая зло, порожденные деньгами, запрещали вводить монету как средство платежа, но теперь прогресс здесь

двигался семимильными шагами, принося с собой все свои пороки.

— Говори! — отрывисто приказал вождь.

Фабий, в Испании призванный за свою огромную бородавку на лице "Бородавочником", держался уверенно, по крайней мере внешне. Он же принадлежал к сословию патрициев, элите Римской республики, и поэтому его манера держать себя выдавала знатное происхождение. Сенатора нельзя было назвать высоким — его рост недотягивал до 160 см, — но гордая осанка создавала впечатление, как будто он возвышается над окружающими. С таким же успехом Фабий мог бы написать себе огромными буквами на лбу: «Рим».

— Я олицетворяю собой всю мощь и величие римской Республики и народа Рима, — начал он свою речь мягким как шелк голосом, стараясь излучать показное дружелюбие. — В этом году вновь активизировался старый враг, старая угроза как нашей Республике, так и славному народу волькитанов, и главное — нашему общему свободному образу жизни. Жестокий, беспощадный враг, нанесший молниеносный удар, чтобы разорвать наши узы дружбы с вашими мужественными людьми, несущими факел свободы угнетенному народу Иберии! Этот враг не знает жалости, и, если его не остановить, он принесет войну к воротам поселений волькитанов! Но нас не сломить! И вот теперь я стою перед Вами, как посол Рима, полного миролюбия, олицетворяя собой приход новой эры для Иберии. Эры нового расширения, эры процветания. Которая наступит в союзе с Римом. При помощи нашей непобедимой армии и флота, я подарю свободу всем народам Иберии. Эта прекрасная страна превратится в место, где человек сможет жить в мире, свободным и без притеснений, пользуясь надлежащими правами и подчиняясь надлежащим законам. Вы будете в состоянии пить вино — ценою на вес золота; земля превратится в рай, самые лакомые, дорогие кушанья будут ожидать вашего выбора, ваш каприз будет законом, желание — действительностью, слово — могуществом. Наша победа неизбежна! От Вас же я только прошу поддержать нашу борьбу, ведущуюся исключительно в ваших интересах.

Фоном для этой речи стал врыв смеха слушателей. Эти льстивые слова — лживы как собачий скулеж. Не зря говорят бывалые люди: два языка в римской пасти — один медовый, второй смоляной!

Лишь вождь волькианов, услышав такие потоки славословия, стал задумчивым. Владеть собою — вот что завещали ему предки! Не богатством или знатностью, а хладнокровием прославился он среди буйных, быстрых на руку и язык кельтиберийских вождей. В течение двадцати ударов сердца Эндовеллик Темный сидел, глядя на лежащие перед ним богатые дары. А потом задал короткий вопрос.

— Он говорит, что этого мало, чтобы перебить цену карфагенян за ваши головы. Надеюсь, что "вы мне доставите еще в два раза больше"!

— Жадный ублюдок! Вас всех высекут, а потом распнут на крестах, чтобы вы умирали в мучениях очень долго! — стиснув зубы прошипел Фабий, но не решился повысить цену.

Итоговый ответ волькианов, который сразу же стал известен всей Испании, лишил римлян всех прежних удач и безнадежно осрамил их на будущее. Эндовеллик Темный красиво сказал так, соперничая в красноречии с Фабием:

— Нет у вас, римляне, ни стыда, ни совести, если вы уговариваете нас предпочесть вашу дружбу карфагенской! Ведь вы уже предали своих союзников, которые склонились на такие же уговоры, и в вашем предательстве больше жестокости, чем в бешеном гневе врагов, пунийцев. Ищите же себе союзников там, где о гибели Сагунта никто не знает. Для испанцев

развалины Сагунта навсегда останутся страшным уроком и грозным предупреждением. Убирайтесь!

Фабий не стал спорить и качать права. Он может и псих, но "в борщ себе не насрет".

А когда римское посольство удалилось от поселения на три сотни шагов, провожавшие их волькиане неожиданно напали. Это была показательная демонстрация силы и жестокости. Несколько сотен орущих дикарей набросились сразу на римлян, которых было всего два десятка человек. Без шансов! Римлян убивали как скотину на бойне. В воздухе мелькнули дротики, потом зазвенели мечи и некрасивая голова Фабия отлетела от фонтанирующего кровью тела. Посольство погибло на месте.

Через некоторое время к Кириллу доставили прокопченную голову Фабия и его отрубленную кисть правой руки на которой блесело сенаторское кольцо с надписью «SPQR», что значит «Сенат и народ Рима». За эти жутковатые предметы, он отсыпал посланцам золото по весу. Учитывая, что из Рима пришли отличные вести о гибели старшего сына консула Публия Корнелия Сципиона, убитого при выходе из борделя странными "детскими" стрелами, гроза на горизонте стала рассеиваться и показались проблески солнца. А жизнь-то налаживается!

И снова пришла весна. Час пробил! Ганнибал зашевелился. За всю свою шестьсот летнюю историю Карфаген только один раз уступил свои владения врагу. Теперь кто-то должен был за это ответить. Но предстоящая экспедиция в Италию очень пугала солдат: дорога казалась слишком далекой и опасной; заготовка продовольствия обещала почти непреодолимые трудности; на пути должны были встретиться дикие варварские племена. До Италии идти в лучшем случае полгода, на море господствуют римляне, так что припасы кораблями не подвезешь. Сухопутных дорог нормальных нет, каждый воин более тридцати килограмм провианта на себе не понесет, а этого хватит всего на месяц. Учитывая, что до урожая на полях осталось еще несколько месяцев, возникал резонный вопрос: "Что же воины будут есть в дороге?"

" Все тщательно взвесь — прежде чем куда-то влезть!" На военном совете, где часто говорили об испытаниях, с которыми предстоит столкнуться Ганнибалу и его армии, один из его «друзей», тоже Ганнибал, по прозвищу Мономах, серьезно уверял: есть, мол, только один реальный способ добраться до Италии — научить воинов есть человеческое мясо и позаботиться, чтобы они привыкли к этой пище. Но это оригинальное предложение после всестороннего рассмотрения отвергли....

Ганнибал Барка как-то должен был убедить своих солдат, своих врагов и друзей, что боги сражаются на его стороне и победа карфагенской армии обеспечена. С этой целью он отправился в Гадес (Кадикс) и там, согласно ранее данным обетам под лозунгам "Мечь — Риму", принес Мелькарту жертвы и совершил посвящения; трижды пробежав через языки жертвенного пламени. Там же, в храме Мелькарта, покровителя города Карфагена, он взял на себя и новые клятвенные обещания богам на случай, если задуманное им предприятие увенчается успехом. Тогда же среди воинов, да и не только среди воинов, стали широко распространяться слухи о чудесном сне, будто бы привидевшемся Ганнибалу, величайшему полководцу всех времен и народов, и явно предвещающем ему победу. Пропагандистская машина работала на полную мощность.

Поскольку море оставалась территорией врага, и римляне могли по воде быстро перебросить свои войска в любую точку, то непримиримый Ганнибал должен был позаботиться о безопасности своего тыла. Как в Африке, чтобы обезопасить ее от возможного вторжения из Сицилии, так и на Пиренейском полуострове. В Африку он решил направить воинов испанского происхождения, а в Испании разместить африканские гарнизоны.

Лев Карфагена хотел, чтобы африканцы служили в Испании, а испанцы в Африке потому, что вдаль от дома те и другие, как бы взаимно обменявшись заложниками, будут лучше исполнять свои обязанности. Очевидно, Ганнибал опасался не только римского вторжения, но и бунтов подвластных Карфагену ливийских и иберийских племен, которые мечтали вернуть своей родине независимость. Пунийцы прошли хорошую школу, и их полководцу прекрасно знакома была измена. В этом случае, конечно, целесообразно было использовать для подавления мятежей солдат-чужеземцев.

Ганнибал направил в Африку 13 850 пехотинцев и 1200 всадников, набранных из различных испанских племен — терситов, мастианов, оретан и олкадов; туда же он послал и 870 балеарских пращников. Эти солдаты в небольшом количестве разместились в самом

Карфагене, но в основной массе — в ливийских городах. Кроме того, сенат Карфагена своей властью в самой Ливии мобилизовал четыре тысячи воинов и расквартировал их в Карфагене — если понадобится, для обороны города, а при необходимости и в качестве заложников.

В Испании же войск совсем не оставалось. Тридцать тысяч солдат-защитников оставались лишь мечтами. Командовать войсками Карфагена в Испании, на территории превышающей размерами всю Италию вкупе с островами Сицилией, Сардинией и Корсикой, Ганнибал назначил своего брата Гасдрубала и передал в его распоряжение такие воинские силы: пехотинцев — 11850 ливийцев, 300 лигуров, 500 балеаров, и всадников — 450 ливийских финикийцев (из городов на побережье Африки, основанные финикийцами и, так или иначе, подвластных Карфагену, например: Гиппон, Гадрумет, Малый Лептис, Великий Лептис, Фапс) вперемешку с ливийцами, 300 илергетов (африканское ливийское племя), 800 нумедийцев. Нумедийские всадники были «глазами и ушами» карфагенских полководцев. На них возлагалась обязанность вести «малую» (рейдовую) войну, нападая на отдельные вражеские отряды пехоты и конницы, высланные за фуражом.

Кроме того, у Гасдрубала были 21 слон и, для обороны побережья от римского вторжения с моря, флот в составе 50 пентер, 2 тетрер и 5 триер. Кажется немало, но наполовину это флот еще не был достроен. Так только 5 триер и 32 пентеры уже имели команды из моряков.

А для похода в Италию Ганнибал мобилизовал все что смог, выгреб все воинские ресурсы под чистую — примерно 90000 пехотинцев и 12000 всадников. Вот так! Не сирота в слезах, Республика на троне!

Помимо собственно карфагенян, составлявших в этой армии, в общем, малозаметную прослойку, преимущественно командный состав, ее основные контингенты складывались из частью насильственно мобилизованных, частью завербованных ливийцев и иберийцев, а также из наемников различного происхождения и положения.

Те же лузитаны (проживающие на дальнем атлантическом побережье), умели искусно устраивать засады, выслеживать врага; они очень проворны, ловки, отличаются прекрасной маневренностью в строю. Лузитаны носят вогнутый вперед небольшой щит шестьдесят сантиметров в поперечнике, висящий на ремнях (так как у него нет ни колец, ни ручек). Кроме этих щитов, они вооружены ещё кинжалом или ножом. Большинство носят льняные панцири, только у немногих имеются кольчуги и шлемы с тремя султанами, остальные же носят шлемы из сухожилий.

Южные иберы были, собственно говоря, все бегунами- "пельтастами" и носили в соответствии с разбойничьей жизнью лёгкое вооружение (по типу лузитан), употребляя только дротики, пращи и кинжалы. Все они были живые, расторопные и полные огня, как все гасконцы. С пехотными военными силами у южных иберов, этих отважных басков, была смешана конница, так как их лошади были приучены ходить по горам и легко сгибать колени по команде, когда это было нужно.

На солдатских сходках Ганнибал говорил о том, с какой наглостью римляне требовали выдать его и всех военачальников, рассказывал, насколько плодородна и богата та страна, куда они идут, как дружески относятся к нему галлы — исконные враги Рима. Легкая прогулка за богатой добычей — такой он рисовал своим солдатам будущую войну. Точите все мечи!

И вот в один прекрасный день огромная армия двинулось в дорогу. Настала

решительная минута. Тут были все, на любой вкус и цвет.

Храбрые иберийские наемники, из тех что кормятся с копейного острия, в белых полотняных кирасах или в светлых кафтанах с красной оторочкой (хорошие воины, плохих не нанимают карфагенские вербовщики). Переваливающиеся по-медвежьи многочисленные иберийские ополченцы в черном, вооруженные железными дротиками-саунионами. Вислоусые кельты, обнаженные по пояс и вооруженные щитами и закругленными на конце, незаостренными мечами из мягкого железа. Смуглые нумедийцы, уроженцы гор Атласа со щитами из слоновой шкуры. Гордые копьеносцы с блестящих латах и шлемах из чистой меди. Одетые в красные туники стрелки, в красных же колпаках, их колчаны висели на широких кожаных ремнях.

И следом шли балеарские пращники, в своих драных накидках похожие на оборванцев. Вооруженные секирами кельтиберийские воины. Солдаты с серповидными бронзовыми мечами и шапками из звериных шкур на головах. Непонятные варвары с дубинами, татуированные ливийские племена, негры покрытые ритуальными шрамами. И далее — тяжеловооруженные воины, в кольчугах из металла, в массивных бронзовых панцирях и набедренниках, в тяжелых шлемах, украшенных конскими хвостами и пестро раскрашенными перьями.

Но главное внимание привлекали всадники, начиная с гордых и неукротимых в битве нумедийских наездников, что словно срослись со своими конями, украшенных плащами из шкур льва или леопарда отважных сынов пустыни, скакавших на маленьких неоседланных лошадях, до тяжелой кавалерии, вооруженной с ног до головы, и привлекавшей взоры любопытных зрителей сверкающим металлом вооружения и ярким красочным одеянием.

Кони тяжелой кавалерии с серебряными удилами и пурпурными шерстяными чепраками выделялись среди прочих внушительностью, а сами наездники — благородством осанки. Погода чудная, и ослепительное солнце Испании ласково играет на блестящих латах кирасир. Панцирная кавалерия казалась изваянными рукой Праксителя бронзовыми статуями, а не живыми людьми.

У почти полусотни слонов на спинах были деревянные башенки, в которых сидели метатели дротиков; грудь слонов была покрыта металлическим щитом, в центре которого располагался короткий, но острый металлический штырь, а хоботы животных были выкрашены красной краской. Эти серые исполины переставляют свои тяжкие ноги медленно, валко, словно нехотя. Слоны были любимцами карфагенян, за ними с любовью ухаживали, кормили их сладостями и баловали. Процессию украшали музыканты, дудевшие во все щеки в металлические трубы и рожки и бившие в барабаны и в бубны. Настоящее переселение народов, с плясками и бубнами начиналось!

Это пестрое воинство говорило на разных языках, молилось разным богам, имело разные обычаи и культурные традиции. Но их всех объединяла и тесно сковывало одной цепью страсть к кровавому делу войны, чувство воинской чести, верность клятве и преклонение перед воинской доблестью своего великого вождя и полководца!

Еще в качестве отягощающих обстоятельств для карфагенской армии добавим тот факт, что Ганнибал для количества выгреб почти все ополчения подвластных иберийских племен. В качестве "пушечного мяса". А среди варваров было немало тех, кто сражался с карфагенянами в последние два года. Для примера можно упомянуть непокорных диких карпетанов, во взаимоотношения с которыми у карфагенян последние пару лет складывалась чудовищная традиция — каждое лето умывать кровью этих мятежников, вырезая

значительную часть племени. Наемники Ганнибала омывали туземной кровью иберийские ущелья, нещадно карая селения за непокорность, убивая всех подряд и лишь выжженная пустыня оставалась там где они проходили. Естественно, что все эти варвары были крайне ненадежны....

В то же утро когда армия Ганнибала выдвинулась из Нового Карфагена, севернее, из порта Валенсии, Кирилл отправил свой дерзкий флот в набег на гавань Таррагоны. Этот город, весь украшенный и прекрасный, как ясный драгоценный камень, блистал среди прочих городов Северо-восточной Иберии! Поскольку Таррагона была самым большим портом в некарфагенской части Испании, то три дракарра Лала-Зора сопровождали семеро челнов, наполненных воинами союзного племени констенанов.

Каждый такой челн был похож на большое каноэ, грубо выдолбленное из ствола огромного дерева и содержал два десятка человек. Эти большие лодки были сделаны те благословенные времена, когда еще лесозаготовщики могли валить любое приглянувшееся дерево. Такие боевые ладьи недороги, их ничего не стоит построить и не жаль потерять. Люди на них были под стать своим лодкам, храбрецы-авантюристы.

— Труби, труба, бей, барабан! Воины отправляются в поход в длинных ладьях. Изогнутая корма, голова зверя на носу, режь мужчин, насилуй баб! — такими словами их зазывали в поход.

На финикийских же стремительных драккарах помещалось по полсотни гребцов-воинов на каждом.

Галеры на подбор,
На скамьи для гребцов,
И кельты, и иберы
Прислали храбрецов.

В гавани Таррагоны, согласно данным лазутчиков, этой флотилии должны были противостоять шесть боевых триер, парочка более мелких бирем, около двух десятков купеческих кораблей, не считая всякой рыбацкой мелочи.

Поскольку в открытом бою челны констенанов, которыми командовал один из младших королей племени Алете "Заячья Лапа" (в крови которого еще бурлила страсть к сражениям), не могли противостоять боевым кораблям греков в количестве менее четырех к одному, то основной расчет строился на ночном нападении на вражескую гавань и внезапности. Как говорится: "Темнота- друг молодежи"

Флотилия Лала-Зора ходко шла под веслами, искусно маневрируя и держась возле самого берега, чтобы в случае нападения констенаны могли скрыться на суше. При таком развитии событий более быстрые драккары могли оторваться от любого противника. Если же эту флотилию заметят с берега, то известить врагов уже не успеют. Челны движутся со скоростью всадника, но лошадь не может скакать длительное время — ей нужно отдыхать. А человек на охоте может загонять до полусмерти почти любое животное.

Ясный весенний день предвещал спокойное плавание. Прекрасная погода для навигации. Подул легкий попутный бриз, все суда поставили приставные мачты и подняли паруса. Теперь пиратский флот напоминал отару овец, с белыми подбрюшьями парусов. Великолепное зрелище! Переход занял целый световой день, и прятаться днем в укромной бухте не пришлось. Теперь пиратская флотилия растянулась, следуя за кормой флагманского корабля Лала-Зора, находящего верный путь по звездам. Остальные держали курс на потайной фонарь на корме флагмана. Там, отсутствие одной стенки делало свет видимым

только с одного направления. Под покровом темной ночи — всегда для смерти путь короче.

Вот и гавань Таррагоны. С давних времен этот город был избавлен от бедствий, посему жители пребывали в беззаботности и безмятежности и богатели, накапливая щедроты моря и суши. Городскую гавань от внезапного нападения защищает сторожевая триера. В ночном свете можно различить в глубине гавани около трех десятков больших судов. Остается надеяться, что ночью такой ранней весной на них не имеется полных команд.

— Скорость атаки! — довольным голосом приказал Лала-Зор. — Перехватывающий курс на сторожевое судно. Сегодня в море прольется достаточно вражеской крови.

Понятно, что пиратская флотилия растянулась. И одновременное нападение никак не получится. Так что вначале флагманский драккар нападет на сторожевик, а потом остальные пираты обрушатся на суда в гавани. И пусть боги помогут храбрейшим! Око Ваала разберется, кому присудить победу!

Ускоряющийся ритм ударов весел догонял ритм пульсирующей в жилах крови у пиратов. Такие ночные нападения уже были отработаны до автоматизма. Вначале парочка арбалетчиков уничтожала часовых, успевших поднять тревогу. Но для врагов было уже слишком поздно.

Затем, заметавшихся греческих воинов, приближаясь, поподчивали несколькими небольшими свинцовыми гранатами балеарские пращники, усугубляя панику. Их вскоре поддержали десяток пиратских лучников и метателей дротиков, подавляя сопротивление вражеских бойцов с метательным оружием. А приблизившись на дистанцию в десять метров, прикрывающиеся щитами нападающие побросали на врагов, готовящихся к abordажу, три горшка, начиненные взрывчаткой.

После взрывов, деморализующих сопротивление, в дело тут же пошли горшки с нефтью, и финальный факел, прилетевший на борт сторожевика, ставил окончательный штрих в нападении. Остальное было делом техники — пожар уничтожал вражескую триеру. А у пиратов всего парочка легкораненых бойцов.

Через несколько мгновений после нападения на сторожевик горел уже весь парус, а языки пламени лизали бегучий такелаж и мачту. Сухая ткань занялась моментально, задымила, щедро рассыпая искры, и пламя, пожирая свою добычу, стало подниматься все выше и выше. Во все стороны летели пылающие куски дерева и обрывки ткани. Опытная команда сторожевика, подгоняемая страхом, была охвачена паникой; отовсюду слышался частый стук босых ног о доски палубы, над которой с гудением и треском бушевало пламя. Горел уже весь парус, и команда не справлялась с падавшими вниз обрывками, соединяющимися с лужами горящей нефти на нижней палубе. Просмолённые борта галеры римских союзников вспыхнули мгновенно. Матросы прыгали с палубы в воду, покидая корабль, полностью охваченный пламенем, а прикованные к веслам гребцы в агонии сгорали заживо с жуткими воплями.

Флагманский драккар «Священный Афиногений» снова набрал скорость, и рулевой принялся высматривать новую жертву. Лала-Зор осмотрелся: его флот устроил настоящую бойню. Одни челны преследовали суда, пытавшиеся отделиться от остальных и спастись бегством в ночи, другие направились в самый центр гавани, сея панику и провоцируя бегство команды на берег с больших и неповоротливых торговых судов.

Финикийские драккары в первую очередь жгли военные галеры, на которых не было полной команды. Эти военные суда моментально превращались в огромные пылающие факелы. Воины константов тоже забрасывали военные суда дождем из огненных стрел и

одновременно брали на абордаж неповоротливых "купцов". Враги Карфагена дрогнули, происходил полный разгром флота Таррагоны. Лала-Зор от души благодарил финикийскую богиню судьбы Танит за необыкновенную удачу, отдавшую вражеский флот прямо им в руки.

Вскоре, под отчаянные крики барахтающихся в воде людей, на фоне горящих таррагонских триер и бирем, веселые константанские воины лихорадочно обшаривали трюмы купцов, торопясь пока из города не прибудет подкрепление противника и не осыплет их челны с берега градом горящих стрел. Потери у горячих константанских союзников Лала-Зора были значительны, до трети экипажа убитыми и ранеными. Зато у финикийцев, действующих с дистанции, — минимальны. Да стоит вечно Великий Карфаген! Светлый Мелькарт с нами!

Примерно в то же время с вышеописанными событиями, в северной Испании действовало карфагенское посольство, возглавляемое сенатором Малхом. Одно из многих посольств посланных Ганнибалом вперед перед своим воинством. Договариваться о подчинении местных племен, о дани, или просто о беспрепятственном проходе армии Карфагена на север. Зачем терять время даром. Даже козе понятно, что три или четыре тысячи воинов, что может выставить стандартное иберийское племя ничего не сможет сделать с огромной стотысячной армией профессиональных воинов Ганнибала. К тому же местным ополченцам нет никакого резона вступать в кровавые битвы с пришельцами. Цель Карфагена — Рим, а здесь все ограничится чисто символическим подчинением.

Тем более, что все посольства везли для вождей племен серебро — много серебра. В общем, более сотни килограммов в монетах и слитках. И около восьми килограммов золота. Для символических подарков предводителям иберийских племен. Так что выбор для туземцев был крайне прост- кнут или пряник. Война с огромной армией, либо небольшая дань с племени сопровождаемая личным благополучием местного руководящего состава.

Конечно, при всем при этом, в северной Иберии местные кельтские и кельтиберские племена были настоящими дикарями. И сенатор Малх многократно рисковал оставить там свою голову, череп которой мог бы украсить хижину какого-нибудь местного варварского царька. Но сильно помогало то, что в случае любых разногласий, согласно традиционного варварского обычая, спор можно было решить поединком.

Отказаться дикари не могли, это считалось трусостью и вожди племен тогда бы "потеряли лицо". А карфагенские офицеры, в одиночку управляющие отрядами варварских наемников, признававших только "право кулака", были великолепными фехтовальщиками, владеющими многогранным арсеналом приемов. Сопровождавших же сенатора сыновей-Сафона и Бостара еще никто не мог победить в поединке. Это были никем непревзойденные фехтовальщики из фехтовальщиков. Нас выше в мире — нет!

Тут надобно еще пояснить, что местные мечи- дрянь редкостная. Железные, сделанные из плохой болотной руды, легко гнутся. А на бронзовых при ударах о твердую поверхность образуются насечки. Когда таких насечек становится много- меч может сломаться, словно сделанный из льда. Так что при поединках никто не отражает удары вражеского клинка своим мечом. Все стараются увернуться и поразить противника в мякоть. Что-то вроде ограниченного японского кендо, только без ударов палкой о палку.

Но все отправленные с посольствами карфагенские офицеры уже были снабжены новыми мечами из композитной стали. Бостар же и Сафон, коллекционирующие фехтовальные подвиги, являлись счастливыми обладателями великолепных мечей из булата.

Теперь у них обширный арсенал приемов изрядно пополнился. Они просто могли наносить мощные удары по клинку соперника. При этом железные мечи гнулись, а когда противник пытался их разогнуть, наступая ногой, — его просто убивали.

В случае с бронзовыми мечами, то они из-за своей хрупкости и так были намного короче, так что соперник изначально был в невыгодном положении. А когда же бронзовые мечи еще и подвергались сильнейшим ударам и от них летели мельчайшие осколки, то растерянный противник всегда допускал ошибку, стараясь сохранить ценный меч и невольно подставляя грудь.

В итоге все поединки всегда заканчивались одинаково — не в пользу варваров, чьи бойцы уходили на Небеса в ладье духов. Божий суд выносил приговор. Опротестовать его варвары не могли. Так что миссия сенатора Малха и остальных завершилась полным успехом.

Но посольства в северную Иберию были только малой частью обширной мозаики. Еще ранее, умело используя зимнее время, Ганнибал развил энергичную разведывательную и дипломатическую деятельность. Ловкие агенты Ганнибала буквально наводнили Южную Галлию. Они разведывали дороги, прощупывали настроения галльских племен и, что особенно важно, галльских вождей, вели с ними переговоры и обещали все, что только можно было пожелать, за поддержку и возможность пройти через Галлию, не подвергаясь нападениям со стороны местного населения. Результаты этих контактов как будто обнадеживали: антиримские настроения галлов позволяли надеяться если и не на прямую помощь, чего Ганнибал добивался, то по меньшей мере на дружеский нейтралитет.

Как примерный ученик, готовящийся к экзамену Лев Карфагена изучал все что касалось предстоящего похода. Дороги, перевалы, одежда, обычаи местных жителей — ничто не ускользало от его внимания.

Надобно заметить, что в этой исторической реальности армия Ганнибала двигалась на север исключительно быстро. Вплоть до самой северной реки Эбро территория уже в прошлом году подчинилась Карфагену. Кроме того, в этот раз больших обозов тащить с собой не пришлось. Ганнибал, Опора Нации, привлек с собой большой флот карфагенских и финикийских купцов. В этом ему очень помог Кирилл, напрягший свои торговые связи и потряхнувший мощной. Всегда же лучше служить в интендантском обозе, чем по малолетству геройствовать на фронтах. Главное же было то, что Кирилл гарантировал осторожным купцам полную безопасность кораблей вплоть до самой Таррагоны. И даже дальше — до Барселоны. Никакого риска, всех чужих порвем, а всех своих — защитим. Налет на гавань Таррагоны был лишь только первой частью этого плана.

Так что все продовольственные и воинские припасы и амуниция находилась на борту полусотни купеческих судов, а огромная армия Ганнибала шла фактически налегке, обеспеченная трехразовым питанием. Итак, Ганнибал двинулся из Нового Карфагена вдоль морского побережья, мимо разрушенного Сагунта, мимо крупнейшего иберийского города Этовиссы на север и тремя огромными колоннами форсировал Эбро. Вихрем непобедимое войско Карфагена перешло пограничную реку, мать струящихся вод, и углубилось на вражескую территорию. Местные варварские племена, конечно, дали разнообразные обещания пунийским послам, но все-таки сохраняли некоторое недоверие, скептически относясь к небывалым размерам армии Ганнибала.

Но теперь дикари воочию увидели это громадное войско — и ужаснулись! Все пошло как по маслу, варвары все как один выражали свою покорность воле Великого Карфагена.

Все начали один за другим падать лапками вверх.

Таррагона внезапно оказалась в пугающем одиночестве. Брошенная Римом на произвол судьбы, и одновременно своими варварскими союзниками. Вдобавок и флот свой она уже потеряла. Судьба Сагунта еще была свежа в памяти всех испанцев — Таррагона тоже покорилась неизбежному. Согласно договору, Таррагона соглашалась платить небольшую дань, а в Акрополь вводился небольшой карфагенский гарнизон, в качестве гарантий выполнения обязательств. Племена илергетанов и лукавых баргусиев были уже подчинены, а авсетаны и лицентаны, мастера вести малую войну в лесистых отрогах, уже высказали свое предварительное согласие покориться воле Карфагена и мирно пропустить армию Ганнибала через свою территорию.

Теперь во всей Испании, вплоть до Пиренейского хребта, сражаться с Карфагеном готовилась одна лишь греческая Барселона....

Барселона была тем самым неудобным камнем у дороги, на котором должна была споткнуться армия Ганнибала. Действительно, что произойдет если Барселона покорится? Флот, сопровождающий карфагенское войско, беспрепятственно пройдет дальше и перевезет необходимые грузы вплоть до самых Пиренеев. А если еще кораблям, делающим по морю челночные рейсы туда и сюда, удастся не только перевезти на ту сторону гор необходимые припасы, но еще перебросить в Южную Галлию отряды конницы и слонов, то армия Карфагена, налегке буквально "перелетит" Пиренейский горный хребет.

Естественно, что все это понимали и римляне. И просто так отдавать город они не собирались. Конечно, удержать Барселону не удастся, но используя ее в качестве морской базы, можно хорошо пощипать пунийский флот, и попить немало крови у Ганнибала, сильно притормозив его армию. А там в Альпах и зима начнется...

Таррагону римляне просто проспали. Из-за бюрократических особенностей своего государства. Все знает что новый год в Риме начинается с 1 марта. Поэтому декабрь в переводе и есть десятый месяц. С первого марта совершается круговорот чиновников в Римской Республике. Администраторы и начальники занимают новые посты. Прежде чем вступить в должность, в римских храмах эти люди приносят торжественные жертвы на богослужениях, испрашивая у богов удачу в делах на следующих период. Жрецы тщательно контролируют этот процесс.

И если в Риме все это не отнимает много времени, то начальникам, назначенным в провинции, еще нужно добраться до места службы. А раньше сорваться и проигнорировать традиционное богослужение — нельзя. Судьба одного такого бедолаги, который нашел приключение себе на задницу, сорвавшись в спешке в провинцию, до сих пор служит прекрасным примером для остальных.

Так что где-то до середины апреля римская административная машина в провинциях пробуксовывает. Конечно, в Карфагенской Республике бюрократии еще больше, но Испания оставалась наособицу. Там все было отдано на откуп частной инициативе.

Так что за Барселону готовилась грандиозная драка. Значительная часть римского флота — 40 громадных пентер, гигантских галер у которых было пять гребных палуб, уже прибыла в Массалию (Марсель). А эти исполины плавают довольно медленно. Кроме этого, три передовые военные римские триеры уже прибыли в гавань Барселоны. Что там за расстояние, если плыть по морю? Для хорошего корабля при удачном ветре из Остии в Барселону можно добраться за пять дней. А триеры были кораблями довольно быстрыми. Кроме этого в гавани Барселоны уже собрались шесть триер от греческих союзников из южнофранцузских Нарбона и Марсея. Если добавить сюда три барселонские военные триеры, то уже получался внушительная эскадра из двенадцати военных кораблей. А ведь это только передовой отряд!

Кроме того, печальная судьба уничтоженного таррагонского флота местных греков многому научила. Теперь в барселонскую гавань так просто не пробиться. На юг были выдвинуты по берегу на значительное расстояние наблюдатели, которые в случае обнаружения карфагенского пиратского флота должны были зажечь тревожные костры. На ночь в барселонской гавани на внешнем рейде выставлялось ограждение из рыбачьих лодок, которые должны были дать сигнал тревоги. Кроме этого, римская флотилия разделила ночь

на смены. Три корабля- "сторожевая смена"- дежурившая неподалеку от цепи рыбацких посудин. Следующие три корабля- "смена боевой готовности". В случае тревоги они должны были на всех парах мчаться в бой. И две остальные смены- отдыхающие. Но и там команда на берег не сходила и эти корабли готовы были довольно быстро присоединиться к своим товарищам.

Промедление для армии Карфагена — смерти подобно. Потому что зимний сезон в Альпах может обрадовать только горнольжников. Но, учитывая мизерные силы флотилии, которой мог оперировать Кирилл — Барселону с налета не взять. Кровью умоешься — а дело не сделаешь. А всякому известно: перед римскими шакалами нельзя отступать! Бегущего они рвут на куски. Их надо бить, и тогда они бегут прочь, обгадившись и поджав мокрые хвосты.

Приходилось искать какие-то преимущества. Чего много у Карфагена и мало у Рима? Нефти! Карфагенская Республика контролирует обширные нефтяные поля Алжира и Ливии и нефти у нее — хоть залейся. А вот на территории нынешней Римской Республики нефти нет совсем. Да и получить ее римлянам особо неоткуда. Разве что из Керенаики (Восточная Ливия). Но что такое Керенаика? Захолустье с редким населением.

Даже в 21 веке в этой части Ливии не было больших городов и значительного населения. А сейчас это вообще просто автономная часть Египта. Так как вся Керена кормится привозным, египетским хлебом. А в Египте — Птолемеи. То есть македонцы. А Рим- враг Македонии. Правда, демонстративный друг греков, так что в частном порядке может у ливийских греков ее купить.

Но чем больше опт- тем ниже получается стоимость. А в Керенаике нет больших и удобных портов, типа Александрии. Есть небольшая Керена, есть миниатюрная Барка, но оттуда вывозят преимущественно пряность — сильфий. Да и кому эта нефть нужна. Местные могут при помощи нефти у баранов вшей выводить. Но в Риме для этой цели прекрасно подойдет выпаренная коровья моча. В светильниках нефть особо не жгут — воняет. Тот же жир — лучше. Так что разве каким сенаторам пару амфор продадут за большие деньги, в качестве жидкости для розжига каминов зимой — и на этом все.

Итак, в один прекрасный день из североиспанской Этовиссы вышел странный флот, сформированный на деньги Кирилла. Очень странный. Тут были уже нам известные три финикийских драккара Лала-Зора. Тут же находились шесть челнов константанов Алете. Тот понес большие потери в экипажах у Таррагоны и до сих пор не сумел восстановиться. Тут были три гребных купеческих купца, угнанных ловкими константанами из Таррагоны и выкупленные для своих нужд нашим попаданцем, на которые были набраны обычные контрактные команды для перегона.

Еще тут был купленный в Гадесе большой и грузный зерновоз, у которого передняя площадка была переоборудована и там водружена злополучная небольшая бронзовая пушка. Кроме обученных пушкарей экипаж, в том числе и гребцы был набран из различных авантюристов-добровольцев. В добавлению ко всему этому, три вышеупомянутых бывших греческих купца, из таррагонских трофеев, тащили на буксире каждый по две ветхие неказистые посудины, торговые суда, отслужившие свой век и купленные по цене дров. В общем: "Храни Вас бог, сеньоры!"

Естественно, что передвигалась эта горе-флотилия очень медленно, ориентируясь на скорость самого "черепашьего" судна. Малая зыбь, чистое небо и прозрачный весенний воздух делали это утро очаровательным. Во всей юной красоте. Так же к поэзии располагала и винноцветная, фиолетовая морская вода, с легким налетом, как на спелой сливе или

виноградине. Через какое-то время выставленные наблюдатели заметили плывущую группу карфагенских кораблей и в небо поднялись тревожные дымы. Получив сообщение при помощи "огневой азбуки", из гавани Барселоны, навстречу беспечным карфагенянам, сумевшим забраться так далеко на север, тут же быстро вышла римская эскадра из дюжины кораблей. Началось!

В этот день небеса Испании увидели самое большое и кровопролитное сражение из всех, что разыгрались в здешних водах за последние двадцать лет!

Довольно скоро противники увидели друг друга. Формально командовал римской эскадрой Луций Марций Максимин, но поскольку все корабли были одного класса, а римские триеры из "Классис Романус" из-за расположенного на носу абордажного мостика ("ворона"), были тут самыми медленными и плелись в хвосте, то греки выбрали себе в командиры барселонского адмирала Ксантиппа, командующего "Ахиллесом", и слушались его приказаний.

Кроме сотни гребцов и матросского экипажа на борту каждой триеры было по четыре десятка морских пехотинцев. А тут надо заметить, что даже римские галеры были римскими только по названию. Кроме морских пехотинцев там римлян не было. Это же совершенно не морской народ. Море никогда не было стихией римлян, они его боялись и не любили. Разноплеменных рабов можно было не считать, а экипажи были набраны из уроженцев италийской "Великой Греции", недавно попавшей под власть Рима.

Римские триеры с тремя рядами весел выглядели внушительными. Парус и мускульная сила сотни рабов обеспечивали невероятную скорость и маневренность этих судов: они выглядело словно породистые жеребцы по сравнению с вьючными мулами — грузовыми судами карфагенян, с которыми им сейчас приходилось иметь дело. В основном. Драккары Лала-Зора хотя и выглядели быстрыми, но были раз в пять меньше размерами, чем боевые триеры. Выглядело это так как будто моська собирается бодаться со слоном. Маленькие челны константанов — вообще не в счет. Ни одно из карфагенских судов не было оснащено тараном, так что римляне их разметают в два счета как мусор на поверхности воды. Это будет просто резня!

Увидев врага впереди, адмирал Ксантипп почувствовал лихорадку боя. И жажду крови.

— Что же, жертвы принесены, оракулы благоприятны. Приступаем! Приказ начальнику гребцов: вперед обычным ходом! — хорошо поставленным командным голосом приказал он помощнику, увидев, что имеет большое численное и позиционное преимущество. — Курс — юг. Когда выйдем на дистанцию атаки, увеличить скорость до боевой. Поднимите всех запасных гребцов с нижней палубы. Все должны работать как единый механизм. Катапульти к бою!

Ноздри адмирала раздувались, глаза блестели. В нем говорила кровь древних морских пиратов, грабивших берега Иберии и Галлии.

Отсалютовав, помощник удалился исполнять приказ.

Ксантипп теперь повернулся к архонту, командующему морскими пехотинцами:

— Мне нужен временно десяток твоих людей, чтобы поддерживать порядок на нижних палубах. Гребцы, конечно, прикованы к веслам, но они должны быстро выполнять мои команды; кроме того, нам следует подготовиться к тарану.

Архонт срочно покинул бак, чтобы отдать распоряжения воинам. Моряки поспешно очищали палубу, готовясь к бою. Хороши, отметил адмирал, — опытные и умелые.

Под убыстрившийся грохот барабана, задававшего ритм, сотня весел одновременно

вспорола гладь моря, нос триеры, украшенный тараном, заостренным наподобие ножа, резал волны. Море вокруг как бы пылало на солнце, лениво пофыркивая мириадами искрящихся брызг, и чайки, неспешными кругами плавно парили над палубой. Корабль вел себя как молодой жеребец, вырвавшийся из тесной конюшни. Адмирал крепче сжал борт, ощущая пульс "Ахиллеса", который стремительно несся по волнам, повинуюсь ритмичным ударам весел.

Сборная солянка карфагенских судов, заметив римлян, разделилась. Передовой отряд драккаров, начал быстро выдвигаться вперед и потом забирать вправо, в сторону открытого моря. Три буксира, напротив, перерубив канаты, начали разворачиваться, пытаясь сбежать. "Старые калоши", в отсутствии гребцов и устойчивого попутного ветра, вообще не могли сдвинуться с места. Как и челны константанов, пахарей мелководья, решивших не искать спасения на берегу, а оставаться в общей куче. На миру, как известно и смерть красна!

На каждом старом купеческом корабле почти не было экипажа. Хотя по бортам стояли расставленные деревянные чучела, наряженные в соломенные шляпы. Людей же на борту каждого дряхлого "купца" имелось человек двадцать — не более. Половина — мускулистые молодые иберийцы, выглядевшие по спортивному, другая половина — старые моряки из местных, всю сознательную жизнь проходившие на финикийских судах. И теперь они выполняли роль смертников.

— Братья мои! — обратился старый крюконосый моряк с седыми волосами, обращаясь к окружающим. Весь покрытый шрамами, он выглядел словно дерево о которое медведь долго точил когти. — Вот и пришел наш час. Враг грозен. Живущие-Выше-Гор, Тучегонители, заждались нас в своих небесных чертогах. Все мы прожили долгую жизнь. Позор тому иберийцу, что встретит старость в своей постели. Нас ждет щедрая награда, наши семьи будут обеспечены Ганноном, сыном Малха. И все знают о том, как легко горят боевые корабли.

Этим шести старым кораблям была уготовлена роль брандеров.

Внимают старому наварху престарелые и загорелые дочерна укротители бурь, не позволяя себе переспрашивать, и лишь почтительно слушают, не смея даже и вздохом помешать говорящему.

Действительно, дело мужчины — война. Горе тому народу, на землях которого царит длительный мир и окруженному дружественными соседями. Если можно представить, что бывают в этом мире мирные рубежи, не нарушаемые молодецкими набегами. Что произойдет? Женщины при родах часто умирают и через какое-то время доля мужчин там существенно превысит долю женщин. А там уже недалеко до внутренних раздоров и до гражданской войны.

Да и не лучше ли умереть в расцвете сил, чем мучиться дряхлым стариком, с разбитыми суставами артритом? У которого нет зубов и что может есть только пищу, заранее пережеванную ему детьми и внуками? А какого лежать зимой на вонючих шкурах, не в силах лишней раз выйти на улицу, и смотреть полуслепыми глазами, вечно слезящимися от надоедливости дыма очага, в закопченный потолок? Не лучше ли погибнуть и пировать вечно молодым в чертогах богов?

Но тут были не только старики, но и молодые "спортсмены", с украшенной темной бронзой налобниками. И хотя с кормы каждого брандера скинули в воду по два небольших кожаных кельтских "карраха" было понятно, что там смогут спастись только шесть человек. Не больше. Но и молодые спокойно готовились к бою. Кому жить и кому умереть — решают

боги на небесах. Судьба правит всем. А ради доброй добычи, ради славы, ради мести, наконец, сын славной Иберии, известный своей отвагой, всегда готов затянуть боевой, заклепанный медными бляхами пояс на крепких бедрах.

Тем временем, далеко оторвавшиеся вперед быстрые гребные драккары Лала-Зора играли с преследовавшими их триерами врагов в кошки-мышки.

— Мы станем для них вестниками Мота, бога смерти. Он говорит: смерть римлянам! — так заявил этот старый пират своим закаленным в боях соратникам. — Наше дело правое, братья! Победа будет за нами!

Лала-Зор прекрасно понимал, какую грозную опасность таит в себе встреча его легких и быстрых суденышек с римскими высокобортными кораблями. Но скорость драккаров была на пару узлов больше, поэтому на таран их было не поймать. Римским гребцам, чтобы просто не отстать, приходилось работать интенсивней. Несколько раз сработали катапульты, расположенные на носовых площадках триер, но безрезультатно. Дистанция слишком велика. Да и катапульты — не пулемет, они вообще не могут стрелять долго. И силой перекрученных воловьих жил тяжелый камень далеко не закинешь. А легкий бросать — смысла нет.

Кроме того, катапульты, чтобы не стрелять "черпачком", а такой выстрел не будет хорошим, имели ограничители. Это был толстый брус установленный на угле в девяносто градусов и останавливающий "ложку" в высшей точке, чтобы она придавала снаряду оптимальную траекторию. Другое дело, что на этот брус приходилось вся ярость и сила катапульты и после нескольких выстрелов он совершенно "ушатывался". В дребезги.

Так что драккары Лала-Зора маневрировали, старались зайти с внешней стороны, вне пределов радиуса действия катапульт, чтобы обстрелять из арбалетов экипаж триер и нанести им некоторый урон. С другой стороны стреляли мало. Что римляне лучники никудашные, что греки, с тех пор как на Крите убили последнего горного козла, рога которого шли на луки знаменитых критских лучников. А действующий с другой стороны большой иберийский лук, сделанный из тиса — классная вещь.

Еще Колумб, в начальном периоде действия огнестрельного оружия, в качестве убийственного аргумента предъявлял индейцам на американских островах всю мощь кастильского лука. В общем-то и знаменитые английские луки — на самом деле не совсем английские. Они были сделаны из средиземноморского тиса, и как только англичане потеряли в Столетней войне Аквитанию, Гасконь и Бордо, так и лучники у них автоматически закончились.

Так что здесь, говоря своеобразно мыши льнули к котам, дергали их за усы, но без особого результата. У римских союзников кто-то был убит, кто-то ранен, но это число исчислялось единицами. Более эффективно были задействованы против римских преследователей плавучие мины. Они состояли из плавучего круга, набитого корой пробкового дуба и прилаженных внутрь керамических горшков с взрывчаткой, с воткнутым отмерянным горящим фитилем.

Такие мины опускались в кильватерную струю, навстречу вражеским триерам. Последовала парочка взрывов, оцарапавшая носы триер, увенчанные бронзовыми таранами и защищенные спереди медными листами. Кроме этого этими взрывами сломало несколько весел у гребцов. Такие игры, словно котенка за своим хвостом, не могли продолжаться долгое время. Гребцы сделаны не из железа. Даже лучшие гребцы могут поддерживать скорость атаки не больше пятнадцати минут. При таранной скорости они выдыхаются за

пять. Так что вскоре здесь положение успокоилось и скорость кораблей упала до минимальной. Лала-Зор заставил римских рабов грести за пределами их сил, за пределами выносливости. Он истощил силы гребцов, и скоро все три триеры практически остановились.

— Надсмотрщики! — в ярости ревели капитаны. — Поддайте жару, чтобы с этих рабов шкуры спустили!

Но все было тщетно, рабы совершенно выбились из сил и валялись навзничь. Пат. Ничья, не устраивающая обе стороны.

Другое дело — основная масса карфагенской флотилии, напрочь лишенная скорости. Она не могла увернуться от тарана.

Адмирал Ксантипп, воодушевленный победой, что сама просилась в руки, отер брызги с лица, вглядываясь в морскую гладь впереди триремы, на которой застыли обреченные вражеские корабли. Теперь его флагман делал одиннадцать узлов — скорость атаки. Скоро.

Адмирал инстинктивно напрягся, представив последствия страшного столкновения двух галер. Адреналин вскипал в его крови, когда он мысленно рисовал картину, как его флагман на полном ходу таранит корабль врага.

— Давай! — крикнул Ксантипп и вскинул кулак, подавая сигнал. Тут же всему судну разнеслась громкая команда:

— Таранная скорость!

Ритм барабана еще больше ускорился, и гребцы заработали еще интенсивней. Галера рвалась вперед. Она разогнала до максимальной скорости в двенадцать узлов — вполне достаточно, чтобы ее таран пробил самую прочную обшивку. Остальные восемь кораблей римской флотилии, не отставая, следовали за своим флагманом. Как хищные торпеды, наведенные на цель. При этом они не атаковали в лоб, а заходили на обреченные суда по большой дуге, чтобы атаковать в центр масс и нанести наибольший ущерб.

В это время, на обреченных брандерах, когда расстояние до римских кораблей сократилось по пяти сотен шагов, старый наварх раздал каждому моряку по щепотке белого порошка. "Пища богов". Боевой медицинский препарат. Все знают про скандинавских берсерков, поедающих мухоморы. На самом деле эта Скандинавия- "медвежий угол", форменное захолустье. Берсерки там просто сохранились дольше чем у остальных. У тех же кельтов берсерки были массовым явлением. Только назывались они — маньяки. Это слово из латыни докочевало и до наших дней.

И чтобы его люди не употребляли вредные мухоморы, Кирилл сообразил им нечто вроде синтетического фентанила. "Ангельскую пыль". Это вещество настолько повышала силу и скорость реакции, что несколько стрел, вонзившихся в грудь с близкого расстояния, а так же отрубленные руки и поврежденные ноги теперь не могли остановить этих кельтских терминаторов. Так что "спортсмены" получив свой допинг, укрывшись за большими дощатыми щитами "павуа", налитыми кровью глазами теперь смотрели на приближающегося врага и от нетерпения грызли зубами верхний край щитов.

Обреченные констетаны, отказавшись от гребли, теперь встали в своих челнах, схватили луки и развели огонь в тазике (недаром Кирилл по просьбе потребителей освоил в своих мастерских выпуск классического кресала) и запели боевую песню своего племени. Назад пути нет.

Римские триеры быстро приближались. Казалось, они неслись как огромные снаряды. Каждый из сотни рабов на них, прикованных цепями к веслам, пребывал в собственном,

персональном аду. За долгие годы на веслах многие из них огрубели и работали молча: весь их мир сжался до неизменного ритма, управлявшемся ударами весел: напряжения всех сил при гребке, короткого расслабления, когда весло идет вперед, и секундного отдыха перед тем, как напрячь мышцы для следующего гребка. Взмах, взмах, взмах... Пот смешивался с кровью, выступавшей на спинах от ударов бича надсмотрщика, и рабы один за другим падали в изнеможении, но упавшего ждало жестокое избиение, а его место тут же занимал гребец из резерва. Безжалостный ритм не должен нарушаться! Вперед и только вперед!

Раз, два! Сработали катапульты на носовых площадках триер. Пару снарядов упало в воду, один почти зацепил челн константанов, отчего оттуда четверо воинов выпали в воду, один поцарапал нос большого зерновоза, и один метко угодил в шит павуа на одном из брандеров. Шит с треском разбился в щепки и двоих воинов разорвало на части, раскидав куски парного мяса и осколки костей по окровавленной палубе. Это меткое попадание римляне отметили криками ликования. На застывших, словно маски, лицах морских пехотинцев с триер отражались ярость, ненависть и жажда крови.

Бабах! Прозвучала ответка- из зерновоза выпалила бронзовая пушка каменным ядром. Пушкарки тщательно прицелились и выбрали убойную дистанцию. В результате носовая катапульта одной из триер была поражена, пострадала и обслуга. Один из "артиллеристов" так точно, потому что изломанной куклой свалился за борт и сразу затонул. А эта катапульта теперь годится только на дрова.

Так что карфагенские "грузовички" оказались отнюдь не безобидны. И они это продолжили доказывать. Фьюить! Фьюить! — это с челнов константанов посыпался дождь горящих стрел. Выстрелы безупречны — словно на показательных стрельбах. Смола и шерсть, что зажигались на наконечнике, делали свое дело. Свернутые паруса двух триер сразу же загорелись, посылая искры на спины полуголых гребцов, что несколько сбilo их с ритма и притормозило галеры. Шестьдесят горящих стрел наделали дел. Так же лучники, превосходнейшие стрелки, выпустили десяток стрел и три арбалетных борта с большого зерновоза, но они работали по персоналу катапульта и по воинам, сгрудившимся с небольшими круглыми щитами морской пехоты- гоплонами на носовой площадке.

Но это были еще цветочки. Теперь настали и ягодки. Спортсмены с брандеров с удесятёрёнными силами начали метать во врагов разнообразные штуки. Тут были и диски, вроде олимпийских, только керамические. И наполненные внутри нефтью. На них смолой прикреплялся большой бумажный пистон с бертолетовой солью. Те диски, что не падали в воду, а разбивались о борта или палубы кораблей, в половине случаев самоподрывались, разбрызгивая горящую нефть на окружающих. И тогда воины жарились, словно раки в раскаленной скорлупе. Не срабатывающие заряды оставляли только нефтяные пятна, но и это было опасно, учитывая стрельбу огненными стрелами константанов. Команда яростно набрасывалась на очаги пожаров, пытаясь сбивать огонь мокрыми тряпками.

Еще тут были и спортивные молоты. Тот же керамический горшок, но в ручки был продет кожаный ремень. Раскрутившись, "иберийские олимпийцы", не щадя ни себя, ни врага, бросали его довольно далеко. Внутри горшок был наполнен кремообразной взрывчаткой, которая взрывалась, так как горящий фитиль прилагался в комплекте. Взрывы были довольно мощными, каждый как парочка ручных гранат "лимонок" разом. Жаль что без поражающих элементов. Но эту роль здесь отлично играли отлетающие деревянные щепки, они разили не хуже пуль. Моряки Карфагена, героически сражаясь, непрерывно извергают целый град стрел, дисков-бомб, ядер и гранат. Все это было довольно страшно, но

разогнавшиеся до таранной скорости римские корабли, уже ничто не могло остановить. Даже если бы их экипажи мгновенно уничтожили — столкновения все равно было бы неизбежным. Уж больно бешеное аллегро вырисовывалось...

Так что несколько взрывающихся свинцовых гранат, посланных на врага балеарскими пращниками с зерновоза, свою лепту внесли, но и только. Старые моряки на брандерах в ожидании столкновения привычно приготовили "кошки" и абордажные крючья.

— Таранная скорость! — бесновался греческий адмирал. — Приготовиться к удару!

Хрясь! Две чадающие триеры таранами налетели на челны константанов и разломали два из них в клочья и опрокинули еще два. Переломанные тела константанов трепыхались в воде, медленно идя ко дну.

Бац! Бац! Практически одновременно еще две чадающие триеры воткнулись в брандеры. Это был смертельный удар, крушащий борта и пробивающий корпус ниже ватерлинии. Триемы врезались в транспортники на скорости тринадцать узлов, и при этом двадцатисантиметровый тупой конец бронзовых таранов расщепил дубовые корпуса старых судов, а инерция пятидесятитонных галер вогнала их далеко в трюм брандеров. Киль галер амортизировал силу ударов, но координация гребцов нарушилась, и атакующие остановились. При столкновении многие попадали с ног, гребцов сорвало со скамей, гребля автоматически прекратилась. Но спустя мгновения с обеих сторон полетели абордажные крючья.

Тут же третья триера протаранила брандер. И началось... Цепи, абордажные крючья, смола, кремень с кресалом — и безумие поджигателей, озаривших сияние моря беспощадным багрянцем рукотворного пламени. Опаляющего адским жаром. Добровольцы платили жизнью за свой подвиг.

Остальные триемы, разогнавшись, уже не смогли остановиться. Шесть боевых галер растоптали оставшиеся челны константанов, пробили оставшиеся три брандера и поразили зерновоз. Удары были смертельными — вода хлынула на нижние палубы поврежденных кораблей. Если таран будет извлечен, зерновоз камнем пойдет ко дну, увлекая за собой экипаж. Несмотря на то, что команда стреляла из пушки ниже ватерлинии и затем буквально обрушила на нос вражеской триемы десятки горшков, начинённых порохом и взрывчаткой. Перебив там всех, кого возможно. Разнеся в щепки носовую часть атаковавшей триеры. Тщетно, сцепившись в смертельной схватке покалеченные корабли не могли уже расцепиться и обречены были вместе погрузиться в пучины Средиземного моря.

Шесть брандеров, сцепившихся с вражескими триерами, пылали кострами на глади моря. Старые моряки уже сгорающие в собственном огне, все медлили прыгать в спасительные волны. Хотя некоторые "спортсмены", истекающие кровью, увидев, что дело сделано, покинули корабли и пытались спастись на каррахах.

Зерновоз сцепился в клинче с седьмой галерой и медленно тонул. Дерево стонало от напряжения. Хотя при помощи керамических гранат с о взрывчаткой и порохом уже была разорвана на куски вся абордажная команда противника, а уцелевшие рабы, прикованные к веслам, никому не мешали, но все было бесполезно. Даже перейти на вражеской корабль не имело смысла. Зачем? Ему тоже изрядно досталось и он затонет. Впрочем, смелая команда зерновоза жестоко пострадала от града дротиков-пилумов, обрушившихся на них с близкого расстояния, и теперь, заливая палубу кровью, составляла только две трети от своего первоначального состава. В этой борьбе действительно каждый человек дрался, точно исход дела зависел лично от него.

Остальные две вражеские триеры, разломавшие челны константанов с сухим счетом, тоже пострадали. Сначала, казалось, огненные стрелы константанов, сражающихся с яростью львов, не причинили врагам никакого вреда. Затем на свернутом полотнище, словно из ниоткуда, появились языки пламени. Огонь, чьи аппетиты поддерживались свежим ветром, начал быстро распространяться, пожирая парусину.

Керамические диски с нефтью тоже наделали немало дел. Под конец, с бортов брандеров вошедшие в раж "старички", с неистощимой энергией, упорством и отвагой, начали кидать и разбивать о борта "лишних" триер глиняные горшки, полные нефти. Уже языки пламени жадно лизали бегучий такелаж и мачту. Команда боролась за живучесть, но на них сверху падала горящая парусина, воспламеняя волосы и одежду. И вскоре на палубе одной триеры ярко и жарко запылал огонь, пожирая просмолённые доски бортов, и панические крики смешались со стонами раненых. Чувствовалось, что вторая отстает не надолго.

Почти классическая ничья!

Но оставались еще соревнующиеся три триеры и три драккара Лала-Зора. А там весь склонились на сторону Карфагена. Вначале, ловко маневрирующие финикийские мореходы зашли с кормы и расстреляли из арбалетов кормчих противника, окончательно обездвижив римские суда. А потом началась затяжная стрелковая дуэль, в которой разница массы судов не играла никакой роли.

Это только на первый взгляд сто пятьдесят человек больше чем пятьдесят, что плавают на драккаре. Рабов можно не считать, а воинов получалось полсотни у пиратов против сорока у несчастных греков. К этому надо добавить подавляющее преимущество карфагенян в дальнобойном вооружении. У греков было шесть жалких луков и все... А пиратов девять арбалетов, которые могли ранить даже укрывшихся за щитами воинов. И тридцать больших иберийских луков. И полтора десятка балеарских пращников, стреляющих свинцовыми гранатами, начинёнными черным порохом.

В общем, все лучники у греков быстро кончились. А потом курчавобородые пираты, выказывающие изумительное хладнокровие, спокойно подошли поближе, держась за пределами убойной дистанции для дротиков. А согласно практики это пятнадцать-двадцать метров. И применили последние новшества. Зачем "лезть под пули"? Разожгли в тазиках огонек и с ловкостью обезьян начали бомбардировать вражеские корабли разнообразными предметами. От всей души!

Против ответного обстрела (а так же в качестве мер противопожарной техники безопасности) заранее были приняты меры, надводные части драккаров были пропитаны пропиткой из биофосфаммита, полученного из гуано, найденного в пещерах Сьерра-Невады. В общем-то это природный диаммоний фосфат, широко распространенное в будущем удобрение, но это средство немного помогает и от пожаров.

Раскрутив керамические диски, пираты их бросали в борта римских союзников.

Таким же макаром действовали и "метатели молотов". То есть горшков на ремне, начиненных взрывчаткой. А если раскрутившись, такой метатель по инерции вываливался за борт, то ничего страшного- его быстро вылавливали товарищи. В пятна нефти полетели "огненные стрелы" с наконечниками из шерсти и смолы. А половина балеарских пращников заменила свои кожаные ремни на железные цепи и осторожно выбрасывала на вражеские триеры сразу пылающие снаряды.

И кто такое издевательство долго вытерпит? Правильно, никто. Когда половина

экипажа вражеских трием была перебита, а вторая половина тушила пожары, не отвлекаясь даже на внезапно наступивший конец света, Лала-Зор зычно подал очередную команду. Его пираты, непревзойденные мастера абордажа и молниеносных атак, приблизились вплотную к врагам, метров на десять и положили конец всякому сопротивлению, бросая на вражеские корабли вручную горшки с порохом и с нефтью. Они косили людей как пшеничные колосья.

После этого на море появилось еще три огромных, пылающих погребальных костра, в которых сторали живьем остатки греческих команд, вперемешку с прикованными с веслам рабами. Рабы корчатся, умоляют их прикончить и с искаженными лицами бьются в предсмертных судорогах. Многие греческие солдаты в бессильной ненависти бросались на свои мечи, кончая самоубийством от горя и негодования, не в силах перенести это страшное поражение.

После этого Лала-Зору осталось только доплыть до места основной битвы, выловить всех уцелевших соратников по морскому сражению, и прикончить последнюю недобитую триеру, экипаж которой пытался спастись, выбросив свой корабль на берег. Упоенные победой, пираты не щадили пленных и приканчивали даже тех, что бросились в воду.

Это Барселонское морское сражение получилось ужасающей мясорубкой, в которой погибла масса народу. Конечно, экипажи трех драккаров Лала-Зора пострадали мало. Несколько раненых, не более того. Трем буксирам вообще удалось спастись, улепетывая с поля боя "со всех ног". Но из ста двадцати константов Алете уцелело всего двенадцать человек, схватившихся за обломки. Из шестидесяти моряков, составлявших команду брандеров, спаслись всего десять. И, самое печальное, из ста пятидесяти моряков зерновоза выплыло всего тридцать человек. Итого — 278 жертв этой резни. Сколько пустых мест у родовых очагов! С противной стороны в гости к Нептуну отправилось шесть сотен врагов, и тысяча двести невинных рабов.

Зато теперь морской путь к Пиренеям был открыт...

То что так замечательно начиналось, к сожалению, не получило своего закономерного продолжения. Триумф не удался. Нет, правящая верхушка Барселоны, пребывающая после уничтожения своего флота в состоянии тихого охрещения, мгновенно переобулась и побежала договариваться с Ганнибалом. То есть сдаваться со всеми потрохами. Дураков нет. Увидев против себя подлинную, не стесняющуюся в средствах силу, подобные персонажи, как правило, уползают в нору, трусливо поджав хвост.

Но на этом приятные новости кончились. Резко. Как отрезало.

И началась целая череда неудач, поставившая смелый и дерзкий проект Ганнибала на грань катастрофы.

Сначала в центре Средиземного моря, у берегов Сицилии, этого Треугольного острова, состоялась битва, в которой небольшой карфагенский флот в первый (и последний) раз за эту войну померился силами с огромным римским.

Вскоре после объявления войны карфагенское правительство отправило 20 больших пентер с тысячей воинов опустошать италийское побережье; карфагенские солдаты и моряки рвались в бой. Когда еще Ганнибал дойдет до Италии за несколько месяцев! А туда можно легко попасть всего за несколько дней! Флотоводцы же древней Финикии, веками шлифовавшие мореходное искусство искуснее плутоватых греческих навархов будут. Девять кораблей из высланной эскадры бросили якорь у Липарских островов, восемь — у острова Вулкана, а три были занесены течением в Мессинский пролив и там захвачены сиракузским царем Гиероном — старым союзником Рима.

Допросив пленных, Гиерон узнал, что еще другие 35 кораблей идут в Сицилию для того, чтобы там побудить к антиримским выступлениям старинных союзников Карфагена и захватить Лилибей (старую столицу бывшей карфагенской половины острова). Эти сведения Гиерон тотчас сообщил претору Марку Эмилию, управлявшему римской провинцией на острове. Эмилий приказал повсеместно на побережье быть в боевой готовности, а морякам заготовить на кораблях десятидневный запас сухарей, чтобы быть готовыми без промедления выйти в море. Свои войска он, следуя совету Гиерона, сосредоточил в Лилибее. Как мы помним, у римлян было 160 военных кораблей и еще 25 им охотно предоставили союзные сицилийские греки

Карфагенская флотилия не сумела незаметно подойти к Лилибею; при ее приближении лунной ночью в городе подняли тревогу; все воины мгновенно заняли свои места на стенах, башнях и кораблях. На рассвете карфагеняне отступили в открытое море и там, в абордажном бою, под гром падающих "воронов", под треск ломающихся бортов и весел, потерпели поражение. Римляне захватили семь пунийских кораблей с экипажем в 1700 человек и без потерь вернулись в Лилибей. Короткой была эта битва, но она имела решающее значение.

Тем временем в Сицилию явился консул Тиберий Семпроний Лонг и вместе с Гиероном двинулся в Лилибей. Там, узнав об одержанной победе, он отправил Гиерона обратно в Сиракузы, а сам, поручив претору охрану сицилийского побережья, стал готовиться к нападению на остров Мелиту (Мальту). Этот остров теперь оставался беззащитным.

Почти одновременно с этим, убогий разумом консул Сципион перебазировал свои 60 огромных пентер в порты Заальпийской Галлии. Эти пентеры были медленные, но огромные

машины весом в девяносто тонн, сделанные из отборной древесины.

Каждая перемещалась усилиями двухсот рабов, прикованных к веслам. И на каждой было восемьдесят воинов, неполная центурия легионеров. При помощи своего флота Сципион сумел буквально за несколько дней перебросить пять тысяч своих бойцов в Мессаллию (Марсель). Теперь южное побережье Галлии было надежно прикрыто. Двадцать пентер базировались в гавани Мессалии, еще тридцать были передвинуты еще ближе к Иберии, в порт Нарбона. Еще десяток медленных пентер, сопровождаемых двумя десятками быстрых триер, предоставленных местными союзными греками стал патрулировать западный участок побережья Галлии вплоть до самых Пиренеев.

Узнав об этом прискорбном факте, осторожные карфагенские купцы, на чьих судах перевозились припасы для войска Ганнибала, выгрузили все свои грузы в гавани недалеко от южных отрогов Пиренейских гор и, спасая свои жизни, бежали на юг без оглядки. Их можно было понять, в этих водах никакого карфагенского флота не существовало. А уцелевшие драккары Лала-Зора могли лишь только пиратствовать на вражеских коммуникациях, нападая на небольшие конвои сопровождаемые одним или двумя военными кораблями. Не более того.

Кирилл, базировавшийся с начала весны в Новом Карфагене и пытавшийся протолкнуть армию Ганнибала дальше по дороге, понял, что больше ничего не сможет сделать. Он решил не тратить силы напрасно. Все суррогаты флота, что он попытался собрать, были уже уничтожены и добыть что-то новое он не мог. Так что парень со спокойной совестью письменно на прощание пожелал удачи уходящим в поход "братьям" Сафону и Бостару и уехал обратно в Гранаду, продолжать развивать свои производства. И искать людей для маленькой личной армии. Конкурируя в этом вопросе с наместником Гасдрубалом, который так же безуспешно искал команды для экипажей недостроенных судов. Новые корабли пытались строить так интенсивно, что даже пилы и другой инструмент перегревался.

Армия Ганнибала налегке довольно быстро прошла по своей территории до реки Эбро, а потом и преодолело небольшой участок пути до Пиренеев, поставив на колени местных горных князьков. Без особых проблем. Если не считать того, что в дороге насильственно мобилизованные ополченцы набранные Ганнибалом для массовости из различных иберийских племен, как мясо войны, по пути начали стремительно разбегаться и дезертировать. А так как армия передвигалась с большой скоростью, то ловить их было некому. Этот поход Ганнибала подобным обстоятельством напоминал отступление Наполеона из Москвы. Кроме того, карфагенский полководец был вынужден оставлять на землях покоренных племен и в городах небольшие гарнизоны. Из африканских ливийцев, что еще более ослабляло его армию.

А те из иберийцев, кто не сумел убежать (потому что за ними особо приглядывали, к примеру те же карпентаны) были на грани бунта. Когда войско подошло к Пиренеям и иберийские воины поняли что они уходят из Испании — свирепые карпентаны опять взбунтовались. Вот режь их здесь — не пойдут они дальше. Так как испугались длительного похода в Италию и неприступности Альп. Огромные, звероватые, вооруженные обоюдоострыми топорами, страшные, лохматые, заросшие волосами, с татуировками, покрывающими лицо, руки и грудь, с мышцами, словно свитыми из стальных канатов, карпентаны были непреклонны в своем решении. Головорезов стая... чья жизнь прошла не в мраморных городах и плодородных долинах, а в постоянной борьбе с дикой и жестокой к человеку природой.

Ганнибал, словно человек попавший в невидимые сети, мучительно думал как выпутаться из этого кризиса. Положение складывалось для полководца Карфагена весьма неприятное: уговорить взбунтовавшихся солдат вернуться на службу не удавалось, а применить к ним силу он также не мог, если не желал вызвать недовольство у других своих воинов. А даже самые храбрые, находя предприятие слишком рискованным, уже начали колебаться, спрашивая себя, что будет дальше. И кроме того, если уничтожить карпентанов как мятежников (благо в войске их оставалось всего три тысячи человек) — значит тогда опять взбунтуются их земляки, проживающие на суровом плоскогорье.

А возвращаться, чтобы подавлять новый бунт нет никакой возможности. И в Испании у Гасдрубала войск осталось маловато для этого. Отпустить карпентанов восвояси — тогда возмутятся и остальные иберийские ополченцы и захотят уйти.

И действительно солдаты уже шептались:

— Запасов провианта почти нет. Если мы явимся в Галлию до конца июля, все житницы будут пусты, а если мы уничтожим в бою ополчение местных племен, некому будет жать хлеб... А зимой мы Альпы не перейдем. А в это время римляне завоюют здесь наши деревни. Зачем нам идти дальше?

Оставалось искать компромисс. Как выпутаться из этой кучи дерьма. Лицо главного карфагенского военачальника внезапно озарилось, словно у человека, чей любимый клуб в один день выиграл все чемпионаты по футболу, баскетболу и хоккею, чей сын в тот же день с отличием окончил МГИМО и чьи купленные акции неожиданно взлетели выше облаков.

Ганнибал решил что карпентаны- отрезанный ломоть и сосредоточился на удержании других своих иберийских ополченцев. Посулами и обещаниями карфагенский военачальник, прекрасно знающий кельтский, иберийский, лигурийский, греческий, нумедийский языки, лично уговаривал своих разноплеменных воинов продолжить поход. Без устали, словно "Кролик Энерджайзер". Заговаривал зубы. А так же всячески высказывал своим бойцам дружеское расположение и выражал доверие....

— Племена галлов готовы к войне! — патетично заявлял карфагенский полководец, опьяненный величием своих планов. — Мы ринемся на восток из Иберии, подобно лавине, набирая мощь и скорость. С огромной армией воинов мы ворвемся в Галлию — втопчем аборигенов в пыль и присоединим их воинов к нашим рядам! Италия не в силах противостать нам, и по телам легионеров мы вступим в побежденный Рим! Римская Республика обречена. Так распорядились боги! Судьба Италии в ваших руках! Ваш ждут почести, золото, мое покровительство. Сражайтесь же во имя вчерашней славы и завтрашнего величия. И вы услышите грохот оружия, шелест знамен на горном ветру; увидите бесплодные усилия защитников и кровь мучеников. Сражайтесь за родные нагорья, за черноволосых женщин, за костры в родовых очагах и барабаны будущих империй!

«Гений проявляется в мелочах». И большинство из оставшихся воинов заворуженно смотрели ему в рот, словно маленькие роботы. Ганнибал был прирожденный лидер. Мог уговорить кого угодно сделать что угодно...

До резни дело не дошло. Ганнибал принял смелое решение: он сделал вид, будто добровольно отпускает карпетан, и заодно отправил на родину еще семь тысяч пехотинцев, о которых было известно, что они тяготятся службой. Напоследок военачальник отвел душу, прилюдно обозвав уходящих трусами и обузой.

Но в результате всех этих пертурбаций еще недавно стотысячная армия Карфагена, еще не вышла за пределы Испании, а уже уменьшилась вдвое. Теперь в распоряжении

пунийского военачальника осталось всего пятьдесят тысяч пехотинцев и около девяти тысяч всадников. И 37 слонов.

Это был конец всем планам. Армия еще не покинула Испанию, преодолев только начальный самый легкий этап и уже стала меньше римской, собранной в результате первой волны мобилизации. А ведь еще предстояло преодолеть высокие Пиренеи, таща запасы на своем горбу. А дороги с каждым шагом становились все хуже и хуже.

Затем надо было пробраться сквозь враждебную землю Галлии, куда уже перебрасывается двадцати пяти тысячная римская армия, которая быстро удвоит свою численность за счет союзных греков и ополчения дружественных галльских племен. Причем предстоит пройти Галлию без снабжения, без еды, так что солдаты будут умирать от голода и лишений. Далее надо как то преодолеть Альпы, которые сторожат союзные Риму племена, контролирующие все ущелья, спустится в Северную Италию, где его уже поджидает вторая римская армия.

А какие преграды ожидают их на этом пути! Реки без мостов, болотистые трясины, обрывы, снежные горы, воинственные племена дикарей. Они явно очутились по уши в дерьме!

Тут больше всего подходит слово — невозможно. Тушите свет, сливайте воду. Пора расходиться по домам.

Но не такой был человек Ганнибал. Для него не существовало слово невозможно. Выставив вперед упрямый подбородок, он, привычный к сказочным подвигам, думал: "Как-нибудь продеремся. Разве Мелькарт не оберегает своих слуг? Человек, ясно видящий перед собой цель — везде пройдет. А цель ясна — Рим должен быть уничтожен. Для прожорливой как саранча солдатни еду частью купим, частью — отберем. Или же будем питаться вяленными крысами и солониной из рабского мяса. Людей буду набирать по пути, обещая каждому луну с неба. В конце концов, если римляне могут удвоить свою армию в Галлии за счет местных ресурсов, значит и я не оплошаю. И Альпы с их острыми скалами преодолеем. Главное ввязаться в драку, а там посмотрим! Я горы перейду и сам, закован в латы, Рим задушу, среди гнезд его зубчатых!"

Обладавший удивительным упорством и самоотверженностью Ганнибал добился своего. Недаром же говорят, что реклама- антипод интуиции.

— Так, ребята, все готовы? С богом, пошли, пошли, пошли! Мелькарт дает добро! — прозвучал приказ полководца, пообещавшего своим солдатам, что дикари и римляне не устоят перед карфагенским оружием.

И остатки армии двинулись дальше, в заросшими заповедными лесами горы, где зеленеют покрытые хвойным мехом вершины. По узкой каменистой тропе, загруженные словно мулы. Чтобы принять участие в фантастической зарубе, которая определит судьбы мира на ближайшие несколько столетий. Теперь войска Карфагена вступили в пределы населенные дикими народами....

Через некоторое время поредевшая армия Ганнибала вынырнула с другой стороны Пиренейского хребта. Спускаясь о склону, состоящему из старых скальных пород: гранитов, сцепленных кристаллов, кремниевых сланцев. Петляя среди сизо-янтарных глыб. Переход через колоссальные громады гор был страшный, полный трагизма, но наконец все было кончено. Это был настоящий подвиг, трагическое усилие человеческой воли, созданное из пота, крови и слез. То спуски, то подъёмы: Да, горы не легки. Дошли, но еще долго все дули в кулаки.

Охотившиеся среди вековых горных елей волки поспешили убраться подальше. Серых хищников спугнул шум, производимый такой огромной массой людей, а так же неприятные запахи едкого человеческого пота и каленого железа.

Какие же войска остались у испанцев? Мы можем насчитать с полсотни тысяч оборванцев. Лохмотья их мундир, идут с ножом в поход, отбросы, нищие и горцы — всякий сброд. Когда в природе все полночным мраком скрыто- вмиг превращается такой солдат в бандита.

Если раньше Ганнибал старался держаться морского побережья, то теперь пришло время менять тактику. Далее располагалась греческая колония Нарбон — верный союзник Рима. А этот похожий на большой коровник город был окружен дружественными галльскими племенами, сбывавшими туда продукты сельского хозяйства и другие "дары природы". Тем более вести из Испании о жестоком покорении иберов Карфагеном сюда долетали не самые хорошие. Так что местные галлы уже готовили оружие. А пехотинец со щитом — слабое средство против крепостей и громадных толп.

К тому же, Ганнибал сейчас не мог себе позволить терять воинов в никому не нужных стычках. Некогда укладывать на окровавленную траву все эти отряды варваров. Особенно зная, что в расположенную по его маршруту восточнее Мессалию, каждые несколько дней римляне перевозят кораблями и высаживают в порту три или четыре тысячи легионеров. Там, без сучка и без задоринки, переправляется римская армия консула Публия Корнелия Сципиона. Войско, собирающееся, огромным вооруженным заслоном на дальних подступах, преградить ему путь в Италию. А эти "сеньоры Чипполино" крайне неприятные люди. Такие заносчивые, такие наглые. И жестокие. Можно сказать, что это полные отморозки, которым даже сицилийцы платят за протекцию. И это не шутки, они живых людей на куски рубят и жгут заживо.

Так что Ганнибал, человек факта, приказал своей армии пойти в обход. По гигантской дуге в глубь страны. А там такая глухомань, лесные чащобы, труднодоступная местность, ни нормальных дорог, ни путей, ни запасов еды, ничего. "Там на неведомых дорожках — следы невиданных зверей". И кругом одни воинственные дикари.

Армия Ганнибала, шагая в ногу, повернула в глубь Косматой Галлии и надолго "пропала со всех радаров..."

В то время как Ганнибал "исчез", вместе со своей армией, карфагенянам пришлось не сладко. Африканская армия Рима без дела не сидела. А стремительно наступала. Второй консул Тиберий Семпроний Лонг, поручив претору Сицилии Марку Эмилию (а мы знаем что в этот период Эмилии были сторонниками Корнелиев в общем и Сципионов в частности) охрану сицилийского побережья, сам напал со своим флотом на Мальту. Силы были неравны. Пунийский гарнизон Мальты (около 2000 воинов) во главе с комендантом Гамилькаром, сыном Гисгона, сдался в плен; некоторое время спустя все пленные были проданы в рабство.

Зря воины Гамилькара это сделали! Лучше бы погибли со славой! Римляне ненавидят карфагенян, и называют их "гугги" — крысеныши. Так что тут альтернатива была не смерть или рабство, а смерть через рабство.

После разгрома карфагенского флота это уже была вторая большая победа римлян. Теперь, когда об армии Ганнибала не было особых вестей, диспозиция "на шахматной доске" вырисовывалась следующая. Восточная армия Семпрония готовилась высадиться в Африке. А верных друзей там у финикийских пришельцев просто не было. Как уже один раз бывало,

ожидали, что ливийцы восстанут и присоединятся к римлянам. Нумедийцы тоже переметнутся к итальянским пришельцам. И тогда Карфаген опять сядет в осаду.

Что же касается западной римской армии Сципиона, то ожидалось, что в самое ближайшее время все 25 тысяч легионеров переберутся в Мессалию. Местные греки Марсея и Нарбона их верные союзники и выставят вспомогательную армию. Окрестные галлы тоже. Агенты Ганнибала и Рима вели борьбу за влияния на эти кельтские племена. И то, что их страна станет ареной военных действий туземцам совсем не нравилось.

Известие о том, что карфагенские войска находятся в их стране и что Ганнибал поставил лагерь у города Илиберры, вызвало у галльских племен волнение и тревогу. Они там наложили в штаны от страха. Один из местных лесных царьков, узнав о приближении армии Карфагена, в панике убил всех своих женщин, чтобы они не достались врагу. Когда же он увидел, что воины Ганнибала просто прошли мимо его дома, он выбежал и убил себя!

Галлы были со всеми красотами наслышаны от греков и римлян о том, как поступал Ганнибал с иберийскими племенами, переправившись через Ибер, как он покорял их силой и размещал у них свои гарнизоны. А галлы обидчивы и вспыхивают даже от малейшего намека на оскорбление. Мрачные обитатели местных крошечных деревушек, казались довольно опасными. Здешние мужчины, длинноволосые и пышноусые, одетые в мешковатые цветные штаны и подпоясанные туники, очень отличались от карфагенян. Их шеи и запястья украшали серебряные цепочки, практически у каждого имелся длинный меч, шестиугольный щит и копье. А все женщины ходили с ножами. Воинственный народ ненавидел всех своих соседей.

Страх потерять свободу заставил галлов взяться за оружие; несколько племен собрались в Рускиноне, городке с покосившимися лачугами и отбросами, в которых рылись козы, коровы, копались куры. Северные варвары явно готовились к войне. Они, собравшиеся здесь как вши под пыльным навесом, были уверены, что пунийцы идут драться с ними не на жизнь а на смерть, чтобы разом покончить изнурительную вражду, обычно характерную для соседей. Дипломатическая подготовка, так искусно проведенная Ганнибалом, оказалась напрасной.

Ожидалось что с союзными греками и галлами армия Сципиона удвоится и достигнет 50 тысяч хорошо откормленных бойцов. Изнуренная походом армия Ганнибала, когда он достигнет Роны, будет в лучшем случае такой же численности, если не меньше. В битве римлян вполне устраивает ничья. Если две армии самоуничтожатся- считаем, что Рим уже победил. Даже если Ганнибал и разобьет Сципиона, то потери не позволят ему идти дальше, так как за Альпами его ожидает вторая римская армия Луция Манлия.

А в случае если остатки армии Ганнибала будут вынуждены возвращаться — считай конец войне. Горестна судьба того, кто сходит со своего предназначенного пути! Лев Карфагена надолго будет выведен из уравнения. Римляне намного быстрее (при помощи флота) окажутся в Испании, иберийцы тут же восстанут и присоединятся к ним. Учитывая небольшое число солдат в Испании у Гасдрубала, власть Карфагена на этих землях падет довольно быстро. И тогда римлянам останется спокойно дожать осажденный Карфаген и добить Ганнибала.

Война, не успев начаться, уже грозила моментально закончиться. Все висело на волоске...

В Малаге местные финикийцы опасливо шептались:

— Ваал-Хаммон совсем о нас позабыл! От Ганнибала ни слуху не духу, а больше до нас

и никому и дела нет. Приходи кто хочет, бери, что хочешь.

— А суффекты Карфагена! А Совет Тридцати?

— Да они могут только ворон гонять. Да с нас налоги драть. Мальту профукали, флот профукали и это только за первые месяцы войны. А что дальше будет — страшно себе представить.

— Защити нас милостивая Танит!

Даже Кирилл, до которого в Гранаде вести из Карфагена доходили дней за десять, пребывал в состоянии мучительного беспокойства. Если не тихой паники. Как-то все выходило боком. Нет, он знал, что Ганнибал не потеряется и потихоньку выйдет к Роне. Он знал, что Мальта падет. Но такого лютого кризиса и "без раскочки" не ожидал. И о подобном не читал. Обстановка была мрачной, до жути...

Как-то сразу для римлян нарисовалась столь выигрышная комбинация. А то, что получилось в реальной истории, не факт, что получится теперь. Слишком он потоптался на исторических "бабочках". Прикончил Сципиона Африканского и Фабия Максима, по прозвищу "Осторожный", и решил что дело сделано. Думал, что римляне сразу будут хаотично бегать туда-сюда, как цыплята без курицы, после смерти своих предводителей. Остальные нынешние римские полководцы Публий Корнелий Сципион, его брат Гней и третий из местных "бонз"- Гай Фламиний, "победитель галлов", проходят по разряду остолопов. Последний вообще — нервный, дерганый тип. А так всем троим- хоть кол на голове теши... Не знают какой рукой подтереть свой зад. Хотя старых вояк, просиживающих свои толстые задницы в Сенате, пруд пруди. А в итоге вон оно как обернулось. Вот же вляпался в историю!

— Проклятье, — ругался Кирилл, чувствуя, как внутри скрежещет ярость. — Проклятье, проклятье, проклятье!

Лала-Зор может только пиратствовать на коммуникациях, жечь купцов, перевозящих припасы. С огромным римским флотом ему не совладать. А маленькая частная армия Кирилла, хоть доведи ее численность до пятисот человек, даже с помощью всех хитрых примочек и десяти тысяч римлян не перебьет. "Сила- солому ломит".

Все висело на волоске, но внезапно пружина разжалась обратно. И сильно. Словно бы в шахматную партию, которые ведут два умудренных гроссмейстера, случайно вмешался нетрезвый зритель и неожиданно смахнул с доски часть фигур, уже предвкушающего победу и отдых шахматного мастера. Потому, что в дело неожиданно вмешалась третья сила. Предальпийские галлы.

У Рима с галлами была весьма запутанная история взаимоотношений. Племенная ненависть тут не пустые слова. Темперамент такой, чего ж вы хотите?

Как известно, первоначально доминирующим народом в Италии были этруски. Именно у этих своих северных соседей Рим заимствовал организацию своей армии. Если бы все шло по накатанной колее, то именно этрусские легионы завоевали Средиземноморье. Но, не срослось.

Рим же, расположенный буквально на южной границе Этрурии (а поскольку этрусков называли еще "туски" то можно употреблять Тускуния или Тоскана), был просто этрусской колонией. Здесь правили этрусские цари. А поскольку Этрурия еще не объединилась, то она была рыхлым конгломератом из 12 больших городов и десятков мелких и являлась скорее культурным понятием, чем политическим.

Но в один прекрасный момент в Риме произошла "революция" и "свержение самодержавия". Но на самом деле это были "чисто семейные разборки". Просто племянник Брут, согнал с престола и прогнал из города дядю Торквиния Гордого. А поскольку Брут в переводе значит "тупица", то все понимали, что единолично Брут править не сможет. Поэтому он заключил "общественный договор" и власть в городе разделили 23 главные мафиозные семьи. Как этрусского, так сабинского (это местные аборигены) и латинского (первоначальные колонисты) происхождения. Так появилась римская демократия...

Этруски римскую "революцию" проигнорировали. Этрурия была образованием децентрализованным, а тут соплеменники остались у власти — и ладно. К тому же, политическая верхушка Этрурии резонно решила, что плодородные земли вокруг большой реки По, намного обширнее земель долины Тибра. А за двумя зайцами гнаться негоже. И направление этрусской колонизации сместилось в северную Италию.

И тут гримаса Фортуны. Северная Италия подверглась кельтскому нашествию. Или же галльскому. Решившему: "Удобные земли лежат на юге! Богатые, тучные и беззащитные, ибо населены мелким, слабодушным народцем. Небесная секира отдает их нам".

Это был просто ужас. Здоровенные громилы галлы, могли запросто своими секирами перерубить невысоких итальянцев пополам. А если учесть, что часто эти свирепые детинушки были под наркотой, обожравшись мухоморов, то этруски в панике бежали, потеряв все свои колонии и все свои северные территории. Этот был разгром. Этрурия была разорена.

Чтобы как-то продолжить неудачную войну, представители этрусских городов заключили союз с Римом, признав его главенство. Это произошло во многом потому, что южные территории еще не были разорены войной и могли взять основную тяжесть боевых действий на себя.

Но война для Рима не задалась. Галлы под предводительством свирепого вождя Бренна (в переводе Ворон) взяли Рим. Та часть горожан, что укрылась в "Кремле" на Капитолии,

была вынуждена заплатить выкуп, чтобы галлы ушли восвояси. Это был полный крах.

Но тут Фортуна совершила свой очередной кульбит. На Северную Италию, то есть на галльские тылы, обрушилось очередное нашествие. Переселялись венеты. Это не были чистые кельты. А народ смешенного происхождения. Частью с большой долей славянской крови, а частью с иллирийской. Галлы вынуждены были уйти из Этрурии и делить с венетами комнаты в "коммунальной квартире". Кроме того, не забываем, что в Северной Италии сохранились еще и аборигены лигуры- дикий древний народ, еще не индоевропейского происхождения.

В это время Рим "переварил" разобщенных этрусков и стал соседями галлов. Но воевать с ними побоялся и оставил кельтов в покое на целых двести лет. Не тронь- вонять не будет. Но и галлы успокоились. Это произошло потому, что они распробовали продукцию местных виноградников Ломбардии и забросили свои мухоморы. А когда захваченные этрусские рабы научили их ухаживать за виноградниками и делать вино, то галлам стало как-то не завоеваний. Совсем. Слишком уж большие объемы вина надо было выпить каждый год. Счастья, хотя бы на время, хочется всем, а эти галлы в детстве ничего слаще моркови не едали...

А Рим, в поисках позитива, направил свои территориальные захваты по линии наименьшего сопротивления. При этом республиканский Рим часто платил галлам золотом, чтобы они не совершали на него набеги. Но когда была завоевана вся Италия южнее реки Рубикон, встал закономерный вопрос: "что делать дальше". Хороший вопрос, верно? Дальше римляне разобрались с Карфагеном в первой пунической войне и на волне эйфории принялись за преальпийских галлов.

Конечно, галлы как и всякие варвары были крупнее, сильнее и даже умнее цивилизованных людей, в том числе римлян. Но и на стороне Рима играли многие факторы. Во-первых, колоссальное численное преимущество. Можно сказать ошеломляющее преимущество продвинутых оседлых земледельцев с развитой урбанизацией над охотниками с зачатками земледелия. Во-вторых, тотальное преимущество в вооружении и доспехах. А многие галльские ополченцы еще сражались дубьем и полуголыми. В-третьих, римские крестьяне генетически уже были приучены к тяжелой монотонной работе, отсюда прекрасно овладели стратегией распределения сил и экономии усилий. Да они и так уже какие-то мутанты! Из-за повторяющихся рабочих нагрузок у римлян в телах даже произошли костные изменения под влиянием повседневного труда. Рост меньше, спина сутулая, колени подогнуты, зубы страдают железодефицитной анемией. Тут поневоле будешь усилия экономить. И четвертое — строй.

Тут надо заметить, что в древних армиях, сражающихся в рукопашную, воевали в основном люди в первом ряду. Немного ими помогали из второго, действуя из-за плеч и голов товарищей. То есть, в независимости от численности сходящихся армий, в определенный момент времени сражались лишь первые ряды. Отсюда чисто математически, кто мог втиснуть в первый ряд больше людей — тот получал колоссальное стратегическое преимущество. Крупные галлы, "вольные птицы", не любили "толкаться локтями", действовали размашисто. И оружие у них было под стать — секиры, дубины, длинные мечи, копья, в тесноте ими орудовать было неудобно.

Кроме того, свободолюбивые галлы не любили муштру, а действовать в тесноте "все как один", при этом не мешая товарищам, надо было долго учиться. В общем-то в этом галлы были в своих предпочтениях не одиноки. Даже в армии Ганнибала немного обучены строю

лишь фаланги из старых ливийских солдат. Остальные же нумедийцы, иберы и кельты, составляющие большинство армии, так и сражались толпой.

А вот римляне умели сражаться плечом к плечу. То есть на каждого галла, размашисто бившегося в первом ряду, у них приходилось сразу двое бойцов. Двое на одного. И пока один легионер отвлекал галла, второй втыкал ему короткий меч в левый бок. Непременно втыкал, так как вечно экономящие усилия римляне знали, что при рубке расходуется намного больше усилий, чем при уколах. Итак, двое побеждали одного, а затем просто повторяли эту же нехитрую операцию против следующего галла. И опять двое на одного. Как правило, когда они убивали третьего, галлы проигрывали. Таким образом, в индивидуальные поединки римляне не вступали, а всегда нападать кучей на одного, легко и приятно. А кучей даже "бабку" легче бить не то, что — галлов.

Кроме этого, строй лишает каждого солдата его индивидуальности, с которой любому командующему некогда и невозможно считаться.

В довершении напомним, что галлы уже попали в плен крепких вин. О вино, вино! Глоток солнца в фиале, дар божественной виноградной лозы! Ради этих терпких, и сладких, и горьковатых на первый вкус напитков, вселяющих веселье, смиряются вожди колен, кланов и поселений с тем что временно ржавеют их мечи в прадедовских ножнах. И как эти южане, считающие себя разумниками, портят божественные вина, разбавляя их едва ли не пополам безвкусной водичкой?

Война в Северной Италии закончилась только в прошлом году. Галлов побили, они согласились платить дань, дали в качестве гарантий заложников, и позволили создать на своей территории римские крепости, напичканные чужеземной солдатней. Но тут тупые римляне, наполненные зверскими инстинктами вперемешку с вожделием, просчитались. И перегнули палку.

В преддверии нашествия Ганнибала они решили еще больше укрепить свои позиции в Предальпийской Галлии и приступили к лихорадочной колонизации. Бойи и инсумбры и так были недовольны недавним разорением своей страны римлянами, а уж захват своих нив, виноградников и прочих земель поселенцами из Плаценции (Пьяченцы) и Кремоны и вовсе восприняли как события выходящее за пределы границ добра и зла. А римлян жадность обуяла, как маргитку с апельсином в ловушке. "Лисица видит сыр, лисицу сыр пленил..."

Бойи и инсумбры, и вообще не желающие терпеть римского господства, основание Кремоны и Плаценции восприняли как прямую угрозу как своим имущественным интересам, так и остаткам своей независимости. Было ясно, что римские колонисты в самое ближайшее время вытеснят нынешнее коренное население из долины Пада (По). А от такой наглости даже у святого терпение лопнет.

В начале галлы еще пытались действовать увещеваниями, обращаясь к разуму колонистов:

— Мы вас не звали. Повинуясь жадности, которая у вас, римлян, в крови, пришли вы отнять у бедных галлов все. Наши деревни сожжены, наши отцы и братья гниют в болотах, пробитые дротиками; женщины изнурены постоянными переходами и болеют. Вы преследуете нас. За что? Разве в ваших владениях мало полей, зверя, рыбы и дерева? Вы спугиваете нашу дичь; олени и лисицы бегут на север, где воздух свободен от вашего запаха. Вы жжете леса, как дети играя пожарами, воруете наш хлеб, скот, траву, топчете посевы. Уходите или будете истреблены все. Вам не перехитрить нас. Мы — лес, из-за каждого дерева которого подкарауливает вас гибель.

Тщетно! Объединить варварские племена, которые даже в самые мирные времена враждовали между собой, свести их вместе — это был гигантский труд, по-своему заслуживающий уважения. Но римским колонистам это удалось.

Бойи, легко возбудимые люди, надеявшиеся на скорый приход Ганнибала (словно бы не Пиренеи перешел Ганнибал, а уже Альпы) и на близкое избавление от чужеземного гнета, рассчитывавшие, что римское правительство, занятое войной с Карфагеном, не сможет найти достаточно средств для борьбы еще и с ними, быстренько поднялись по сполоху, напали на обе колонии и заставили поселенцев, а также триумвиров, направленных для распределения земель между колонистами, бежать в Мутину.

Там римляне оказались в осаде и, не видя пока другого средства к избавлению, решили начать переговоры с противником. Бойи, однако, к ужасу колонистов, вместо "цивилизованного обмена мнениями" попросту захватили в плен римских представителей, чтобы впоследствии обменять их на своих, взятых заложниками. Баш на баш!

Против восставших галлов была брошена "резервная армия" Луция Манлия, обладателя свирепой жестокости. Он жаждал чтобы его легионеры омыли мечи варварской кровью. «Вонючие варвары, мы вам покажем, как надо воевать!».

Но галлы уже кое чему научились. Давать преимущество римлянам два против одного они уже не желали. И поскольку муштровать своих воинов у них времени не было, да и опытных центурионов, которые в римских легионах свистками и палками, словно дирижеры, ловко заполняют легионерами бреши в первом ряду, у них не имелось, то они решили напасть в местности, где римляне не сумеют построиться и бой тогда разобьется на череду индивидуальных поединков. В которых слабосильные римляне галлам не чета.

Итак, в один прекрасный день, получив известие об осаде Мутины и о судьбе послов, отправленных к бойям, претор Луций Манлий — тот самый, которому была поручена оборона Северной Италии, он же счастливый обладатель всех симптомов безнадежного слабоумия, — спешно направился к Мутине. Луций Манлий был очень доволен своей должностью, свободой, положением в обществе, деньгами — иными словами, всей своей жизнью. Наместник провинции. Большая рыба, плавающая в своем маленьком пруду. Он был реалистом. Он считал, что в этом его сила и уникальность. Всю свою жизнь он гордился своей смелостью и хитростью, своей твердостью и жестким характером. Но не сегодня.

Единственная дорога к осажденному галлами городу вела через глухие, сумрачные леса, заваленные валежником, и каждое дерево здесь взывало к бою, вооружению, сопротивлению, ударам и натиску. Эти чащобы, казалось, были полны беззвучного шепота, зовущего красться, прятаться, подслушивать и таиться, ступать бесшумно, подстергать и губить. От этого леса так и веяло холодной угрозой, тяжелой, как взгляд исподлобья, заставляющий томиться и холодеть, пойманный обернувшимся человеком. «Ах ты, темный, вероломный лес», — подумал Манлий.

Не лучшее место для схватки, но другого пути нет. С какой бы радостью претор сейчас перенесся в Рим, где сухо, тепло, светло... и безопасно. Увы, в эти мгновения Рим был так же далеко, как и луна. Если не дальше.

Да уж! Страшное место! Этак недолго напороться на варварское копьё!

Вот здесь бойи, ведомые вождем Магалом, по прозвищу "Кровавый топор", и устроили свою засаду. Атака варваров была сродни удару молотом. Упали подрубленные деревья, преградив путь легионам, раздался звериный вой и началась кутерьма. Залп стрел и дротиков в упор. Галлы, в ожидании врага, лежали в кустах, затаившись, и внезапно

выскочили, громко улюлюкая, и яростно набросились на римлян. Исторгаемый тысячами потоков, их боевой клич напоминал завывания демонов в преисподней. Именно в такие моменты, как этот, решалась судьба большинства сражений. Стоит легионерам дрогнуть, и варвары превратят их в кровавое месиво.

Римлянам были видны оскаленные зубы нападающих лохматых громил, капли пота на лбу, заточенные лезвия их боевых топоров. Крутые парни с севера в костюмах из звериных шкур. Чужаки от которых исходит смесь угрозы и уверенности. Опасные. Возглавляли эту орду четверо совершенно голых воинов "маньяков", чьи тела были раскрашены белой и синей краской. Их свирепый оскал, их рост и физическая сила, полное отсутствие страха, не говоря уже об одежде, — все это вселяло ужас.

Соперники схлестнулись в боевом вихре. Тотчас раздались крики боли и ужаса, звон клинков, пронзительные вопли. Великанистые верзилы, горячие парни, рубили без жалости и пощады, навстречу им подымались хрупкие клинки коротких гладиев, но что могли они сделать против огромных секир в сильных руках? Легионеров охватило безумие, паника, давка, в которой солдаты не могли толком работать мечом.

Орудя смертоносными боевыми топорами, свирепые варвары косили воинов Рима, словно сухую траву. Солдаты добивали своих раненых товарищей или в отчаянии сами падали на мечи. Римляне дрогнули и побежали. Так как остаться здесь — значило умереть. С большим трудом и огромными потерями Манлий прорвался к поселению Таннет неподалеку от реки Пад; там римляне наспех построили укрепления. Потери были колоссальные. При бегстве римляне бросили не только своих убитых и раненых, но и оставили в руках свирепых галлов своих легионных орлов. "Бежали робкие грузины" — как выразился поэт.

Это сломало все планы. Разбитый в пух и прах легион Манлия был чисто римским (а не союзническим). Консул Публий Корнелий Сципион, разинув рот от изумления, чтобы избежать негативного развития ситуации, вынужден был так же один из своих "римских" легионов, готовящихся к отправке в Марсель, перебросить в Геную. Для того, чтобы охладить горячие головы в Северной Италии. И, чтобы быстро перебросить этот легион, консулом, обладавшим упрямством осла, была задействована целая армада из шестидесяти грузовых кораблей.

Тут надобно заметить, что спокойный настрой и простые мужицкие манеры Публия нравились всем, от рядовых легионеров до трибунов. И даже сенаторам нравился этот слабоумный. Гней, его брат, был человеком того же сорта.

Зато теперь римляне, впавшие в угрюмость, уже не имели достаточного количества войск, чтобы встретить Ганнибала на Роне и вынуждены были объявить "вторую волну мобилизации". Более того, галлы из коренной Галлии, движимые патриотическими чувствами и племенной солидарностью, резко расхотели вместе с римлянами воевать против Карфагена. Так что восстание бойев и инсумбров смешало все карты.

Для сна или остроумия больше времени не было. Приходилось шевелиться. В заранее назначенный день из Рима и окрестных городов и селений к Капитолийскому холму начали стекаться военнообязанные. Это называется патриотизмом. Капитолий был по цивилизованному замощен булыжником, в камнях этой наклонной мостовой даже были высечены желоба для отвода огромного количества мочи с сильным запахом, которую кони, эти царственные животные, почему-то находили нужным испускать, как только оказывались перед этим римским подъёмом.

В основном, новобранцы были восемнадцатилетними юношами из зажиточных семей. Так как на сбор следовало сразу явиться полностью вооруженным и оснаренным, а оружие они покупали за свой счет. Поэтому неимущих, или как их называли "пролетариев", в Риме в армию и не призывали. Военные трибуны отделили из толпы явившихся наиболее крепких. Республике нужны были солдаты, которые могли с утра съесть горсть сухого изюма, запить ключевой водой и идти сражаться целый день. Но римлян прибыло так много, что даже из отобранных, самых сильных и богатых восемнадцатилетних, пришлось по жребию отобрать пять тысяч человек. Они и составили новый легион.

Этот легион Сенат дал претору Г. Атилию, а к ним вдобавок еще пять тысяч италийских союзников из нового набора. Претор Атилий, обладающий внешностью орангутанга хворающего желудком, со своими двумя легионами без труда добрался до Таннета, и таким образом те солдаты Манлия, которым посчастливилось остаться в живых, были спасены. Тем не менее положение в Цизальпинской Галлии оставалось очень напряженным; бои и их союзники отнюдь не были покорены и не только с нетерпением ожидали Ганнибала. Галлы продолжали сражаться с врагом, которому они объявили беспощадную войну, то есть с римлянами.

А Льву Карфагена несказанно повезло. Несколько галльских племен, устроив воинственный шабаш, уже взялись за оружие. А как уже говорилось, эти места были населены мужиком темноватым. Больше, чем войны с галлами, Ганнибал боялся задержки и промедления. Его послы тут же прибыли к грязным и пропахшим козьими шкурами вождям этих племен и от имени полководца объявили:

— Ганнибал желает переговорить с вами лично и готов встретиться в любом месте, какое вы сами назначите: он будет рад принять вас в своем лагере, но с не меньшей охотой приедет и к вам. Не сомневайтесь, он пришел в Галлию гостем, а не врагом и обнажит меч не раньше, чем переступит границу Италии. Разве только вы сами заставите его изменить этому решению...

Но мужики в трусиках и ушанках, неизвестно кому сочувствующие, все присматривались и колебались. Промеж себя переговаривались: "Э, не с нашим-то носом кипарисы нюхать! Знаем ваши печки-лавочки, и где раки зимуют, тоже знаем! Нам бы на мандалинах побалабонить!" Никому ничего эти мужики не отвечали, только свои топоры поглаживали.

Посланцы Ганнибала снова и снова повторяли и клялись мамой и Мечеруким Гэзом, что тот пришел в Галлию как гость, относится к хозяевам этой страны как брат, а не как враг, что, если галлам это будет угодно, он обнажит свой меч, только вступив на территорию Италии. Даже плясали пунийские послы отважно прямо посреди деревни для завоевания доверия местного крестьянства. Им поверили... Галльские вожди встретились с Ганнибалом, напугавшим многих доблестью карфагенского меча, у него в лагере.

Вид диких кельтских царьков, высоких и голубоглазых, с потными физиономиями пьяниц, был смесью свирепого и смешного: здоровенные губы, украшенные ржаво-соломенными вислыми усами, отвислые уши, распяленные ракушками и медными пуговицами, мохнатые, над жестокими глазами, брови, высокие прически в виде башен, утыканных перьями, ритуальные шрамы и татуировки, копья и палицы — все это дышало ядом и убийством.

На очередные уверения в дружбе и миролюбии полужвериные галльские владыки, холодно поблескивая мужицкими глазами, с прямою фельдфебеля ответили:

— Так ты, батюшка, Ганнибал Гамилькарыч, уже отколушни бабосиков, без этого как же.

Все понятно. Понятнее некуда. Тоже ведь не дураки собрались, и свою выгоду понимают.

Получив богатые подарки, местные царьки, теперь галантные как принцы, вполне миролюбиво пропустили войско через свои владения. Золото Сагунтийской добычи и серебро рудников Нового Карфагена, звеневшие соловьиными трелями, пробили дорогу карфагенскому полководцу лучше любой армии.

Так что через некоторое время, оплатив "транзит", Ганнибал с войском очутился на берегах Родана (Роны). Это была огромная река. Ливийцы, исконные жители пустынь, привыкшие беречь каждую каплю воды с искренним изумлением, с глазами "по пять рублей", смотрели на столь полноводную реку. Оставленная ими позади испанское Эбро по сравнению Роной казалась жалким ручейком.

Римляне из-за своих сложностей пока не сумели собрать в Марселе достаточное войско для генерального сражения. Хотя из Генуи спешили перебросить отданный в займы легион.

— Столько месяцев ушло на болтовню, — ворчал один из молодых легионеров, плывущих на этом корабле. — Пора уже начать войну с карфагенянами и быстро покончить с этими проблемами. Дома полно дел.

— Ты же прекрасно понимаешь истинные причины проволочек, которые устраивают политики, — отвечал ему пожилой солдат. — Поскольку большая часть армии была распущена, было логично дожидаться избрания новых консулов прежде, чем принимать далеко идущие решения. И потом и галлы восстали. Да и за деятельностью Филиппа Пятого, царя Македонского, в Иллирии надо было приглядывать. Вот три месяца и ушли псу под хвост.

Но прибывшим римлянам теперь уже не так-то просто было остановить на Роне Ганнибала. Галльских добровольцев теперь у них оказалось мало. Так что Рим нанял местное племя "волков" (или вольков) воевать с карфагенской армией и помешать ей переправиться через Рону. А там уже и армия великого Рима подтянется. Друзей не бросят в беде.

Кстати, когда консул Сципион, этот полудержавный властелин, завершив формирование в Риме нового легиона, прибыл в Марсель со своими войсками, он почему-то был искренне убежден, что у него в запасе еще полно времени. Мол, пунийцы еще не отошли далеко от Пиренеев. И тут такие новости, словно кулаком под дых.

В общем, высадившись в Мессалии и, к своему глубокому изумлению, узнав, что неприятель уже подошел к Родану, консул отправил вверх по течению Родана 300 отборных всадников с массалиотскими проводниками и наемниками-галлами, служившими в массалиотских войсках. В разведку. Они должны были проследить за тем, что предпримут карфагеняне. Больше никаких телодвижений Сципион не предпринял. Побоялся. Как и Семпроний высаживаться в Африке. Как еще в Предальпийской Галлии дела повернутся, возможно еще назад придется спешно возвращаться!

А ошарашенный Сципион стал спешно готовить Мессалию к обороне. Конечно же, Ганнибал не оставит в тылу такой важный город, а попробует захватить его! Что Ганнибал рвется по бездорожью в Альпы, оставив вражескую армию в тылу, такой фигни Сципион себе представить просто не мог.

Сменим теперь декорации, оставив горам и лесным чащобам их уединение, и

перенесемся в мир более живой и прозаический, но все еще хранящий в себе некоторые черты сельские идиллии.

Все это времена в Гранаде Кирилл крутился как белка в колесе. Все дымилось, кипело, крутилось и вертелось. Но фронт работ зашкаливал. Парень столько готовился к войне, а по факту особо ничего не имеет. Гранаде крепость, чтобы от врага защищаться, нужна? Хотя бы в виде большого двухэтажного кирпичного сарая. Время, можно сказать, военное. Пушки опять две отлили (хотя расход бронзы не вдохновляет) и собирались их вниз по реке сплавить и поставить в Севилью, у реки, чтобы враг с моря в глубь страны не проплыл.

Опять же новые три драккара через пару месяцев закончат и надо начинать, следующие шесть делать. Или уже ваять не такие малютки, раз уж пушки есть, а что-то более солидное. Экспедицию в Гвинею отправил, с личным вкладом в количестве трех купеческих кораблей. А вернется по плану один, остальные уже заранее списаны в расходы. На север, в Толедо, экспедицию послал, чтобы новый металлургический комплекс там ваяли. В тех местах нашли богатейшие залежи железа, а в придачу в нем леса черной ольхи, уголь из которой обеспечивал сильнейший жар.

А то в "городе мастеров" — Гранаде люди на печах уже в три смены работают. Местные кустари уже с поделками из стали не справляются, приходится полуфабрикаты и в Севилью отправлять, и в Кордову, и даже в Гадес. А в горах в каменоломнях добычу доломита наладили. Он тут за строительный камень идет, но из него очень удобно огнеупорные тигли делать. Уже даже один высекли размером с треть ванны. Меха на печах буквально "горят", на них шкур не напасешься. Зато все при деле. Как там великий кормчий Мао учил: "Пусть расцветают сто цветов".

Люди нужны. И производства развивать, и торговлю, и для рудников. Парень прикармливал бесконечные волны эмигрантов и бедняков. Для угольных карьеров и шахт с рудниками хоть из Африки негров вози. Но на нынешних галерах по океану их не привезешь, слишком дорого выходит. А караванами через пустыню Сахару еще дороже. И в Сахаре, южнее Карфагена есть государство гарамантов, по слухам выходцев из Европы или с Ближнего Востока, так они сами всех чернокожих рабов себе забирают. Им для ирригации в Сахаре с/х полей негров много надо. А пустыня все наступает и наступает. Так что с чернокожими пустой номер выходит. Хорошо хоть сенатор Малх налаживает связи с пиратами и они начали поставлять захваченных рабов по дешевке. В основном азиатов с восточного побережья Внутреннего Моря.

Это — руки. Но нужна и голова. А лучшие руководители, администраторы и менеджеры сейчас — карфагенские финикийцы. Они всегда творят чудеса. Разве без поддержки Сияющего Мелькарта сумели бы карфагеняне совершить порой совершенно неслыханное?..

Любой иноплеменный странник, чей путь пролег через Карфаген, когда-то бывшим скалистым мысом, возвращается под крышу родного дома потрясенный, и рассказы его, хотя и правдивые, вызывают недоверие соотечественников, не бывавших нигде дальше соседнего поселка.

Ибо он говорит о рукотворных лесах, взращенных на сухой и каменистой почве полуострова, о скрытых скалах, повествует вернувшийся, о каналах, не прорытых в земле, но пробитых в тяжелом камне, о садах, растущих на утесах, куда многие поколения едва ли не горстями приносили черную землю, купленную в плодородных краях.

И для армии тоже люди край как нужны. Слава богу, из армии Ганнибала в Испании сбежало сорок тысяч дезертиров. В большинстве своем это простые крестьяне и пастухи, но

тыщенку, другую, авантюристов без страха, если и не без упрека, надо нанять в свое ЧВК. И снабдить всем необходимым. Те же малые бронзовые "ручницы", типа ручной минипушки стали получаться, путем внедрения бронзового литья в стальной кокиль. И надо собираться через месяц выдвигаться к Таррагоне, готовить горячую встречу римлянам.

В Гранаде пытались из кирпичей примитивные большие печи (штукофены) делать, но температура у них оказалась недостаточна. Только железные крицы на них делать выходит, даже чугун они не расплавляют. А сразу огромные домны делать страшно- парень ни разу не металлург. Так, где-то в кино посмотрел, где-то краем глаза почитал. Не его это сфера.

Как и война. И отбора путевого в его ЧВК нет, и муштра совсем не получается. Максимум "веселые старты". "Делай как мы, делай с нами, делай-лучше нас." Но строй держать его солдаты все равно не умеют. А если построятся, то в ходе учений все равно рассыпаются. А дирижеров центурионов, чтобы свистками, палками и кулаками этот строй держали нет и не предвидится. Да и найди такого — где гарантия что вспыльчивые кельтиберы просто такого "надсмотрщика" не прирежут и скажут что так и было?

Кстати, получилось еще один экспортный товар создать — парафиновые свечи. Восковые сейчас дороги невероятно, так как пчелы еще дикие, и борти разоряются варварскими способами. А тут уголь с карьера свой, кузнецы помучились, но сварганили здоровенную стальную реторту, в ней уголь греется, через клапан кустарным бронзовым шприцем впрыскивают воды, получается внутри угарный газ, метан и водород. Эти газы по бронзовым трубкам подаются в такую же стальную реторту, только перевернутую и с "холодильником", в который подают постоянно студёную ключевую воду. И там еще в качестве катализатора кусками порубленная железная проволока находится. Продукт реакции стекает вниз.

Греть сильно не надо, где-то в половину температуры кипения воды. И даже меньше. А то охлаждать не получится и на выходе будет газ идти. А поскольку термометров тут нет, то пробуют голый рукой — окунают в воду и на мгновения прикладывают к корпусу реторты. В подставленную внизу миску стекает нормальный легкоплавкий парафин. Угля в карьере много, воды в реке тоже, так что сырья завались. Температуры большие тут не нужны, так что к топливу особых требований нет.

Даже старую солому с крыш жгут, в ее пепле даже больше дефицитного поташа для производства красителя содержится. Конечно, с оборудованием мороки много, но зато результат- можно в формах парафиновые свечи лить в больших количествах. Так как из баржи с углем этого парафина можно много сделать. Особенно если с водой шприцем еще и скипидар добавлять. А скипидар у них теперь в горах при пережоге угля и добычи дегтя в специальных печах получается. Если перегоняют средиземноморскую сосну, то как раз скипидар и канифоль выходит.

В Севилье, вместе с зеркалами тамошние стеклодувы мудрят с оптикой. И на основе оксида свинца, и с обычным калиевым стеклом. Но пока выходит не очень. Все какое-то мутное и радужное и почти не увеличивает. Максимум вдвое.

Еще из лыка придумали делать не лапти, а щиты. Тут нужен для фанеры пресс, или даже просто груз в качестве гнета, клей, можно просто костный. И время. Еще можно эту свежую фанеру распаривать в горячей воде и гнуть. А потом опять под гнет. Затем сушка. Объемы конечно не ахти, но все же лучше местных дерьмовых щитов выходит, сплетенных по принципу корзинки. Их спасает только что они композитные, и сверху и снизу покрыты слоем кожи, которая и амортизирует удары. А фанерные тоже делаются композитными, так

что совсем хорошо получится. А если еще вместо воловьей шкуры использовать кожу носорога выйдет вообще — сказка. Жаль столько носорогов не напасешься...

Возле Севильи картонажная фабрика начала работать, она же немного бумажная. Под названием "Картонажный труд". Рубщики в дельте Гвадалквивира камыши срезают, потом их на мелкие кусочки шинкуют. Затем берется гигантский горшок, целый керамический чан, все кусочки бросают туда и заливают водой. Пусть отстоится. Рядом поставили еще один горшок с накрытый плотной крышкой. В крышке две медные трубы. Одной подается воздух кузнечными мехами, другая ведет к дну керамического чана. Это чтобы серную кислоту не возить издалека в амфорах. Все на месте делается.

В горшок серы закинули, подожгли, погнали воздух, серный дым погнали мехами в большой чан. Он побулькал и серную кислоту образовал. Еще в чан извести добавили и можно содержимое варить. Сваренное на сито высыпали получили целлюлозную массу. Грязную, желтоватую. Для картона сделали валики, как раньше на старых стиральных машинках белье выжималось. Целлюлозу с мелом смешали, на валиках ручку покрутили — на подложке целлюлозную массу подали — получился картон. Пока этот картон идет для упаковки и даже для письма, не все же дефицитную бумагу тратить. В перспективе можно попытаться из этой целлюлозы что-нибудь взрывающееся сделать, если время будет.

Все это а так же многое другое (красители, сталь, цветные и благородные металлы, зеркала) становилось золотыми ручьями, стекающимися со всех четырех сторон света в сундуки Кирилла. И золото и серебро обеспечивало чеканку полновесной монеты, за которую можно было купить все что угодно.

В том числе и отряд, который Кирилл решил обкатать в деле. Отчего-то клинку вдруг стало в ножнах узко. Хотелось парню, исходя из своего "бригантинного возраста", в пампасы. Или в Крым. Или на войну. Так как пампасы сейчас временно не доступны....

Собралось в поход три сотни воинов. В том числе сотня лучников, три десятка стрелков из арбалета, семь десятков балеарских пращников, полсотни панцирной пехоты из громил кельтиберов в латах и полсотни прочего люда в основном гранатометчиков, в том числе и дюжина стрелков из громоздких "ручниц". Хотя с рук с них стрелять нельзя, отдача конская, даже самым сильным людям она могла сломать руку или выбить плечо. Из-за большого наличия бойцов с дистанционным оружием оставалось только надеяться, что в день битвы дождя не будет. Иначе тетивы и ремни для пращей размокнут, не говоря уже о порохе и римляне просто вырежут его людей как баранов.

Зато почти все собравшиеся — отборные парни, "молодец к молодцу, одинаковы к лицу". Все были наемниками — наемными убийцами, ставшими мастерами в этом деле. Большинство одеты в кирасы, склеенные из льна. Они легкие, удобны в жарком климате летом, и лишь немного хуже бронзовых. Правда, подобные кирасы обычно белые и хорошо заметные (когда новые), здесь же кирасы в начале окрасили в отваре луковой кожуры до светло-коричневого цвета, потом, при помощи медного купороса, покрыли хаотичными зелеными пятнами.

Далее, в результате тренировок (а окаменевшая клееная тряпка стирается плохо), они самостоятельно покрылись слоем пыли и ввевшейся грязи. Получилась отличная маскировка, сливающаяся с окружающим пейзажем. Здесь так, без всякой пышности, никто не воюет. Стараются наоборот, чтобы видно было издалека. Если бронзовые шлемы и доспехи, то их надо начистить так, чтобы они сияли за несколько километров. Если плащ — то ярко красный, на худой конец черный. Словно это не воины, а весенние цветы.

Так же большинство солдат имели легкие кожаные шлемы с металлическими вставками. А так же кожаные штаны, чтобы лазить по колючим кустам, и сапоги. Кроме того, кожаные вещи могут отвести удар меча, нанесенный вскользь. Лишь тяжелая пехота ("скутари", так как эти иберийцы обычно имели такой же щит "скутум" и меч- "гладий" как и римские легионеры и только дротик немного отличался, он был целиком из железа в отличии от римского пилума), столь страшная в рукопашном бою, носила солидные стальные доспехи, но и те были покрыты воронением при помощи селитры.

Из Гранады они прибыли в Малагу, а оттуда на шести зафрактованных торговых судах проследовали на Балеарские острова. "Одиссей покинул Итаку". Весла мерно ударяли по светлой поверхности воды. Чайки и крачки добывали в волнах мелкую рыбешку.

Пустынное море впереди дразнило отсутствием врага. Нищие Балеарские острова римляне пока не трогали, сосредоточившись на защите галльского побережья, чтобы Ганнибал не мог получить морем подкрепление и припасы. Римские пентеры курсировали вдоль всего северного берега материка, нападая на транспортные суда, идущие с юга.

Вот еще одна беда- малая грузоподъемность здешних судов. Чтобы перевезти 2,5 тысячи воинов надо сгонять со всей страны флот в 50 кораблей. К флотилии Кирилла на Балеарских островах присоединились корабли Лала-Зора. Они были необходимы для защиты, а то тут народ мало того, что был непривычен к морским сражениям, так большинство еще лежало в лёжку, терзаемые морской болезнью. В том числе и сам Кирилл.

Для набега выбрали остров Сардинию. Пора указать итальянским крысам из сточной канавы, где их место! Хозяин вернулся! Этот остров еще 22 года назад принадлежал Карфагену, так что у Малха там было много своих доверенных агентов. Их флот заранее встретили проверенные рыбаки и провели в укромную бухту на западном побережье. Все чисто. Никаких ловушек. Римляне не слишком дорожат этим островком, так как здесь особо ничего нет.

Сардиния? Тот островок горбатый, что для Республики является заплатой? Сардиния? Пустое! Привесок, островок, забытый среди прибоев! Лоскут, притянутый на ниточке живой, к Республике и все же ей чужой!

После высадки десантники с проводниками глухими тропами проследовали к римскому военному лагерю. Некоторые проводники-сарды, правда, считали неслыханным в истории войн, чтобы можно было с меньшими силами идти против больших, да еще вдобавок защищенных валами и рвами.

В римском военном лагере размещалась усиленная военная когорта -1200 солдат. Кирилл внимательно осмотрел это защищенное место и решил, что римлянам не хватает вкуса и изящества. Определенно! Но зато этот военный лагерь или же "каструм", как обычно, был прекрасно укреплен рвом, валом, частоколом, дозорными вышками. Классическая армейская архитектура периода античности, все построено с безграничным размахом, на безграничные средства. С безграничным оптимизмом. Днем и ночью на площадках вышек можно было увидеть стражей, обязанностью которых было трубить, если они замечали чье-либо приближение.

Вот только ночью римляне не воюют. Строй в темноте трудно держать. Да и вообще это же — Мистеры Осторожность, вон как укрепились, чтобы спокойно выспаться...

Естественно, что свою трусость и неумение римляне оправдывали всякими громкими словами. Кто может видеть славу в ночной битве? Кто может свидетельствовать о проявленном героизме? Лишь шакалы могут нападать на свою жертву ночью. Шакалы и

грязные падальщики. Ну-ну!

Посмотрим, каковы эти деревянные Пиноккио Урфина Джуса на вкус!

Прибыли почти к утру. Расположились. Принесли поближе к лагерю римлян кучки сухого бурьяна, приготовили горшки с горячими угольями. Лучники подползли, воткнули стрелы в землю. Пращники подтащили запасную сумку с округлой галькой, набранной прямо на сардинском пляже. Пушкари подтянули свои ручницы к главным воротам лагеря, выкопав ямки для упора этих древних "минометов". Как бы лениво ни несли службу здешние часовые, Кирилл сомневался, что они настолько глупы, чтобы позволить непонятным людям долго мелькать у них перед носом. Хорошо, хоть собаки не любят итальянцев, а то бы уже давно псы подавали голос. Интересно, перед входом в римский лагерь имеется характерная табличка с надписью "Осторожно! Злой гусь!"?

Все было тихо и мирно, как в ночь на 22 июня 1941 года... "Спи, моя радость, усни..."

Часовые заметили какое-то шевеление в темноте и решили подсветить факелами. Пора потыкать кротов в этой норе раскаленной кочергой! Эти придурки просто умоляют, чтобы мы их слопали! По часовым моментально отработали арбалетчики, а так как те щитами не закрывались, то получилось сразу наглухо. Кто-то поднял тревогу. Пускай! Кровопролитие неизбежно. Как и смерть сотен воинов.

Лучники дали залп из сотни стрел, выпущенных по дуге навесом, из ста больших иберийских луков по лагерю. Пращники дали залп крупной галькой. Все это почти без визуальных эффектов и почти без шума. Как большая стая птиц пролетела. Но кому-то в лагере явно поплохело.

Внутри проснулись по тревоге и столпились сотни ошарашенных и плохо понимающих, что происходит, легионеров. Мало у кого были нагрудники, но большинству римлян удалось подобрать оружие, когда они бежали от палаток. Посыльные металась по лагерю, передавая сообщения от одной части к другой. Горнисты продолжали трубить боевую тревогу

В это время часть гранатометчиков, неся связанные фашины с хворостом, подбежали ко рву и закидали его, образовав проход. Другая часть — человек пятнадцать подбежали к частоколу и, пока римляне не опомнились, закинули за стены частокола свои горшки с порохом и взрывчаткой. Это было до абсурда легко. Раздались взрывы, римляне забегали как тараканы на свету. По ним еще полетел залп пращников уже со свинцовыми гранатами, начиненными порохом. А потом и на сладкое — с горящими стрелами, чтобы зажечь шатры и палатки.

Все это были, конечно, булавочные уколы. Помимо арбалетчиков, уничтоживших с десятков часовых, остальные стреляли неприцельно. Но количество переходит в качество. Еще с полсотни противников было убито или ранено. Капли в море. Внутри центурионы уже держали бойцов в полной боевой готовности. Единственное, что они позволили наспех собранным центуриям, так это по очереди сходить к своим палаткам, чтобы забрать одежду и оружие

Римляне немного успокоились, построились, выставили стену своих больших щитов-скутумов, прекрасно закрывающих их от стрел и камней и даже от свинцовых гранат. Теперь враг потерь почти не нес. Хотя лучники еще пару залпов дали, поджигая палатки в лагере. А пращники, дабы римские вояки немного успокоились, дали пару залпов простыми булыжниками, безвредно постучавшими по щитам. Лишь арбалетчики могли выцеливать выглядывающих со стен легионеров, пытавшихся определить кто же на них напал. Но и там, если осторожный враг защищался щитом, то, пробив его, арбалетный болт мог только лишь

ранить вражеского воина.

Так, без особого результата прошло еще минут десять. Враг опасался выходить из лагеря, хотя для него тщательно старались создать впечатление, что нападавших всего 150–170 человек. Вот же трусы римские, нежные сыны курортов, — для кого лучники костры разожгли? Летом рассветает быстро, так что горизонт скоро начал сереть. В бледной мути рассвета алели пылающие тряпки палаток. Увидев, что соперник не превышает числом три сотни воинов, в основном легковооруженных, римляне преисполнились грубой смелостью и отвагой.

Командующий когортой, выполняющий обязанности префекта лагеря трибун Гней Северий Флакк, которому доложили, что ночных нападавших совсем немного, да к тому же они не разодеты как павлины, так что, наверное, не являются хорошими воинами, пришел в неопишную ярость!

— Атаковать! С пленных псов содрать кожу, а потом отрубить голову. Главарей- на крест! Пусть помучаются!

Римляне решили выйти из ворот и наказать нападающих. Так как легионеров все еще было 1100 бойцов. А такое громадное численное превосходство говорило о том, что исход сражения предрешен еще до его начала. Победа неизбежна, как и то, что за жизнью следует смерть. Нет сомнения, что легионеры в кольчугах и с тяжелыми щитами-скутумами устроят налетевшей "банде" серьезное испытание.

Но римляне спешить не могут. Оружие и латы, да огромные тяжеленные щиты, да неудобные пару дротиков- все это весит двадцать с лишним килограммов. Сильно не побегаешь. Да и не индивидуалисты римляне, так что всегда передвигаются строем, словно советские туристы на Западе. Глядя как высыпают из ворот, переваливающиеся как утки итальянцы, Кирилл чуть было не рассмеялся. Спокойно, друзья! Не надо швыряться зазря шлепанцами! От такого геройства можно повредить безымянный палец!

В это время, упирая ручницы в землю, расположенные специально у ворот пушкари, проворные словно кошки, поднесли заранее зажженные фитили к запальному отверстию. Оружие грянуло разом, словно стрелял один человек. Грохот, клубы густого дыма от черного пороха, и вылетевшие маленькие ядра, размером с грецкий орех, от которых не спасают ни панцири, ни щиты. Преимущества научного прогресса. Два десятка людей в первом ряду мешками повалились на землю, раздались крики боли и ужаса. Хорошо, но мало.

— Держать строй! — раздались истеричные крики.

А тут арбалетчики усугубили. А вместе с ними, пользуясь наступившей неразберихой и дырами в строю, и лучники с пращниками. Лучники за минуту выпустили по шесть стрел- нормальный результат. Выпустить шесть сотен стрел- какого, а? Залпы следовали один за другим, у одного лучника со звоном лопнула тетива и он остался безоружным. Теперь ему спешно надо натягивать запасную.

В это же время взрывы свинцовых гранат уже взымали с врага более кровавую дань, чем булыжники. В общем, из тех трех сотен легионеров, что успели сдуру на свою беду вылезти за ворота лагеря, обратно убежало меньше сотни.

Воздух сразу стал тяжелым от гари, от клубов густого порохового дыма, отдающего серой, от пролитой крови, запах которой напоминал запах железа, и вонючих испарений, исходящих от исколотых и разорванных на части тел.

Опять сидят римляне в лагере, затаились. Дротики на такой дистанции бесполезны, катапульта в этом провинциальном гарнизоне нет, а те полсотни дрянных лучников, что

пытались вести перестрелку с арбалетчиками Кирилла, почти сразу кончились. Надо противника приободрить!

И Кирилл сделал вид, что у них кончился огневой и стрелковый запас и подал знак отходить. Как примерный пионер, при помощи горна. Отступать на заранее подготовленные позиции, вот только римляне об этом не знали. Чтобы поймать несколько итальянских мух, надо налить хоть чуточку меда...

Увидев, что противник убегает, из лагеря выдвинулось восемьсот легионеров. Они построились в ряды с такой быстротой, на какую не была способна почти ни одна пехота в мире. На этот раз римлян никто не обстреливал, так что они приободрились. К ним вернулась отвага. Более того, почувствовав, что враг бежит, легионеры издали победный клич.

— Подавить любое сопротивление! — гневно разорались римские командиры, казалось, извергавшие с дыханием смерть и уничтожение, словно сказочные драконы.

Наступали римляне, ободряемые воспоминаниями о былых подвигах, своим обычным манером. Тупо и методично шли вперед, с настойчивостью бульдозера. Позади расположились триарии, опытные ветераны, для которых война стала привычным порядком и образом жизни, в середине — принципы, зрелые мужчины, впереди — гастаты, самые молодые пехотинцы. Щиты передних воинов, высотой 1,2 метра буквально составляли единую стену. Непроницаемую. Казалось, что движется настоящая крепость. На обтянутых шкурой римских щитах были рисунки. Как ни странно, Кириллу вдруг понравились эти изыски итальянских модельеров, все эти несущиеся в атаку кабаны, прыгающие волки и символические орнаменты из кругов и спиралей. За дизайн — твердая четвёрка!

Сардиния остров гористый, так что отряд Кирилла не спеша отступил на склон какой-то горы, поросшей редким лесом. Получая преимущество высоты. Не особо быстро, чтобы дать римлянам стимул для преследования. "Варвары" умело изобразили панику. Только довольно медленную и ленивую. А здесь, на плече горы, были оставлены лишние грузы под присмотром сардинских проводников, чтобы на лагерь нападать налегке.

— Дайте пить солдатам, иначе они не выдержат, — распорядился Кирилл. — И умойте лица, чтобы пот не застилал глаза.

Римляне продолжали наступать в гору. Вернее это был скорее здоровенный меловой холм, основательно загаженный воронами. Неужели враги вдруг разом отупели? Неверные действия и неправильное руководство. Отсутствие настоящего планирования и внятной стратегии.

И потихоньку снова началось веселье. Метатели керамических дисков с нефтью поодиночке спускались со склона и, раскрутившись, метали в сомкнутые ряды противника свои снаряды. На сей раз диски были сразу оснащены горящими фитилями, поэтому разбивавшись, разбрызгивали горящую нефть на щиты и доспехи воинов. А находиться в раскаленной скорлупе — ощущения ниже среднего. Да и в сандаликах прыгать по горящим лужам- занятие так себе.

Но и люди Кирилла не злоупотребляли, так как хотели чтобы римляне осмелели и подошли поближе. Полсотни пострадавших разве это потери для когорты? Римлян уже нельзя было сдерживать, как ударяющий в стену таран!

— Держать строй! — постоянно слышались команды центурионов.

Легионеры отвечали на приказ боевым кличем. Стараясь быстрее и плотнее сомкнуть ряды. Каждый из этих солдат не сомневался, что служит в лучшей сухопутной армии мира.

Это храбрая пехота шла в бой, как идет кабан на охотника.

Глупцы! Они шли на верную смерть!

И вот, когда охваченные слепой кровожадностью римляне подошли уже на тридцать шагов, — почти можно было метать дротики, но снизу вверх это было пока еще делать бесполезно, — вниз, на головы врагов, полетели десятки керамических горшков с порохом и взрывчаткой. Покатились несколько деревянных бочонков с порохом, дымя очень короткими фитилями.

Раздалась многочисленная серия взрывов, разбрасывающая легионеров окровавленными тряпичными куклами или просто частями тел в разные стороны. Монолитный строй был разорван сразу в нескольких местах. Под силой огня легли первые ряды, как колосья под вихрем. Языки пламени, взрывы, грохот, казалось, сюда выплеснулось адское пламя. Тут же синхронно с грохотом ударили ручницы и с умопомрачительной быстротой посыпался дождь стрел и свинцовых гранат пращников. На таком маленьком расстоянии арбалетные болты прошивали щиты насквозь, словно бумажные. И даже обычные стрелы, если они попадали в щиты, то гарантированно пробивали доспехи и глубоко вонзались в тела. Ничей глаз не мог уследить за их полетом. Гранаты тоже были губительны, они крошили врагов на куски. Ни один выстрел карфагенских солдат не пропал даром. Когорта превращалась в кучу вздрагивающего от боли человеческого мяса.

Хотя римским легионерам оставалось сделать только последнее усилие, чтобы оставшимися в строю пятью сотнями солдат разорвать дерзких нападавших на части, большая часть легионеров промедлила, просто не понимая, что происходит и откуда весь этот ужас. Пороховой дым еще был чрезвычайно густ, и никто друг друга хорошо не видел. Только сотня римских храбрецов, горя доблестным духом соревнования, продолжила движение. Это были уже не молодые гастаты, а принципы. Ими овладела горячка боя. Ярость настолько переполняла их, что солдаты даже не думали об осторожности. К тому же, большинство принципов были в хороших доспехах с тяжелыми нагрудниками, и убить их было очень непросто. Битва еще не окончена. Еще у легионеров имелась надежда. Жажда убийства искала выход.

Многим из принципов уже не придется увидеть римских холмов, вонючих вод Тибра и темных кипарисов, но они бежали с яростью, рассчитывая на победу. Их лица, побагровевшие от бега в полном вооружении, казались лицами инфарктников. На последнем издыхании...

Что боги лучшего сейчас могли послать,

Чем саван храбреца, что Рим пошел спасать?

Кирилл скомандовал «Давай!», а солдаты ответили криком: «Бей! Руби!» и помчались во весь дух. Навстречу врагу мрачной и несокрушимой преградой с холодного Севера встали полсотни свежих и полных сил громил кельтиберов, что силой своей могли тягаться с медведями. Их возглавлял могучий кельт Артебудз, чье имя в переводе означало "Медвежий член". Защищающиеся уже проглотили "ангельскую пыль" для боевой бодрости, и теперь действовали с неистовством первобытного человека. Обмен залпами дротиков просто лишил большинства сражающихся щитов, отягощенных лишней тяжестью. Хотя, кое у кого из кельтиберов от фанерных щитов римские пилумы с остриями из мягкого железа просто отлетели.

Атакующих римлян было намного больше, но кельтиберам сильно помогли арбалетки и лучники, так что в итоге щитов лишились почти все атакующие легионеры, но не все

остались при этом невредимыми. Пробитые щиты, с торчащими из них погнутыми дротиками из дрянного железа, словно мусор летели под ноги. Непрерывно раздавались крики боли — это зазубренные стрелы пронзали skutумы и на излете вышибали людям глаза или протыкали незащищенные ноги и глубоко вонзались в землю. Когда падал кто-то из солдат, в стене щитов возникала новая дыра. В нее тут же летело множество стрел: "варвары" пользовались любой возможностью нанести врагам как можно больше урона. Римляне же, стиснув зубы и молясь про себя, упорно заслонялись щитами на бегу.

Сшибка! Это была борьба двух стихий, так как отряды с лязганьем и грохотом столкнулись как волна и гранитный утес. Никогда еще ярость атаки не разбивалась о такое бешенство обороны. Все смешались, клубясь в каком-то буйном вихре. А потом, более похожих на поредевшую толпу, чем на строй, римлян новоявленные берсерки со зверскими лицами начали просто рубить секирами как дрова.

А как вы хотели? У кельтиберов шлемы и кирасы из отличной стали. Кованные доспехи с ребрами жесткости, с цементацией, с воронением. Такую кирасу пробить коротким бронзовым мечом — надо сильно попыхтеть. Штаны и сапоги- кожаные, рукава, короткие юбки на бедра- "птериги" и затыльники из клееного льна. А мечи и секиры? Согласно местным легендам эту сталь добывают сказочные гномы в подземельях, чтобы выковывать такое великолепное оружие для героев северных лесов.

А у римлян? Доспехи из кожи с металлическими бляхами и заклепками, или кольчуги из дрянного мягкого железа. Тяжелые и неудобные шлемы из меди и бронзы, подозрительной надежности. Голые руки и ноги. Сандалии которые не защитят от стрелы в ступню. И даже если на кому наступят на ногу- тоже больно.

Тут только за счет одних доспехов потери сражающихся должны быть в соотношении один к пяти. А учитывая превосходящие физические данные кельтиберов, превосходных солдат, своей свирепостью напоминавших волков, получались где-то — один к десяти. Окровавленные лезвия поднимаются с быстротой молнии и тут же падают на головы, плечи, руки. Смерть косила всюю!

Обе стороны набросились друг на друга таким с великим пылом, и между ними завязался бой настолько яростный, что он казался огромным центром бешеного водоворота из рубящих, колющих, сверкающих, словно молнии, клинков. Не успели все оглянуться, как из ста нападавших римлян восемьдесят было уложено на месте. Агрессия, гнев и ненависть взяли верх над искусством фехтования. Грубая сила, закаленная опытом тренировок, сопровождалась изумительной быстротой реакции. Защищавшихся легионеров рубили с такой ловкостью и быстротой, что немислимо было уследить глазом за движениями секир. Словно порыв урагана разметал стог сухого сена.

Остальные римляне, дети шлюх, видя как бесславно гибнут атакующие, обливаясь кровью и корчась в судорогах, взревели от бессильной ярости, как львицы у которых отняли львят, и рванули было к ним на помощь. Но очередная порция взрывающихся горшков и свинцовых гранат от пращников, которые на таком мизерном расстоянии убивали и ломали кости одной своей тяжестью, быстро разубедили их в таком намерении. Наступил всеобщий переполох, граничащий с безумием, солдаты Рима гибли словно мухи. Вонь была невыносимой: воздух пропитался дымом, гарью, запахом крови, вспоротых кишок, обуглившегося дерева, металла и человеческой плоти.

Это было слишком, поэтому оставшиеся три сотни итальянцев, точно стадо, задыхаясь от ужаса, рванули наутек. За ними вдогонку побежали лучники, пращники, некоторые

гранатометчики, вооруженные мечами, чтобы добивать отстающих. Даже великаны кельтиберы, находясь под воздействием допинга легко догоняли несчастных итальянцев и разрубали их на куски. А жертвы лишь пытались прикрыть головы руками. Только сотня, бросающих щиты и оружие легионеров сумела укрыться в лагере. Эти "храбрецы", толкая друг друга, с таким неистовством бросились в свой "каструм", что в воротах задавлено было более пяти человек.

Теперь можно было действовать не спеша. Надо добить врага, чтобы выжившие сильно не болтали о разных военных хитростях и приемах битвы Кирилла. Еще не время... Пока арбалетчики контролировали движение за полевыми укреплениями римлян, остальная армия Кирилла добила раненых противников, собрала трофеи, отдохнула и пообедала. В это время сочувствующие карфагенянам сардинцы на лодках доставили грузы со стоянки кораблей поближе к месту действия.

У римлян в лагере оставалось сотни две вооруженных солдат с серым от шока лицами. Сердца их охватило отчаяние и предчувствие гибели. Вот уж действительно «Мemento мори»; помни о смерти. Возможно, что еще вдобавок к ним могут сражаться с полсотни раненых. Люди Кирилла вооружились доставленными дощатыми щитами "павуа", собрали еще вязанки с хворостом и мешки с землей. Затем, прикрываемые арбалетчиками, подошли к лагерю, засыпали ров (первоначальный "мост" предусмотрительные римляне уже умудрились сжечь при помощи факелов) и забросали частокол множеством горшков с нефтью, а потом подожгли. Римляне в отчаянии начинали огрызаться, как огрызается дикий зверь, когда видит, что для него нет спасения. Стена, на которую они уповали, которая казалась надежной защитой, уподобилась пропасти, несущей гибель.

Когда ограда прогорела, стрелки подавили вражеских метателей дротиков. После разметали хилый строй ручницами и арбалетчиками, отшлифовали стрелами лучников и снарядами пращников, а сверху все заглянцевали керамическими горшками со взрывчаткой. Римлян истребляли как бешенных собак!

В результате этой стремительной компании у Кирилла было убито около десятка воинов, с полсотни ранено. Но зато он уничтожил укрепленный римский лагерь, в котором находилось 1200 легионеров. Этот день для Римской республики оказался очень скверным. Кстати, неправильно называть всех погибших легионерами (мобилизованными). Большинство из них были "соции", то есть союзники. Но так уж все привыкли говорить.

Скажем лишь эпитафию по погибшим:

Здесь львом был легионер- червем стал нынче он;

А древний гладий — пушками сметен!

Все лица воинов Карфагена сияли радостью, все души горели надеждой и желанием дальнейших побед. Лишь одним только захваченным трофейным оружием можно было оснастить около тысячи ополченцев.

Теперь на Сардинии у римлян оставалось только около тысячи человек, разбросанных по городским гарнизонам. В основном в Коралисе и Ольвии. Вся сельская округа внезапно оказалась в руках местных жителей — сардов. Но поскольку Рим оставался властелином морей и мог в любой момент перебросить на остров дополнительные войска, то Кирилл, от греха подальше, убрался обратно в Испанию. Он был доволен этим тренировочным боем. Тем более что пираты Лала-Зора, эти жнецы вод, пока патрулировали вокруг острова — сожгли пять вражеских кораблей, в том числе небольшую разведывательную римскую галеру. Остальные суда были торговыми.

Возвращение к «родным пенатам» прошло спокойно. С Балеарских островов, оставив там Лала-Зора на патрулировании акватории, Кирилл отправился с солдатами в Таррагону. Готовить там военную базу. Его солдат по мере готовности челночными рейсами должны были из Малаги перебрасывать в Таррагону. Как и припасы.

Высадившись в порту, Кирилл узнал последние новости. Слухами земля полнится. Они были вполне нормальными. Последний пятый римский легион прибыл в Мессалию когда Ганнибал уже переправился через Рону. Римляне просто прозевали момент и немного не успели собраться. И банально опоздали. Птичка вылетела из клетки!

Переправа для карфагенского военачальника была трудной. Хотя он и сумел привлечь к себе сильное галльское племя "волков", живших на западном берегу Роны, на восточном берегу — и это карфагенскому полководцу было хорошо известно — собрались полчища других волков, настроенных воинственно и намеревавшихся не допустить переправу. Их воодушевляли какие-то мерзкие друиды, с пеной в бороде и безумием в глазах.

Переправлять через глубокую и быструю реку нужно было не только людей и осадные орудия, но и лошадей и — самое трудное — слонов. В пунийском лагере, который Ганнибал разбил в четырех днях пути от моря (в ста километрах), закипела работа: окрестные жители свозили туда лодки-долбленки и сшитые из досок, наращенных на шпангоутный скелет, а также древесину для постройки долбленок; в течение двух дней воины Ганнибала построили много суденышек, которые могли нести на себе тяжелый груз.

Все это было сделано так быстро потому, что Ганнибал во-первых, хорошо платил из Сагунтийской добычи, а во-вторых, туземцы и сами мечтали поскорее избавиться свои поля от жадной и хищной толпы чужеземных солдат. Галлы долбили челноки из цельных стволов, а глядя на них и убедившись, какое нехитрое это дело, взялись за топоры и солдаты. Правда, их челноки больше напоминали корыта, чем лодки, но карфагеняне ни о чем ином и не заботились, кроме того, чтобы эти корыта держались на воде и вмещали груз.

Тем не менее вся эта подготовка могла оказаться напрасной: пока на другой стороне находился враг, Ганнибал не мог решиться переправлять воинов, так как его армия понесла бы слишком большие потери, и тем более не мог переправлять лошадей и слонов. Необходимо было обезвредить левобережных волков.

С этой целью Ганнибал послал ночью часть своей армии, главным образом иберов, под командованием Ганнона, сына карфагенского суффекта Бомилькара, вверх по реке. Вместе с ним, с отрядом всадников был послан младший брат Ганнибала — Магон. Выше по течению они должны были перейти на восточный берег, создавая тем самым угрозу неприятелю. Ганнона вели галльские проводники. Пройдя на север около тридцати километров, воины Ганнона подошли к месту, где русло Роны разделяется на два рукава; на спешно сколоченных плотках и иных подручных средствах, а многие иберы и вплавь, они перебрались на восточный берег реки. Испанцы просто надули кожаные мехи, предварительно сложив туда свое платье, сверху привязали щиты и, держась за эти поплавки переплыли Рону.

После однодневного отдыха отряд Ганнона двинулся к лагерю волков и, приблизившись к нему, кострами дал знать Ганнибалу о своем прибытии. Ганнибал немедленно начал переправу. Его солдатам пришлось бороться и с быстрым течением, и с неприятелем,

завязывавшим схватки уже в реке. На восточном берегу Роны огромная толпа волков, распевая боевые песни, поджидала карфагенян; однако Ганнон захватил их лагерь и затем ударил по ним с тыла; волки не выдержали боя сразу на двух фронтах и разбежались по своим селением, а Ганнибал спокойно завершил переправу.

На следующий день, когда Ганнибалу оставалось еще самое трудное — перевезти на другой берег боевых слонов, ему донесли, что в устье Роны появился римский флот. Ганнибал отправил на разведку 500 нумедийских всадников, однако недалеко от лагеря карфагенского войска они столкнулись с римским конным отрядом, который Сципион послал на север на разведку. В ожесточенной схватке нумедийцы потеряли более 200 человек и обратились в бегство; римляне преследовали их до самого лагеря, а затем повернули назад. Первое в этой войне сухопутное столкновение между карфагенянами и римлянами принесло, таким образом, победу римскому оружию, однако эта победа не оказала сколько-нибудь заметного влияния на ход военных действий.

Тем временем переправа слонов была завершена. Всех слонов собрали на берегу; самого злобного удалось привести в ярость, и он бросился вслед за своим погонщиком в реку; за ним устремилось и все стадо. Когда животные теряли брод, само течение выносило их на берег.

Теперь, когда все войско переправилось, у Ганнибала имелись две возможности — либо дать сражение армии Сципиона, находившейся в устье Роны (Сципион выжидал, предоставляя инициативу неприятелю), либо продолжать поход в Италию. Конец колебаниям положило прибытие послов от мятежных бойев, среди которых был и их «царек» Магал. Бойи настойчиво убеждали Ганнибала не отказываться от первоначального замысла идти в Италию и предлагали свои услуги в качестве проводников и союзников.

Собственно, все преимущества такого решения были ясны и Ганнибалу: придя в Северную Италию, он попадет в окружение союзников, сможет поднять на вооруженную борьбу всех покоренных римлянами италиков и тем создаст угрозу самому существованию Римского государства, тогда как битва со Сципионом, не решая какой бы то ни было военно-политической задачи, привела бы только к бессмысленным потерям; ведь даже после победы пришлось бы все равно идти в Италию и там все начинать сначала. Собрав своих воинов, Ганнибал без труда добился их одобрения.

Вот такие пироги. Сейчас, когда уже заканчивается июль, Ганнибал где-то ориентировочно должен подходить в район Гренобля. То есть Альпы он начнет форсировать в сентябре. Неплохо, идет солидное опережение графика. Ранняя осень это все же не преддверие зимы. Да и посольство бойев через горы не на крыльях перелетело. Раз в гости зовут- значит проводят в лучшем виде.

Что же касается "первой победы" Рима- чушь полная. Даже учитывая, что римлян было три сотни, а нумедийцев пятьсот, и потери составили сто шестьдесят к двумстам, это все равно не плохо. Так как римская отборная конница была в броне, а нумедийцы с голой задницей. А наработанная статистика говорит, что при столкновении конницы потери составляют один к десяти в пользу "бронированных". А что нумедийцы убежали, так это просто общеупотребительная манера действия легкой конницы против тяжелой — подскочить, обстрелять дротиками и смыться. Опять же, внезапно отборный отряд из двух сотен лучших мессалийских кавалеристов, ликующие римские рассказчики, эти зеркала скромности, превратили в каких-то непонятных "мессалийских проводников". Так что, выходит, что римляне просто никудышные наездники. Впрочем, все об этом и так знают.

Гораздо интереснее другое. Римляне потихоньку раскочегариваются. Через три дня после ухода карфагенян с восточного берега Роны, явился тормознутый Сципион и обнаружил покинутый Ганнибалом лагерь. Сокол улетел! Пунийцы исчезли, растаяв в галльских просторах, словно привидения. Упустив отличную возможность перехватить Ганнибала на Роне и закончить войну, незадачливый Сципион решил возвращаться морем в Италию. И там объявить "третью волну мобилизации". Свое же войско, собранное в Мессалии, он, под начальством брата, Гнея Корнелия Сципиона, в поисках славы и добычи отправляет из Галлии в Испанию. Так что Таррагона бурлит. В течении месяца-полтора здесь ждут римлян. Шестьдесят пентер есть шестьдесят пентер. Один легион в пять тысяч человек они могут доставить сразу. А потом потихоньку перетащат еще четыре.

Пропаганда Кирилла потихоньку делала свое дело. Когда беспощадные римляне сюда заявятся, не так уж много испанцам примкнет к ним. А известие, что Кирилл в прах разбил римское могущество на Сардинии, — крик этот повторялся от морей до морей, от гор до гор, по всему Пиренейскому полуострову. Кирилл внезапно стал известен как один из видных полководцев Карфагена.

Но парень все равно спешно готовился. Пароли, явки, нычки, схроны. Он ничего не имел против тщательной подготовки. Абсолютно ничего. И действительно, он же — человек умный! Корабли челночными рейсами должны были из Малаги частями подвозить сюда солдат его ЧВК. Небольшой отряд конницы должен был идти своим ходом. Конных было всего сотня, зато все о-двуконь. И отдельно радовало то, что все они оснащены нормальными седлами, сбруей и стременами.

А папаша Малх порадовал, так как сумел среди рабов и наемников отыскать дюжину степных всадников из Северного Причерноморья, урожденных наездников, и переправить их в Гранаду. Там была сборная солянка. Трое алан, трое сарматов, все-будущие прообразы конных рыцарей и шестеро лучников. Половина из лучников скифы из Крыма, славящихся своей скорострельностью, а остальные — задунайские фракийцы: геты и бессы. Это было замечательно, так как из иберийцев при всем старании нормальной кавалерии не получалось. Конная пехота, не более того. По местным понятиям, лошади были нужны для того, чтобы как можно быстрее добраться из одного места в другое, сохраняя силы для нового сражения

Многолюдную греческую Таррагону Кирилл и не надеялся удержать, хорошо изучив ее руководителей (вероломство одних и глупость других), поэтому парень готовил базы в окрестностях. Главным опорным пунктом стала выкупленная горная крепость "Множества копий". Такое поэтичное название она получила за острые колья ее частокола, высотой с два человеческих роста. Не бог весть какое укрепление, зато оно находилось чуть более чем в ста километрах от Таррагоны, в труднодоступной местности под название "Барсучьи норы". Проклятое место, довольно высоко в горах, почти мифическое, никому неподвластное, — крепость вне закона, где ветры нашептывали сказки, слишком нереальные и отвратительные, чтобы им верить даже в этой Стране Варваров.

Так что карфагенские корабли завозили порох, взрывчатку, свинцовые гранаты, аккумуляторы, провода, стрелы, дротики. Скупалось и заготовливалось продовольствие. Мука, изюм, сухофрукты, овощи длительного хранения. Местные иберы привозили в крепость окорока свиньи, прокоптившиеся на горном воздухе, засахаренные ядрышки абрикосов, круги сыра, сваренные из молока горной козы.

Вторая половина августа. Воды Средиземного моря. Обжигающее белое солнце и

страшная жара. Огромный римский флот растянулся вдоль побережья. Шесть десятков гигантских пентер перебрасывают сразу целый легион. Довольно скоро должна показаться Барселона, а к вечеру корабли должны прийти в Таррагону.

Между тем портовые мощности Мессалии не могли позволить загрузить солдатами сразу все пентеры одновременно. А ожидать на рейде, пока все будут полдня собираться — только зря время терять, ведь плыть до пункта назначения из Мессалии всего два дня. Три, если будет встречный ветер. «Время и приливы никого не ждут». Именно на таких глупостях и зиждется военно-морской флот.

Но и требование безопасности тоже никто не отменял. Никогда корабли так не уязвимы, как при перевозке войск. Загружены суда под завязку, солдаты, страдающие от морской болезни (и от жары) в лежку валяются на палубе, как сельди в бочке. Любой обстрел, может нанести серьезные потери, так как большинство легионеров в плавании находились без доспехов. Так что передвигались отдельными отрядами эскадры, состоящие из десятка пентер.

Это была одна из замыкающих флотилий. Впереди — явно безопасно, так как уже проследовало полдюжины таких же эскадр. Караван упорно взрезал прозрачную зеленоватую глубину вод, где иногда мелькали голубые тени больших рыб. Ровная поверхность слегка рябилась под слабым ветерком. Квадратный парус флагмана безвольно свисал с единственной толстой мачты. Гребцы, сидевшие на скамьях по обеим сторонам средней палубы, налегали на длинные весла, словно машины, одновременно наклоняясь вперед и откидываясь назад. Весла пенили волны, вода шуршала об борта.

Вдруг со стороны открытого моря показались темные точки. Они быстро приближались. Скоро можно было рассмотреть, что это три корабля дерзких пиратов, творящих множество бесчинств в этой части Средиземного моря. Такое нельзя было игнорировать, так что три пентеры, где солдат десанта было поменьше, поэтому эти корабли были более быстрые, по знаку триерарха рванули пиратам наперерез.

Нельзя было допустить обстрела, а так как на носу римских кораблей располагалось по две катапульты или стреломета, то эта артиллерия позволит отогнать пиратов. Судовая артиллерия была вперед на четыреста шагов (250 метров) и этого вполне достаточно. И действительно, пираты, приблизившись и увидев, как в волны перед их носами плюхнулась огромная стрела, выпущенная из стреломета, резко расхотели атаковать и рванули наутек. Странно, особой скоростью эти пираты не отличались. Даже эти груженные пентеры при усилении могли бы их догнать. А эти пентеры были раз в десять больше и массивней маленьких корабликов пиратов.

К тому же, пираты, пропустив основную эскадру рванули к близкому берегу, по большой дуге, обходя заслон из трех пентер. Наверное они собрались укрыться на побережье и значит, оставить свои брошенные суда без защиты. Из-за своего маневра пираты теряли расстояние и время и римские корабли,двигающиеся наперерез, быстро приближались.

Пиратам собственно было без разницы к какой точке побережья пристать, поэтому они начали отворачивать все дальше на восток, стараясь не оказаться под обстрелом стрелометов. И значит еще больше теряли в дистанции. Римские корабли догоняли, но теперь они уже, чтобы иметь возможность стрелять, шли не наперерез, а нагоняли врага сзади.

Заработали стрелометы на носовых площадках пентер, стрелы начали утюжить сектор моря, пиратские драккары стали двигаться зигзагами, еще более теряя дистанцию с

преследователями. Видно было, что кораблики пиратов были хорошо построены: они быстро шли, легко слушались рулевых весел, плавно поворачиваясь туда, куда нужно было кормчему. Но все равно им было не уйти! Капитанов римских кораблей охватил азарт.

— Утопите их в море! — с неприкрытой агрессией заревел капитан передового корабля римлян, когда увидел что его пентера медленно, но верно догоняет беглецов, идущих самоубийственным курсом.

Пиратские драккары явно рвутся к берегу, так что если команда и сможет убежать, то сами зловредные суда римляне, эти "Труффальдино из страны брехунов", все равно сожгут. Тем более что пентеры, идущие на боевой скорости, явно нагоняли. Еще немного, еще чуть-чуть, и пираты рванут напрямик, в надежде спастись, и тогда им конец. Главное не отпускать врага.

— Скорость атаки! — вопили римские капитаны, которыми овладело кровавое бешенство.

И рабы под убыстрившийся стук барабанов изнемогали на веслах. Пираты тоже казалось летели изо всех сил, но не могли оторваться. И зигзаги, что они делали, чтобы не попасть под обстрел корабельной артиллерии римлян, и вовсе были лишние. Разогнавшиеся пентеры неумолимо приближались. Передовая вражеская галера теперь находилась на расстоянии ста метров от крайнего драккара и ощутимо сокращала дистанцию. Пираты под углом тщетно рвались к берегу, пытаясь высадиться и спасти свои жизни...

И вдруг раздался глухой удар. Одна из боковых пентер вздрогнула, и вдоль ее корпуса словно прошла волна — как будто галера налетела на скалу. Команда корабля мгновенно забыла о погоне, стараясь удержать равновесие. Сюрприз! Одна из трех римских пентер действительно налетела на подводные скалы. Легкие драккары пиратов прошли над ними без особых хлопот, а вот один из тяжелых и массивных кораблей римлян с разбегу ударился брюхом. От удара доски разошлись и вода стала поступать в трюм. Корпус трещал, не выдерживая нагрузки. Увидев это происшествие, преследуемые пираты стали отворачивать от берега в море. Хотя они и ускорились, но преследующие их римские корабли выиграли у них еще какое-то расстояние. И в азарте погони оставили поврежденный корабль без присмотра. Чай, берег рядом. Подойдут и выбросятся на пляж. А тут можно пиратов прищучить!

Но обстрел из катапулт и стрелометов снова ничего не дал и пираты, заметно ускоряясь, вводили оставшиеся римские пентеры все дальше. Основная эскадра Рима уже ушла и лишь темными крапинками виднелась вблизи горизонта.

На поврежденной пентере все бросились вычерпывать воду, благо народу было с избытком. Люди построились по цепочке и передавали горшки с водой, выплескиваемой за борт. Быстрое затопление римскому кораблю не грозило, так что судно медленно и осторожно двинулось обратно на восток, в надежде найти удобный пляж для причаливания. Ведь чтобы добраться до берега, нужно перевалить через полосу прибойя.

Внезапно, из прибрежных зарослей камыша, которыми заросло устье какого-то ручья, впадающего в море, вынырнул еще один пиратский корабль. Это был флагманский драккар Лала-Зора, поджидающий жертву в засаде. Римляне слышали о трех пиратских кораблях, поэтому считали что все нормально, но совсем недавно флотилия Лала-Зора пополнилась четвертым драккаром по имени "Кокаб-Цафон" (по-финикийски «Северная звезда»).

А дальше все было просто. Пираты стремительно летели по волнам подобно водяной змее. Они ловко зашли со стороны кормы и убили кормчего при помощи арбалета. Капитан

сам стал к рулю, а римские морские пехотинцы выстроили стену щитов, защищавшую рулевого. Но два пиратских арбалета, три больших лука и пятеро пращников, метавших свинцовые гранаты, сильно мешали управлению кораблем. Скоро все в заслоне были ранены. В это время драккар основательно приблизился и пошла в действие метатели дисков и метатели молотов. С нефтью. И лучники.

Огненные стрелы подожгли свернутые паруса и такелаж, запылали и нефтяные пятна. Сухая ткань парусов занялась особо быстро, задымила, рассыпая искры, и пламя, пожирая свою добычу, стало подниматься все выше и выше.

— Тушите!.. Ради Фортуны, тушите огонь, пока он не распространился! — надрывались римляне, с глазами обезумевших собак наблюдая, как загораются паруса.

А затем и палуба. А затем и просмоленные борта, что занялись мгновенно.

Кто-то высоким голосом, в котором звенела паника, отдавал приказы воинам Рима:

— Тушите огонь! Тушите же огонь, идиоты! Забудьте о пиратах, тушите огонь!

Борьба с огнем помогала мало, так как никто не знал, что делать: обороняться, бороться с пожарами или вычерпывать воду? А большинство десантников, страдающих морской болезнью, двигались как сонные мухи. Слышались короткие команды — тушить огонь, вычерпывать воду. Часто они внезапно прерывались криками — когда одна из стрел попала в цель. Над головой экипажа полыхали снасти, куски горячей ткани и веревок сыпались на головы тех, кто находился внизу.

Языки пламени пожирала пентеру, вопли паники перемешивались со стоном раненых. Корабль рванул к берегу, но в очередной заслон на корме, щитами защищавшего кормчего, ударился меткий "молот" и он превратился в огненный факел. Корабль окончательно потерял управление.

Но мимо берега было не промахнуться, да и гребцы, не желавшие утонуть или сгореть заживо, рвали жилы, гребя изо всех сил. Пираты усиливали обстрел, с ловкостью обезьян закидывая пентеру всем горящим. Напоминающий плавучий костер римский корабль выбросился на берег. Легионеры и моряки, посыпались за борт. Рабов же никто не расковырял, так что им предстояло просто погибнуть. Сейчас было совсем не до них.

Заметив странный костер позади, там, где они оставили поврежденный корабль товарищей, две пентеры, преследующие пиратов, резко повернули. Лучше они бы этого не делали! Тут все повторилось. Пираты бросились на них сзади как волк на ягненка. И вновь гибель кормчих, потеря управления, обстрел заслона. В тесном пространстве палубы морякам с десантниками, а особенно прикованным рабам, бежать было некуда. Затем последовало забрасывание пентер всем горящим и начало пожаров. Теперь подожженные пентеры уже ничто не погасит. Оба римских корабля полыхали, черный дым клубами вился по ветру. На фоне яркого пламени, воины, моряки и рабы объединили усилия, отчаянно пытаясь спасти свои корабли и свою жизнь.

Пиратские драккары проводили бы римские корабли до самого берега, но тут пришлось торопиться, так как на горизонте показалась очередная римская эскадра, перевозившая солдат. Удвоив усилия напоследок, пираты, при приближении очередной партии кораблей римлян все же убрались восвояси. На юг, в сторону открытого моря.

Карфагенских мореплавателей гнали прочь ужасные крики сгоравших заживо. Ветераны множества битв, которых обычно не трогали стоны раненых, они тем не менее содрогались от этой массовой какофонии ужасных звуков. Все молчали.

В результате этой вероломной атаки пиратов, одна римская пентера затонула, а две,

горящие, сумели выброситься на берег. Кроме того, кое-кого с затонувшей пентеры сумели подобрать и спасти римские моряки. Но на каждой пентере была масса народа!

Три большие девяносто тонные пентеры были уничтожены. Даже выбросившиеся на побережье корабли сгорели до самого остова. В кровавой пене прибоя плавали обуглившиеся тела. Шестьсот рабов отдали богу души. Из шестисот моряков, морских пехотинцев и перевозимых легионеров уцелело чуть больше половины. Из них большая часть с ожогами и ранениями. И помимо этого переполненные корабли из следующей флотилии подобрать смогли немногих, так что в Испанию оставшиеся римляне попадут не скоро.

Воздух был пропитан дымом горящих кораблей — римляне получили сразу отличные похороны, в пламени, как и предписывал их погребальный обряд..

Пираты в этот раз очень торопились. Поэтому работали без предварительного подавления римских лучников. Не было времени на это. Ставка была высока. А от встречного обстрела у пиратов были жертвы. Трое убитых и с десятков раненых. Все имеет свою цену....

Сегодня вся Таррагона бурлила. Шум, суматоха, какой-то деревенский бедлам. Толпа гудела, словно растревоженный улей. В море показался огромный римский флот, направляющийся в городскую гавань. Старейшины и архонты города возликовали. Наконец-таки римляне прищепят хвост этим карфагенским варварам, которым боги давно уже уготовили роль рабов греков и которые этого упорно не понимают. А теперь снова Таррагона станет главным форпостом Рима на землях Иберии. Городская верхушка, люди хитрые и проницательные, спешно готовили комитет по торжественной встрече Гнея Корнелия Сципиона Кальва.

"Наш хор поет мотив старинный,
И шампанское рекой,
К нам приехал наш любимый
Гней Корнелий дорогой!"

Прибывший "Вир Клариссимус" (Его Светлость) будет доволен!

Особенно много суетились так называемые "эллинархи" — городские архонты, ведущие свою роль по прямой линии от первых греческих колонистов. Этим они гордились, что отличаются от старейшин — потомков иберийских вождей, или же богачей смешанного происхождения. В Таррагоне уже давно перемешались и греки и варвары и жили бок о бок. Так как все жители, вне зависимости от национальности, преклонялись перед большими деньгами. Здесь тот, кто обманывал другого, гордился своей сообразительностью, а кто грабил, заявлял: я могуч!

Заметив по возбуждению горожан, что им ловить нечего, из города спешно сбежал небольшой карфагенский гарнизон. Состоящий из трех сотен ливийцев. Благо пока на них никто не нападал. Чему они были очень рады. И поспешили в Новый Карфаген так, что лишь пятки засверкали.

В гавани высадилось 4700 римлян. Почти целый легион. И вместе с ними самолично Гней Сципион. Флот должен был завтра двинуться в обратный путь. Теперь каждые шесть дней в таррагонскую гавань должно было прибывать по легиону.

Брата консула тут же пригласили на пир. Где во множестве звучали красивые тосты о дружбе народов Рима и Таррагона.

— Ты — олицетворение Великого Рима, господин, — произносили льстивые греки, по должности городские чиновники, а по натуре — гениальный мошенники.

Чтобы верность доказать,
И к начальству быть поближе,
Лижут спину, лижут ниже,
Дальше некуда лизать!
Каждый грек тут будет рад
Вкушать римский "шоколад"!

Пирушка удалась. Чаши наполнялись и опустошались. Все было просто прекрасно.

Но не долго. Кирилл буквально насытил тайной агентурой как сам город, так и его окрестности. В качестве платы выступали осколки разбитых зеркал. Результат боя или брака. Но для местных они были все равно на вес золота. К тому же их научили этими зеркалами пускать солнечные зайчики, то есть подавать нехитрые условные сигналы. Днем важная

информация могла долететь от Таррагоны до крепости Множества копий буквально за один час.

Кроме этого, было сделано немало закладок. Под утро раздался страшный взрыв, в результате которого городские казармы буквально сложились в кучу мусора. А там размещалось полсотни таррагонских кавалеристов, все как один сыновья городских аристократов. Кирилл давно заложил туда взрывчатку, а провода вывел в соседний арендованный дом. А там человек покрутил ручку взрыв-машинки, накопил электрический заряд, замкнул провода и принимайте работу. И главное никто ничего не понял. Гнев богов, не иначе...

Не успели разобрать завалы и откопать тела погибших, как раздался еще один взрыв. Прямо в городской стене один из мутных приезжих купцов в карфагенский период устроил склад. Коррупция творит чудеса. О этом купце вчера все забыли и с утра пораньше, как только открылись ворота, он уехал из города. На складе хранились какие-то мешки. И это была египетская селитра. В глубине был спрятан мешок с порохом. А на нем перед уходом купец поставил железную коробочку, в которую налил азотной кислоты. Кислота потихоньку проела железо, попала на лист бумаги, вываренный в селитре, бумага вспыхнула и инициировала заряд на складе. Грохот, дым, огромный шлейф пыли. И в результате в городской стене образовалась солидная брешь.

Гнею Сципиону, обустривающему римский лагерь за стенами города, все эти проблемы хозяев были так сказать "по барабану". До лампочки. Но во второй половине дня потянулись беженцы в город. Отряд Кирилла с демонстративной жестокостью разрушал поместья и усадьбы тех таррагонских "бонз", что так радовались приходу римлян.

Убытки были колоссальны. Так как не только дотла сжигались дома и сараи, но и срубались плодовые деревья, сгорали пшеничные поля, выкорчевывались виноградники под корень. Даже в паре мест, неподалеку от города, огороды засыпали солью, чтобы земля не родила. Так выманивали змею из ее логовища.

Таррагонская верхушка заволновалась и стала закидывать старшего брата нынешнего римского консула слезными просьбами вмешаться. Это были мелкие сошки. Но с другой стороны, они держались уверенно и с некоторым достоинством. Как будто хозяевами положения здесь были они.

Гней Корнелий, скалясь словно гиена, отнекивался. Разве дело его легионеров бегать по округе за иберийскими разбойниками? Пусть этим занимаются союзные иберийцы! Рим всегда был сторонником идеи "Разделяй и властвуй" и любил бороться с варварами руками самих варваров. Но на следующей день пришли плохие новости. Большинство иберийских вождей решили держаться в стороне от этих событий. Кирилл уж слишком запугал местных иберийцев гневом богов, если они будут водиться с римлянами. Вы же слышали, что недавно Архимед открыл закон: "Если залезть в ванную, то уровень жидкости там повышается"? Нужен ли еще какой знак богов, чтобы держаться подальше от римлян? Подобное добром не кончится!

В общем, невежественные иберийские вожди пополнять своими отрядами римскую армию не спешили. Только парочка иберийских "царьков", тесно связанных с городом многолетними торговыми связями, откликнулись на зов о помощи. Этих нехороших людей совершенно отвратительной наружности, наймитов зарубежного капитала, звали Тугодумн и Косидубн. Сципион бросил отряды этих союзных иберийцев на врага, как человек бросает дротик, мало заботясь о том, сломалось или нет оружие.

У этих новоявленных римских союзных вождей было под началом всего две тысячи воинов, более искусных в разбойничьих набегах, чем в сражениях по всем правилам войны. В том числе две сотни кавалеристов. Для отрядов Кирилла в первую очередь опасными были всадники, так как вокруг города километров на тридцать была открытая местность, поля, нивы и сады. Кроме того, лучники, которых было много в его армии, обычно, чтобы сохранить смертоносную упругость своего оружия, натягивали тетиву только перед боем. При внезапном же нападении стрелки оказывались в невыгодном положении.

Еще один день продолжалось столкновение союзных Риму иберийцев с отрядами ЧВК. Очень неуспешные для иберийцев. Одна сотня туземных кавалеристов настигла три сотни пеших противников на марше. Обрадованные иберийцы пустили коней в галоп. Не отклоняясь ни вправо, ни влево, подобно стреле, выпущенной лучником, — что срывается с тугой тетивы и попадает прямо в цель. Но ничего не получилось. Для начала солдаты ЧВК, отступая, засыпали колючками-"чесноком" подступы со стороны врага. А когда передовые иберийские всадники с налету влетели в это "поле" то два десятка коней у них захромали. За то время, пока кавалерия огибала препятствие, пехотинцы построились в плотное симметричное каре, оцетинившееся железными дротиками.

Кавалеристы сразу поняли, что кони туда не полезут. А от мысли погарцевать перед строем и покидать во врага дротики конники сразу отказались. Так как когда они приблизились, то из глубин строя по ним обработали восемьдесят стрелков из большого иберийского лука. Почти в упор. Полсотни лошадиных спин сразу опустело. Далее лучники поподчивали еще убегающих конников залпом в спину, и потом добили раненных. Из сотни бравых кавалеристов вернулись слезы.

Другая сотня иберийских всадников нарвалась на конницу Кирилла. Ну как нарвалась? Откуда-то вдруг выскочили шесть конных степных лучников, приблизились по дуге к конному отряду, и обстреляли его издали. Иберийские всадники луков не имели. Совсем. Из большого лука верхом стрелять неудобно, маленький бесполезен, а до клееного композитного они еще пока не додумались. Предпочитали дротики. А враги стреляли вроде бы с деланной небрежностью, но очень быстро, каждые десять секунд залп. Итого за минуту целых 36 жертв. Убитыми и ранеными. Скифы жались, как кобры. Испанцы валились будто переспелые зерна под копыта своих лошадей.

А во время преследования убегающие еще оборачивались и стреляли по-парфянски. Минус еще два десятка. Добавим, что зазубренные наконечники скифских стрел были покрыты смертельным ядом, который так и назывался — скифион. Это был "трупный яд". Любой, кому этот яд попадал даже в малую царапину, умирал в страшных мучениях.

А когда иберийцы захотели прекратить преследование, то из рощи, к которой их увлекла погоня, внезапно выскочила еще конная сотня, затаившаяся там в засаде. Блеснув словно молния на фоне деревьев, они понеслись в атаку с такой скоростью, какую только можно было развить на такой небольшой дистанции. В голове конного отряда кавалерии Кирилла скакали шесть кирасир-сарматов с длинными копьями. Они и сами напоминали бронзовые статуи или же средневековых рыцарей, так еще и лошади у них были укрыты латами из кожи и войлока. Конечно, долго так лошадь не побеждает, таская на себе такую тяжесть, но на десять минут боя ее вполне хватит. А засада как раз и позволяла закончить бой за десять минут.

Как люди, несущиеся во сне навстречу смерти, иберийцы не сразу смогли повернуть лошадей и продолжали какое-то время движение вперед. А никакой ибериец, даже из

северных кельтов, не смог бы сравниться с сарматом в конном бою. Кочевники своими длинными копьями буквально пронзили насквозь своих противников. А пущенные в них дротики отлетали от лат и преимущественно скользили по доспехам лошадей.

Заметив, что противники уже двукратно превосходят их численно, иберийские кавалеристы и так уже собирались просто кинуть дротики и смыться, а увидев как ловко сарматы орудут своими копьями (а те тут же развернули коней и ловкими движениями туловища вырвали свои копья из пронзенных туш, освободив их для следующей атаки), иберийцы, кинув несколько дротиков, тут же ринулись наутек.

Их преследовала сотня кавалеристов Кирилла, которая за исключением дюжины "иностранцев", тоже состояла из местных иберийцев. Разве что доспехи у них были получше и оружие. И упряжь у лошадей. Но наездники все местные были слабоватые. В жокеи их бы работать не взяли. Да и кони у них были не фонтан. В среднем в низкорослой мохнатой коняшке живого веса всего четыреста килограммов, так что часто когда какой-нибудь местный Геркулес, совершенно обычного для будущего роста в 180 см, садится или слезит с коня — тот просто падает на землю. Так что эти местные лошади для променада явно не были боевыми скакунами.

Но тут снова сказали свое слово скифские лучники, пересевшие на запасных лошадей, и снова выбивающее всадников противника. Степняки мчались, как ураган, натягивая тетиву луков и стреляя на скаку. Так что конникам ЧВК уже оставалось только пришить дротиками выпавших раненных к земле. Из этой сотни римских союзников вернулось менее двух десятков человек. Выжившие на всю жизнь хорошо усвоили урок, преподанный им Востоком: секрет успеха любого военного предприятия в быстроте и в том, какой конь под тобой.

К вечеру в лагерь союзных Риму иберийцев пришли парламентарии, держа над головами зеленые ветви мира. Они предложили решить все разногласия традиционными поединками самых лучших воинов. Хотя северные иберийцы уже имели печальный опыт такого решения споров этой весной, но отказаться они не могли. Тогда бы вожди потеряли лицо.

Утром состоялось четыре поединка, в которых проримские испанцы продули с сухим счетом. Слишком велика была разница в оружии у сражающихся воинов. А среди карфагенян были еще и искусные фехтовальщики, словно сделанные из железа в этот железный век, обладающие физической силой и крепостью, переполненные огромной внутренней энергией, которая заставляла их делать невозможное, превозмогая самих себя. 4–0. Божий суд — глас бога. То, что предсказано должно было случиться, и никому не удастся избежать своей судьбы. Поэтому варвары собрались и отправились по домам, предоставив римским нечестивцам самостоятельно выпутываться из этой неприятной ситуации. Вот так. Иберийцы ненавидят греков, греки ненавидят римлян, все ненавидят всех.

В этот день тоже горели поместья и усадьбы таррагонских богачей проримской ориентации. Маленькая карфагенская партия в городе молча злорадствовала. Что-то союз с Римом ничего кроме бедствий не принес. Гнея Корнелия буквально осаждали "ходоки". Помоги да помоги!

На пятый день после прибытия Сципиона все же уговорили вмешаться. Весь мир вокруг бушевал, требуя от него результатов. Завтра к вечеру все равно прибудет следующий легион, так что утром он может выйти в поход. А таррагонские главари уже все разузнали. Главная база этих карфагенских разбойников — крепость Множества копий. Ни один дикий варвар, если он в своем уме, не сунет носа даже на расстояние нескольких миль от крепости. Если ее

взять, то остатки карфагенян после такого поражения явно уйдут. Крепость расположена в четырех днях пути от города.

Деревянный частокол не выдержит удары баллист. У сторонников Карфагена всего навсего полторы тысячи человек. Может к ним еще две сотни обозников. Пустяки для целого римского легиона. По сравнению с римской ордой подобные цифры звучали смешно. Ни у кого в этих краях нет столь многочисленной рати, как у Гнея Корнелия, столь могущественной и готовой к бою. Четыре дня туда, четыре обратно, день там. Легкая прогулка!

"Пора уже украсить выезд из Таррагоны сотней крестов на которых будут распяты враги Римской Республики!" — подумал представитель славного рода Корнелиев.

Почти полный легион шагал в ногу. Топ, топ, топ. Стук солдатских подметок по дороге, звон кольчуг, когда те задевали сдвинутые на спину щиты. По узенькой дороге шагали солдаты, центурия за центурией. Здесь все дышало постоянством и мощью Рима. Среди почти пяти тысяч легионеров было много ветеранов, изведавших вкус победы во многих странах, в сражениях против всех врагов, каких только могла отыскать республика.

— Хорошая страна, — балагурили веселые солдаты. — Сады, поля, виноградники, отличные пастбища, холмы — красиво.

Дела шли гладко. Какое-то время. Полдня главными неприятностями римских солдат были жара, пыль и свинцовая тяжесть доспехов на плечах. Может быть кто-то еще и сбил ноги. Но когда они удалились от города километров на 18 начались неприятности. Поскольку союзники, которых римляне так любили отправлять в авангард, подставляя под первый удар, в этом походе не участвовали, то брат консула отправил вперед, в разведку, одну центурию. Местность была достаточно открытая, хоть танцы тут устраивай, так что Гней Сципион посчитал, что этого будет вполне достаточно. Было безлюдно, мирные жители, опасаясь войны покинули эти места, бросив свои хижины, сложенные из камней и кизяков.

— А люди где? — интересуется кто-то из молодых солдат.

— Люди где-то. Один туда ушел, другой сюда ушел. Третий не знаю куда ушел, — ласково поясняет ему младший десятник-опцион, деликатно потрепав товарища по плечу со словами:

— Милый, милый смешной дуралей!

— Эй-эй, полегче! — вступается кто-то из служивых легионеров. — Ты уже и так защекотал одного юнца до полусмерти. Ели откачали!

Впереди виднелась небольшая рощица. Легионеры различали буки, грабы и дубы. По обоим краям дороги располагались поля и луга. На них метрах в тридцати от обочины кое-где виднелись стога скошенного и еще не просохшего сена. Видно это сено куда-то отвозили, так что дорога была тоже усеяна травинками, которые охотно подбирала губами обозная скотинка — мулы и лошади. Это только говорится, что римские легионеры все таскали на себе, в том числе инструмент и колья лагеря. На самом деле их всегда сопровождало множество телег из расчета одна телега на десять человек. Итого целый караван из 470 подвод, растянувшийся почти на полтора километра.

Действительно, только оружие и доспехи весили 20 килограммов. А тут еще на каждого римского солдата в походе обычно предусматривалось: 20 кг сухарей, несколько кувшинов вина или уксуса, чтобы разбавлять сырую воду, теплый плащ, палатка или полог из ткани, рогожка или шкура в качестве подстилки, котелки и прочая посуда, разные бытовые мелочи,

инструмент для земляных работ. В общем еще килограммов тридцать на каждого. И в деревянном сундуке, чтобы все это добро не испортил дождь. А еще легион вез добавочно двадцать разобранных стрелометов и баллист для осады вражеской крепости и колья для обустройства собственного лагеря.

И хотя римский полководец на этот раз взял с собой провианта только на десять дней — то есть по десять кг на каждого, было понятно что каждый солдат весивший в среднем 65 кг, без обоза не утащит на себе под полцентнера груза. Никак.

Все было мирно. Над головами пели птицы, с ними пытались громко соперничать, бесчисленные насекомые.

Казалось, местность как будто не предусматривала никакой засады. Разве что в роще, но и там даже две сотни бойцов никак не спрячутся. Так что легион не сбавлял ход.

— Какое уединение! Какая тишина! — воскликнул кто-то из рядов солдат.

Но из рощи внезапно послышались крики и звон оружия — на разведывательную центурию напали. Сотню римлян внезапно атаковали полторы сотни иберийцев. В начале лежа, не поднимаясь, по рассыпавшимся цепью легионерам отработал десяток арбалетчиков. Мгновением позже к ним присоединились вскочившие шесть десятков стрелков из большого иберийского лука. В воздухе засвистели стрелы, и чуть ли не каждая находила цель. А потом выскочившая бронированная пехота осыпала врага дождем из дротиков и схватилась за секиры. Стержни из металла и дерева градом посыпались на соперников и многие попали в мишени.

Арбалетчики отработали великолепно, на "пять баллов", от залпа лучников половина римлян успела защититься щитами, так что от стрелкового огня пострадало только сорок легионеров. Но от фанерных щитов иберийцев половина римских дротиков просто отскакивала, в то время как все остальные римляне своих больших щитов лишились. После этого легионерам уже было безразлично, сражаться или убегать. Разрозненных римлян убьют и так и иначе, или зарубят секирами, или прикончат стрелами в спину. Так и произошло. Тут не было места милосердию.

— Тревога! Нападение! — уже драли глотки центурионы основного отряда, услышав шум свалки впереди.

Легион пришел в движение. Крепкие, уверенные ребята. Тысячи людей на всем протяжении просторного поля битвы, словно крошечные колесики единой машины, повторяли одно и то же действие. Римляне сомкнули щиты, и на дороге оказалось множество окруженных броней островов. Легион был готов к бою.

— Возьмите мне парочку пленных варваров, чтобы я мог допросить их, а вечером распять на кресте, — деловито распорядился Сципион.

Легионеры в боевых порядках двинулись вперед.

— Рим! — закричал командир головного отряда и грохнул мечом по щиту. — Рим!

— Рим! — грянули солдаты. — Рим!

Пока засада в роще вырезала римский авангард, справа, сбоку от римской колонны, внезапно выскочили четверо лучников противника, прятавшихся в складках местности. На них среагировала сотня легионных лучников и дала залп — но стрелы просто не долетели. Далекое! Римляне пожалели, что их стрелометы не здесь, а лежат в повозках, разобранные и бесполезные.

У этой четверки с собой был горшок с тлеющими угольями и они начали метать огненные стрелы в стога сена. Туда они своими большими тисовыми луками прекрасно

добивали. Сено было сыровато, к тому же в эти стога Кирилл еще добавил сурьмы, так что дым был чрезвычайно густ и поднялся пеленой, скрыв правую половину полей от взоров римлян. Они решили двигаться вперед, на помощь своему авангарду, проигнорировав эту бойкую четверку. Что теперь скрылась из вида. В конце концов, что они сделают целому легиону? Подойдут поближе так получат от римских лучников с пятидесяти шагов кучу стрел, смертельную дозу.

В это время из-за далекого холма, что скрывала впереди роца, выскочил отряд кавалерии. Римляне его видеть не могли, возможно даже не слышали, но они хорошо видели густой шлейф пыли, вздымающийся из под копыт отряда из сотни всадников. Легионеры притормозили, построились, и стали ждать, тем более что их разведчиков уже явно уничтожили и шум из роци прекратился. В это время справа пелену дыма разорвала сотня лучников, внезапно оказавшихся на поле боя.

Приблизительно такой прием, с маскировкой своего передвижения, устроили готы против римской армии в битве при Андрианополе, в которой погиб император Валент.

Видно стрелки варваров скрывались за полями в каком-то овраге и пользуясь плохой видимостью скрытно подобрались к врагу вплотную. Поскольку римских лучников расставили против конницы по флангам, то для полусотни лучников Рима такое количество их визави (вместо четырех) оказалось неприятным сюрпризом. Туча стрел сразу накрыла римлян и мгновенно перебила всех их стрелков из лука с этой стороны. Люди были выбиты до единого.

Щитов у лучников не имелось, а с тридцати метров легкая кольчуга от стрел не защищает. Особенно, если такая стрела выпущена вблизи из лука величиной под два метра. А поскольку все щиты у римских пехотинцев были с левой стороны, то не все солдаты успели вовремя повернуться и встретить стеной щитов следующий залп. Зловеще шипя, стрелы прорезали воздух навстречу сомкнутой человеческой массе и с коротким чмокающим звуком втыкались в жертвы. Так легионеры заимели еще три десятка убитыми и ранеными. От изумления некоторые легионеры даже рот пооткрывали. Очень многие воины были убиты стрелами, поразившими плоть через кольчуги, предназначенные для того, чтобы ее защищать. Тут и там лежали трупы со щитами, прямо-таки пришипленными к ним, а в этих щитах торчали стрелы.

До сего момента римляне даже представить себе не могли, насколько велика мощь больших луков противника. Стрелы летели сплошным потоком и даже пронзали римские skutумы, словно те были сделаны из толстого картона. Все это было ужасно. Ножницы побеждали бумагу.

— Сомкнуть ряды! Приготовиться отразить атаку!

Легионеров не требовалось подгонять. Передние с лязгом сомкнули щиты, а те, кто стоял в задних рядах, подняли свои над головами. Все равно ничего другого нельзя было сделать. Skutумы легионеров выдерживали попадания копий и обычных стрел, но все, кто стоял в строю, к этому времени отлично знали, что с такого маленького расстояния против стрел больших луков их щиты плохо защищают. Они будут пробиты, но сильно ослабят выпущенную стрелу.

— Сомкнуть ряды! — хрипло выкрикнул командующий Гней Сципион ожидающему приказов адъютанту. — Копья метать с двадцати шагов. Не дальше!

— Но их стрелы летят гораздо дальше, чем наши копья.

Самой грубой ошибкой представителя славного рода Корнелиев было взглянуть на

покрытое тучами стрел небо и гордо заявить:

— Я не вижу никаких стрел!

— Выполняйте мой приказ, — снова пробубнил полководец. — Любого, кто осмелится оспаривать мои приказания, ждет смерть. Ничто не устоит перед римскими легионами.

Офицер отошел, в его глазах билась тревога.

Для дротиков дистанция была очень велика. Бесплезно. Римляне поспешно построили стену щитов, поэтому третий залп "варваров" был безрезультатным. Стрелы лишь железным дождем постукали по щитам. Если щиты и пробивались то ослабленная стрела могла нанести лишь царапины.

Но оставшиеся слева римские лучники спешили на правый фланг, чтобы устроить стрелковую дуэль. Она не произошла. Потому, что иберийцы, увидев противников, опять нырнули за завесу дыма и пропали из виду. Лучники Рима дали залп, но это было скорее для очистки совести.

В то время как все римляне повернули направо, прикрываясь щитами от летящих стрел, им в спину дали залп тридцать арбалетчиков. Они, люди обладающие железными нервами и отчаянной смелостью, могли стрелять лежа и заранее оборудовали себе скрытые стрелковые позиции. Аккуратно сняли дерн, вырыли ямы, накрылись маскировочными плащами. Потом товарищи на них снова уложили дерн, притрусили сеном и травой. На вид поле и поле, ничего не заметно. А тут такой смертельный удар с тридцати метров. В спину. С плотоядным чавканьем стрелы вошли в плоть римских солдат, и их тела судорожно задергались. После выстрела, не задерживаясь, арбалетчики сразу вскочили и бросились наутек. Будто сам пес ада — Цербер гнался за ними по пятам. На благодарность за представление они не рассчитывали и аплодисментов не жаждали.

Римский легион сейчас походил на человека которого со всех сторон атаквала туча комаров. Да пускают кровь, да — неприятно. Но не смертельно. Потому, что Кирилл решил приберечь свои главные козыри (за исключением арбалетчиков, которых было немного) для другого случая. Слишком все близко к городу. Пусть еще пройдут в глубь страны. Время терпит. Сильные притесняют слабых. Вот так и римляне. Они занимаются этим до тех пор, пока не наткнутся на кого-то более сильного, у кого возникает гуманная прихоть их остановить. На кого-то вроде Кирилла.

Так что Сципион ничего не понимал. Какие-то незначительные нападения жалких кучек людей. Эффективные, но это же только раздражит легионеров! Тысяча из них сейчас заняла рошу и никого из врагов там не обнаружила. Только трупы своих погибших разведчиков. Конница тоже исчезла из вида. Или отступила или же, что более вероятно находится справа за стеной дыма. Но там ее или сотню варваров с луками встретит две тысячи легионеров. Слева варвары давно убежали почти за пределы видимости, но брат консула и туда отрядил пять сотен легионеров. Остальные пытались собрать в кучу огромный обоз и построить его квадратом.

Как может тяжелая пешая армия, возглавляемая самонадеянным полководцем, одолеть чрезвычайно подвижного врага, который ни в коем случае не желает ввязываться в позиционное сражение, пока оставалось непонятным.

Казалось, целую вечность ничего не происходило. Минут через пятнадцать, когда казалось, что все успокоилось, обнаружилась пропавшая сотня кавалеристов. Они вынырнули из-за стены дыма и направились в римский тыл, с целью атаковать обоз. Там их встретила стена щитов легионеров и острия дротиков. Конница покрутилась и поняв, что

ловить им тут нечего, отступила по дороге к Таррагоне. Лишь шестеро конных лучников, большая редкость для этих мест, барражирую поблизости начали расстреливать на выбор возниц-обозников или лошадей с мулами. Пока перебросили для защиты обоза легионных лучников, они подранили и убили полсотни голов скотины и два десятка возниц. После чего убрались вслед за своими товарищами. Битва, в которой воевала лишь одна сторона, а другая покорно умирала, продолжалась недолго.

Легион получил серьезные потери. Полторы сотни убитыми, столько же ранеными, добрая половина из которых не доживет до вечера. Царапины не в счет. Что же, такова жизнь обычного солдата. Для солдата рисковать собой — все равно что для бухгалтера складывать цифры.

— Тише, братья. Держите себя в руках. Рим полагается на вас. Вы — та сила, которая стережет наши границы. Варвары это как испарения, поднимающиеся от кучи дерьма зимним утром: вони много, а причин для беспокойства нет, — успокаивали личный состав командиры.

Потеря горстки легионеров значили для армии Сципиона не больше, чем укус осы для медведя. Убитых и раненых покидали на телеги, тем самым перегрузив их. Пройдя пару километров решили, что на сегодня достаточно и тщательно принялись обустроить укрепленный легионный лагерь. Сотню дровосеков, отправившихся в ближайший лесок рубить дрова и собирать хворост для погребальных костров, атаковала очередная засада иберийцев и, несмотря на боевое охранение из пяти десятков легионеров, почти всех перебили. Только десяток беглецов спаслись, прибежав в лагерь. Когда римляне выслали помощь иберийцы уже убрались, оставив на земле тела своих жертв.

Так что число тел павших почти удвоилось, поэтому толком сжечь их римляне не смогли. Монетку положили, чтобы заплатить за перевоз на Елисейские поля и ладно. А там уже нагие Ганимеды с розовыми попками готовы подносить умершим чаши с пьянящими напитками.

Ночью римлянам хорошо выспаться не удалось. Казалось, варвары неистощимы на коварные выдумки. За полночь произошел мгновенный налет лучников. Две сотни иберийцев во мраке ночи подобралась к римскому лагерю, обстреляли его навесом. Звон тетивы, глухие хлопки по наручу и шелест стрел, отправляющихся в ночное небо. Стрелки дали два залпа и рванули назад, наискосок через поле, где их товарищи вдали сразу зажгли костры. Пока римляне зарядили собранные накануне стрелометы (заряженными такие машины нельзя ставить, происходит усталость материалов) иберийские стрелки уже рванули по дуге вперед, поближе к врагам.

Подбегали поближе к лагерю и по дуге, навесом, выпустили град пылающих стрел, что подожгли палатки. Артиллеристы легиона готовились отработать по врагу.

— Прделаем Ганнону и его дикарям новые дырки в задницах! — кричали они. — Так, братья?

— ТАК!

Дружный рев, в котором чувствовалась дикая, неукротимая злоба, поднялся в ночное небо и растаял.

Римляне послали в ответ большие стрелы из стрелометов как по кострам, так и в сторону окончания погасшей процессии "миграции светлячков". Бесполезно. Похоже, костры уже были покинуты, а выпустившие огненные стрелы лучники, россыпью пустились наутек по неизвестной траектории. А в темноту ночи стрелять занятие неблагодарное. Так

что пришлось легионерам тушить пожары.

Утром выяснилось, что большая часть обозной скотины передохла. Натрушенное на дорогу сено, было посыпано кристаллами соли и мышьяка. Соль скотинка любит, так что и мышьяк многие употребили. Кроме того, те стога сена, что стояли неподалеку и откуда вечером взяли фураж для обоза, тоже оказались отравлены.

Поскольку римляне были не только блестящими воинами, но и твердыми прагматиками, то теперь когда у них имелось всего сотня подвод, почти четыре десятка из которых предназначалась для раненых (а после ночи пострадавших заметно прибавилось), а одна — для личных вещей полководца, то многое было брошено в лагере. Давление может приносить плоды.

За один день римляне преодолели только $1/5$ расстояния до цели. И теперь их скорость еще более замедлится. Поход который по плану должен был продлиться девять дней, теперь будет продолжаться полмесяца. Так что Гней Корнелий дополнительно нагрузил своих легионеров. Каждый нес с собой шестидневный запас еды, плащ, личные вещи и инструмент. Итого десять дополнительных килограммов.

Но пяти сотням легионеров, выделенным в боевое охранения надо было быть начеку, поэтому их дополнительным грузом не обременяли. А везли их вещи на телегах. Так же как и шестидневный запас вина и уксуса, чтобы дезинфицировать воду и солдаты не страдали от дизентерии. Палатки для офицерского состава. И разобранную осадную артиллерию. От которой оставили только самые важные части- не более трети. Зачем тащить деревянные основы или рамы, если их плотники могут сделать на месте.

Так же на месте лагеря были брошены треть продуктов, лишние амфоры с крайне тонизирующими напитками, пустые солдатские сундучки, рогожки и шкуры, заменяющие легионерам матрасы, оружие и амуниция погибших, немного палаток (большая часть уже сгорела), лишние телеги и все колья для обустройства лагеря. Колья можно было вытесать на месте, хотя это серьезно замедляло обустройство лагеря. «Сначала то, что должно быть сделано в первую очередь». Это непреложный закон.

Второй день был и проще и тяжелей. Горячее марево дрожало в воздухе, местность в отдалении выглядела смазанной. Солдаты были перегружены и тащились медленно. Снаряжение и мулы — вещи заменимые. А вот погибших солдат не вернешь. Поэтому боевое охранение сегодня внимательно обшаривала глазами местность на случай засады и лишь потом осторожно двигалось вперед. Таким манером до полудня легион прошел только восемь километров. Углубляясь в Край Заходящего Солнца....

Зато нападений на римлян почти не было. Варвары оставили попытки массовых засад и теперь это были только одиночные арбалетчики. Они, замаскировавшись, стреляли по солдату из боевого охранения откуда-нибудь из кустов или вырытых ям и тут же задавали стрекача. Гнаться за ними было не интересно, так как на горизонте всегда маячила вражеская конница. Точно стоя мошек. И не только маячила. Заметив, что телеги отставали, или случалась маленькая поломка, скифы, brave урядники, тут же как коршуны, летели к жертве и издалека убивали вьючных животных.

Действовали они на предельных расстояниях, а даже маленькая ранка от стрелы приводила к тому что от яда животные выбивались из сил и начинали агонизировать уже через пять часов. Когда Сципион переброевал назад своих лучников, чтобы защитить обоз, то состоялась небольшая перестрелка. Вернее дуэль. Трое скифов, детей бескрайних просторов, против десяти римских лучников. Все были уверены, что эта дуэль окончится в пользу солдат Рима. Так как римские лучники имели более большие луки, твердо стояли на земле, и их было банально больше. Да и лошадь с всадником — слишком большая цель.

Но получилось не так. Скифы пускали лошадей в галоп, по дуге врывались в обстреливаемый сектор буквально на несколько мгновений, выпускали стрелу в момент когда их лошадь отрывала все четыре копыта от земли, словно паря в воздухе, и быстро удалялись. А так как римские лучники стояли по-армейски кучей, то попасть по ним было довольно легко. Не в одного, так в другого угодишь. А вот по быстро перемещающейся одиночной цели — не очень. Кроме того, маленький скифский композитный лук почти не уступал в дальности работы большому пехотному, а учитывая, что хилые стрелки-«велиты» натягивали свой лук только до груди, а могучие скифы — до уха, то и превосходил.

Напомним, что «варварство», часто было намного проще, свободнее и полезнее для здоровья, чем жизнь по крайней мере основных не элитных групп внутри любой цивилизации. Сгрудившиеся в кучу люди, вдыхающие один и тот же воздух и обменивающиеся микробами и паразитами (слово паразит происходит из греческого "рядом с зерном"), чей однообразный рацион состоит преимущественно из зерновых и овощей, имеют меньший рост, у них происходит уменьшение размера зубов, прочности скелета и укорачивание лица, зато все эти биологические изменения компенсируются взрывным ростом их рождаемости.

Кроме этого, большинство из римских стрелков были "слепощарые". Они страдали от локального проявления гиперостоза — в глазницах черепа. Гиперостоз- избыточное разрастание плохо сформированной костной ткани вследствие недостаточного питания, особенно дефицита железа, вызванное недостатком мяса в рационе. Конечно, железа много не только в мясе, но именно жирные кислоты омега-6 и омега-3, получаемые — из дичи, рыбы и ряда растительных масел, очень важны, потому что облегчают усвоение железа,

которое необходимо для формирования красных кровяных телец, переносящих кислород.

В результате перестрелки римляне выпустили десять стрел, скифы- три, все римские посланцы смерти пролетели мимо цели, а один скифский «гостинец» продырявил стрелку легиона ногу. Теперь того уже можно было считать покойником.

Но это были мелочи. После полудня местность стала все менее ровной. Пошли и холмы за которыми могли спрятаться сотни людей, и более густые рощи. На боевое охранение начали активно нападать. Выскочили, обстреляли, если успели — добились раненых и убежали. Раз, другой, третий... Сотня нападавших в одном месте, полторы сотни в другом. Два десятка убитых и раненых легионеров тут, два десятка убитых и раненых легионеров — там. Легион с момента выхода из Таррагоны уже потерял каждого десятого. "Двухсотыми" или "трехсотыми".

Поскольку переносные колья бросили, то легионеры остановились заниматься обустройством лагеря пораньше. В этот день легион прошел совсем немного, где-то шестнадцать километров. И хотя в ближайший лесок послали двести пятьдесят дровосеков и столько же к ним боевого охранения, всего полтысячи человек, но там римлян ждала огромная засада варваров. А после того как дровосеки приступили к работе, по охране отработало сорок арбалетчиков. И к ним полторы сотни лучников.

Хуже всего было то, что их с кошачьим проворством поддержали полторы сотни тяжелой бронированной пехоты, обладателей силы дикого медведя, и к ним еще столько же обычных иберийских «скутариев», с почти традиционным вооружением. Может, чуть лучше, за счет льняных кирас, стальных шлемов и нормальных мечей. Можно сказать, что даже такой воин, любитель кровавых побоищ, немного превосходил оснащением обычного римского легионера. А так же был в среднем на ладонь выше ростом и намного сильнее и энергичнее. Но Кирилл еще не сумел реформировать все свои войска как он хотел. Большая часть оставалась почти традиционными для этих краев варварскими воинами. А многие новобранцы в его войске должны были вступать в бой прямо "с колес". Поэтому наш попаданец и стремился атаковать небольшими отрядами, чтобы азарт местных традиций и горячка боя внезапно не овладела его солдатами.

Когда же дровосеки бросились бежать, по ним с опушки леса отработали и десяток пращников, действующих обычными камнями. Просто была проблема в лесу с дистанционным оружием, деревья мешали целиться, а у Кирилла почти половина войска была заточена под стрельбу и метание.

К счастью, дровосеки при нападении почти тут же бросились наутек. А арбалетчики и лучники первым же залпом сумели ополовинить охрану. Так что та так и не сумела собраться в подобие строя и бесславно погибла или на месте, индивидуально сражаясь один против двоих, или же при бегстве. Так римский полководец потерял еще 250 бойцов. Не считая десятка подраненных беглецов. Потеряно было и время.

Так что лагерь для ночёвки получился хлипким. Небольшая канава вместо рва, небольшой бугор вместо вала. Телеги расставленные по периметру и нарубленные колючие ветви в промежутках вместо частокола. Для лучников и арбалетчиков — лучше не придумать. Можно было стрелять не навесом, а почти по прямой. В подсвеченных кострами солдат. А потом часовых. Римские же лучники в ответ просто посылали стрелы в темноту. До полночи римляне не спали, а потом все успокоилось. Еще полторы сотни раненых и полсотни убитых. Легион таял. Уже выбыл почти каждый пятый. В гигантской партии в шахматы еще несколько пешек сняли с доски.

На третий день движение продолжилось. На римлян давили обстоятельства. Честь, гордость и прочая лабуда. Волков бояться — в лес не ходить. «Лучшая тактика — наступление», — решил Сципион.

Все началось заново. Одиночные засады, наскоки конных скифов, работающих по обозу. Затем нападения на боевое охранение парой сотней бойцов. Боевое охранение растягивалось цепью, поэтому при нападении из засад воины не успевали построиться в стену щитов, а одиночный легионер почти всегда проигрывает варвару. В легионах же учат нападать в строю: двое на одного и исподтишка бить в левый бок. Такой прием любой римский солдат мог автоматически провести даже во сне, но тут подобной возможности не представлялось. Их или расстреливали на дистанции, либо убивали в схватке один на один.

Стояла удушливая жара. От доспехов исходил горячий воздух. Шлемы с панцирями, казалось, потяжелели вдвое. Армия Рима упорно ползла на запад, как гигантская змея, со всех сторон осаждаемая стаями мелких кусачих грызунов.

Хуже было то, что при очередном нападении на охранение, когда Гней Сципион бросил на подмогу лучников (так сказать, взаимодействие родов войск), варвары не убежали сразу. А вступили в стрелковую дуэль. И римские стрелки- "велиты" сразу поняли, что они погорячились. Против полусотни лучников Рима, работала сотня иберийцев.

Смертоносные луки у иберийцев были больше и следовательно сильнее и дальнобойнее. И стояли они россыпью, с большими промежутками, тогда как римляне грудились толпой. За треть минуты стороны обменялись тучей стрел. На сотню римских вестников смерти, иберийцы ответили почти двумя сотнями своих. Испанцы потеряли десяток убитыми и три десятка ранеными, а римские стрелки перестали существовать. Теперь Гней Корнелий на дистанции более ни чем не мог угрожать врагу, так как стрелометы надо было долго доводить до готовности.

Вечером дровосеков римляне не посылали, побоялись, а просто расположили походный лагерь на холме. В надежде, что вверх стрелять так интенсивно не будут. Действительно эта ночь была более спокойной. Иберийцы меньше тратили стрелы. Гней Корнелий даже подумал, что они у них уже заканчиваются. Действительно, откуда у варваров может быть много стрел? Допустим десяток у каждого лучника. Итого — пять тысяч на всю армию варваров. Огромная ценность, стоимостью почти в тысячу коров. И почти все эти стрелы они уже потратили. Теперь будет легче.

Эту ночь римляне пережили, заполучив всего десяток убитых и полсотни раненых. А нет ничего хуже для воинского духа, чем грязные, окровавленные солдаты, которые кричат от боли и зовут матерей. От такого зрелища храбрость римских легионеров скисала, как молоко на полуденном солнце.

«Примечательно, насколько эффективны эти постоянно досаждающие уловки, — жаловался легат Туллий Сципиону. — Солдаты устали, раздражены и вздрагивают от малейшего шума. Парочку бедолаг, отошедших ночью помочиться, прикончили сослепу свои же товарищи».

На четвертый день карательной экспедиции боевой состав легиона составлял всего 3,5 тысячи человек. И плюс еще почти полтысячи раненых. После известий о запредельной жестокости испанцев стало ясно, что никого из больных или раненых, способных переносить тяжести передвижения, нельзя было оставлять. А по нормам, чтобы нормально передвигаться на двести больных положена сотня повозок. А тут уже все было перегружено в разы. Одни лишь телеги обоза растягивались на полтора часа прохождения.

А римляне не прошли еще даже половину пути до цели. Сципион решил возвращаться, так как если еще его и так же будут провожать, то это будет похоже на кошмар. Самое безопасное — готовиться к худшему. В сражение варвары не вступали, так что делать было нечего. Нельзя же полосовать мечом воздух? Так можно потерять равновесие, упасть и нос себе расшибить. А в Таррагоне его ждет свежий легион. Второй раз они смогут сделать законную засаду, идти двумя колоннами и сгонять всех варваров в центр. А потом уничтожить.

Но тут полководцу доложили, что варвары строятся в поле для битвы. Вот это другое дело! Давно бы так. И Сципион дал команду выступить.

Для битвы варвары построили тысячу человек. Они что-то кричали и потрясали копьями. Сотня конников находилась на флангах. Сципион удовлетворенно отметил, что тут совсем нет тяжелой пехоты, которая ему так досаждала в последние дни. Только легкие "цетраты"- метатели дротиков, пращники, лучники. Лучников и пращников — менее четырех сотен, так что в этот раз дело точно дойдет до рукопашной!

Легион вышел в поле и построился, предоставляя варварам возможность атаковать. Сами ни шагу. Эти же мнительные любители цветов из тех субъектов, что ни за что не наступят на трещины на асфальте. Эй, дикари! Давай, обламывай рога!

Но тут дурных не было.

Варвары тоже оставались на месте нестройной толпой. Даже многие из них, чтобы не тратить зря усилий, повалились на землю, словно пришли на пикник. Только небольшие группки, не больше десятка, подходили поближе к выстроившемуся легиону, выпускали десяток стрел и медленно отходили назад. А поскольку в основном это были обладатели маленьких "аркобаллист", стрелы из которых прошибали скутумы и все равно ранили солдат, то Сципион решил атаковать. А то варвары могут так весь день беспечно пролежать на лужайке. Потери-то они не несут!

Обычная тактика варваров — наскоки. Атака. Отступление. Атака. Отступление. Но не здесь.

Стояла удушливая августовская жара, и люди страдали от постоянной жажды.

Римляне, разминая затекшие члены, пошли вперед. Злости и ярости легионеры за эти дни накопили немало. Варвары всей толпой неспешно отошли назад. При этом пращники обстреляли легион камнями. Но те в основном безвредно прогромыхали по щитам. Лучники сегодня почти не стреляли. Так, иногда прицельно были по ступням, выбивая легионеров из первых рядов. Тучи стрел никто не выпускал. Может действительно их колчаны показывают дно?

Римляне опять подошли поближе. Варвары опять отступили, обстреляв легион градом камней. Тупик. Римский полководец растерялся. Он проделывал все это уже не первый раз, и до сих пор ему все сходило с рук. Поэтому Гней Корнелий искренне удивился, увидев, что правила игры переменились. Судьба иногда выкидывает забавные фокусы.

Взбешенный Сципион, под влиянием стресса, послал две сотни легионеров подбежать и метнуть во врагов свои пилумы. А то, что это варвары держатся вне досягаемости римского оружия?

Сципион обладал гипертрофированным самомнением. Он любил побеждать. Считал себя элитой элит. Он был готов на все ради результата. Это был прирожденный властитель, происходящий из благородного рода, способный вести за собой в бой целые армии и одерживать победы любой ценой

Получилось не очень. Когда две сотни солдат синхронно бежали вперед, то по ним отработали полсотни арбалетчиков, притормозив заметную часть, тут же вступили в дело все лучники и пращники варваров. Четыре сотни метательных снарядов хотя и простых и примитивных, хотя и прикрывались легионеры щитами, но наделали дел. Балеарские метатели славились по всему Средиземноморью, но одно дело слышать об их искусстве, а другое — наблюдать собственными глазами. Их совместный удар напоминал мощный каменный град на небольшом участке земли. Бум, бум, бум, бум, камни падали на щиты и шлемы, пробивали черепа и рассекали щеки. До рядов добежала только сотня легионеров, она метнула дротики и почти все они завязли в щитах противника. Менее десятка жертв у варваров! А скорее человек восемь.

А вражеские метатели дротиков тоже без дела не сидели. И оставшиеся нападающие легионеры тоже лишились щитов, в которых торчали и стрелы, и дротики, и тянули их к земле. А когда продырявленные щиты были отброшены бесполезным мусором, то по бегущим назад легионерам снова отработали лучники. В ряды вернулись единицы. Плохой размен. Сотня отличных римских легионеров убитыми и почти сотня ранеными против восьми грязных дикарей! Армия растратила без пользы хороших солдат! Сципион был в ярости.

А вот Кирилл на победу своей армии спорить бы не стал. Слишком она была малоуправляемой. Варвары же они — как дети. Куда их не целуй- везде жопа. Или напьются, хоть вяжи их и сразу продавай в рабство тепленькими, или полезут куда не надо. От осознания этого неприглядного факта хотелось биться головой об стол. Или об стену. Или же в крайнем случае о пенек. Пару-тройку часов. Так что парень себя чувствовал здесь себя не полководцем, а нянькой.

Везде за всем присматривал и старался оперировать небольшими отрядами, управляемыми в ручном режиме. Волки не стараются сразу завалить огромного лося — он слишком силен. Вместо этого они преследуют его до изнеможения, и только когда он выбивается из сил и не может больше бежать, нападают со всех сторон и валят.

За каждой мелочью надо было следить самому. Каждый день 1,7 тн еды бойцам вынь да положь. А это Вам не три корочки хлеба. Деньги так и текут между пальцев. С "ангельской пылью" попаданец не расставался и возил всегда с собой. Перед боем выдавал горшочек грамм на триста вождю Артебудзу и тот самолично клал каждому бойцу щепотку под язык. А то все его берсерки сторчатся.

С вином получалось еще хуже. Почему-то с непьющими варварскими наемниками постоянно заминка выходит. Не откликаются они на объявления. Дураков нет. Все умные. Но все есть яд и все есть лекарство, дело только в дозах. Приходилось выдавать каждому воину в день наркомовский стакан вина грамм в 200, чтобы закрасить сырую водичку. На его небольшую армию в сутки выходило 24 штуки десятилитровых амфор. На одной телеге не увезешь. А на два месяца компании это количество надо умножить все на 60. Хорошо хоть это вино он брал сразу в Таррагоне оптом, чтобы далеко не возить. И чтобы солдаты не упились, как революционные матросы в Зимнем, приходилось на каждой амфоре, на заткнутом просмоленной пробкой горлышке, ставить на воск личную печать.

В горах вино раздобыть трудновато, а вот на побережье — обязательно где-нибудь эти ироды найдут и напьются. Так что вначале пришлось действовать малыми силами, состоящими из отличных бойцов. А вот генерального сражения наш герой опасался. Шутка ли собрал 1500 воинов, диких и неуправляемых. И к ним еще сотня обозников здесь

огибается. Не удержат! Охватит горячка боя и схватятся с врагами, забыв все наставления. Первобытная кельтская или гасконская ярость мигом лишает трезвости и рассудительности. А как этими варварами управлять? Он им не сват, не брат и не отец родной. Рубить головы, словно безропотным римским крестьянам, если "главный приказал", никто тут ему не позволит. Выгонять из армии с позором нельзя- болтать будут.

Выручало, что он тут еще и жрец по совместительству. Угроза что проклянет, и настанет полная импотенция, пока еще действовала. В качестве единичного случая солдата можно было за провинности высечь или даже казнить. Но в какой-то момент эта уда лопнет, и все пойдет насмарку. Сколько не рассказывай своим людям притчу о терпеливом рыболове. Поэтому Кирилл до последнего оттягивал генеральную битву. Но время пришло. И надо прихлопнуть римлян одним ударом в самом начале, а то тут пойдет такая неуправляемая мясорубка, что его небольшую толпу сразу на фарш пустят.

Приходилось рисковать.

И вот римляне увидели, что отступающие варвары притащили их к двум холмам. А посерединке уже стоит в проходе тяжелая панцирная пехота, и к ним еще кое-кто. Гней Корнелий сразу понял задумку неприятеля. Варвары рассчитывают перегородить проход отборными бойцами, и отражать атаки легионеров. А в это время лучники и пращники займут высоты и будут забрасывать римлян чем придется. Подобно орлам они будут парить над своей будущей пищей. Слева, чтобы римляне не обошли холмы, разместят свою конницу, а справа какой-то лесок, весь перевитый диким виноградом, да с неудобьями, представляющими весьма значительные препятствия, — легионеры туда не сунутся. Сципиону своей живой преградой варвары как бы говорили: «Доселе дойдешь ты и не перейдешь, и здесь будет положен предел надменной власти Рима».

Полководец усмехнулся, проведя рукой по подбородку. Задумка могла бы сработать. Но у его легионеров еще более чем двукратный перевес. А склоны холма довольно пологие. Неудобны для конницы, но первоклассная римская пехота прогонит дикарей и отобьет эти высоты без труда. А панцирная пехота варваров убежать не сможет, если не побросает оружие и доспехи. И проход она все равно не удержит, когда занявшие высоты легионеры начнут забрасывать их сверху пилумами. А может и атакующая в лоб римская пехота сама с ними справится. Варвары хоть и сильны физически, но не знают строя. А значит римляне сыграют в свою любимую игру- двое в одного. А если даже легкая пехота удерет, то уничтожение отборных сил Ганнона позволит провозгласить очередную победу Рима и возвращаться с триумфом.

Что же до отряда вражеской конницы, то слева она не очень опасна, как если бы угрожала справа, так как с этой стороны у легионеров находятся щиты. Кроме того, можно выделить пару центурий в заслон. Проблем не будет. Знакомый огонь пробежал по жилам римского полководца. Грядет новый триумф! Раньше ведь победа всегда была за ним... Разве когда-нибудь может случиться иначе?

Контрактники Кирилла отступали, втягиваясь в проход позади тяжелой пехоты, но большей частью, стрелки и пращники лезли на холмы, так же как и метатели дротиков. Получалось три отряда, каждый под пять сотен человек. Не считая конницы, прикрывавшей Лысый холм с юга. Основная тяжесть римской атаки должна была прийтись на кельтиберов в центре, так как туда с разгону ударит плотный строй легионеров. На склонах же Лысого и Кипарисового холмов, являющихся оплотом оборонительной линии, вверх не больно-то разбежишься. А здесь, в центре- кулаком ударят. И крепко. Очень уж их много. Попытаются

разместить кельтиберов и их помощников. Это было так же очевидно, как в старых советских маршрутках табличка, указывающая "Место удара головой".

Обе армии готовятся к бою.

Артебудз, носящий прозвище "Железная Рука", которого Кирилл для краткости окрестил просто Артуром, наставлял своих бойцов перед сражением:

— Если силы у вас будут уже на исходе, то значит бейтесь с удвоенной яростью. В чертогах богов ждут храбрецов и небесные девы уже разливают вино, чтобы воины могли пировать вечно! Этим римлян обязательно нужно наказать! Вот вам мой последний приказ: стоять стенами! Стоять намертво! Не отступать и не сдаваться!

И нечесаные, заросшие темным волосом воины, полные воодушевления, громко взревели, слаженно, как один человек:

— Уйдем к Мечерукому Гэзу, но не отступим!

Секиры у них в руках выглядели как настоящее орудие убийства. Блестящая сталь, широкая и толстая у обуха, становилась ближе к лезвию тонкой и острой, как бритва. Да и сами свирепые бойцы-скальпохваты были великолепным генетическим продуктом, созданным тысячами лет скитаний, охот и битв.

— Поклянитесь! — приказал Артур, когда выкрики стихли.

Все кельтиберы, воины рослые, сильные, крепкие телом словно камень, ответили хором:

— Да покарают меня боги, если я сойду с пути борьбы! Я преподам римлянам урок, который они никогда не забудут.

К счастью, большого геройства план битвы не предусматривал. Римлян специально заманили в это место, тут уже обозники обустроились, подвезли припасы, так что легионеров ждет немало сюрпризов.

Кирилл, тоже толкнул небольшую речь. Мол, все римские солдаты- жополюбы и к тому же еще и мерзкие трусы. Позор человечества. Мы убьем их всех!

Конечно, это было неправдой. Римские легионеры были не гомосексуалисты, а простые зоофилы. Так как по римским правилам каждому десятку легионеров полагалась одна коза, для удовлетворения сексуальных потребностей. В крайнем случае эту терпеливую козу можно было съесть при недостатке провианта. Сплошные плюсы. Но так уж к слову пришлось. Да и коз пока этим легионерам из Италии не подвезли....

Тем временем остаток легиона подошел поближе.

— Три тысячи триста лучших воинов Рима против полутора тысяч грязных дикарей! — закричал Гней Корнелий, указывая своим людям на горсть варваров, загораживавших ему дорогу.

— Убивайте их! — закричали центурионы, желающие наконец вознаградить себя блестящей победой за понесенные поражения. — Убивайте!

— Убиваем! — с безумным восторгом заревели в ответ легионеры. — Убиваем!

— Во славу Рима, братья! Во славу Рима! — снова закричали официальные "пропагандоны".

— Во славу Рима! — во всю мощь своих луженных глоток отозвались солдаты.

Битва началась. Когда вино нацежено, надо его пить.

Солнце красиво играло на шлемах, бликами отражалось от оружия и тщательно отдраенных доспехов людей, собранных в тесные квадраты, геометрически правильной формы. Плотные, механически движущиеся массы. Отполированные ряды были ровными и аккуратными, как будто прочерченными по линейке. Свет играл на золоченом орле и шпандартах когорт. Потрясающая сцена. Скарамела пошел на войну! Скарамела — хвостун и фанфарон, традиционный персонаж итальянского кукольного театра.

— Теперь, — заревел от бешенства Сципион, — вперед! Они наши!

Пора охладить придурка. По сигналу горна Кирилла его тяжелая пехота в проходе, что так и не научилась держать тесный строй, отступила шагов на десять. Там были предварительно вкопаны в землю несколько кольев. Но этого было мало, тут же стояли две телеги, которые быстро вытолкали и повалили на землю, колесами в сторону врага. В довершении, несколько сборных рогаток, кольями наружу завершили картину. Теперь римляне здесь не могли наступать сплошной стеной щитов в своем боевом порядке, и вынуждены были продираться через проходы кучками по несколько человек. То есть эти кучки были открыты с флангов. Да и сплошного таранного напора теперь не получится.

Но это было не все. Достижения прогресса, что старательно приберегали для этого дня, стали работать на полную мощность. Римляне рвались вперед подобно бурному потоку, как вода прорвавшаяся через дамбу. Но какие-никакие, это же были холмы. Возвышенности.

Сейчас или никогда!

— Бей вражин! — звучит короткая команда.

Лучники дали несколько залпов огненными стрелами. Пращники — взрывающимися свинцовыми гранатами, обескураживающими римлян, пытавшихся лезть на склоны плотным строем. А теперь собственные мозги брызжут на доспехи легионеров. Мелькало оружие, доносились вопли боли и боевые выкрики, сливаясь в привычный шум сражения. Утратив бешенство разгона, солдаты Рима сбились в кучу, подставляясь под все более густой ливень гудящих снарядов. И тут же в дело вступили метатели керамических дисков с нефтью, мгновенно загорающихся от воздействия огненных стрел и метатели молота с взрывчаткой.

На римлян падает целый град всего смертоносного. Фонтаны земли и пыли от разрывов примитивных снарядов смешиваются с облаками порохового дыма. Крики бешенства и стоны разносятся в воздухе. Керамические бомбы никого не щадят, разрывая людей на клочки мяса. Эффект превзошел все ожидания — первые несколько рядов наступающих буквально смело. Когда же отработали минометчики со своими ручницами и вкупе с ними арбалетчиками, никакого строя уже не было. Была обезумевшая толпа, пресыщенная сценами невообразимого отчаяния и жесточайших страданий. Еще бы, почти семь сотен пострадавших, включая убитых.

Клубы дыма застилают склоны густыми облаками, окутывает все вокруг, ослепляя сражающихся легионеров. А люди вокруг валятся сотнями, простреленные, искалеченные или смертельно раненые всевозможными метательными снарядами. Работает непрерывный конвейер смерти...

Когда легионеры полезли наступать в центре, им тоже пришлось несладко. Здесь люди с обеих сторон были готовы биться насмерть. Первым (и дополнительным) залпом кельтиберы

вместо дротиков бросили п्लомбаты. Это были короткие, маленькие дротики, имевшие за счет свинцовых грузов у острия почти такой же вес как и пилумы. А за счет того, что их можно было кидать вверх по дуге и они, увлекаемые грузилом, с силой летели вниз, то они пробивали щиты не хуже пилумов. Только дистанция обстрела была на двенадцать метров больше. А лишняя залп дротиков- в бою дорогого стоит. Тем более, что металы п्लомбаты не только кельтиберы в первых рядах, но и иберийские метатели дротиков за их спинами.

Кроме того, в центре римских порядков, где была самая опасная позиция и откуда масса легионеров готовилась атаковать защищаемый культиберами проход, неожиданно взорвались две мощнейшие мины. Обозники ЧВК заранее вырыли ямы и заложили взрывчатку, а потом проложили провода на холмы. Инициировав взрыв машинками мины со склонов. Эффект был страшный. Потери были жесточайшие. Люди в том месте были фактически стерты с лица земли.

В один миг площадку усеяли изуродованные, истерзанные, окровавленные тела. Кровь там лилась просто ручьями. Запах сгоревшего пороха буквально обжигал ноздри. В эпицентре взрывов остался лишь кровавый туман и клочья мяса с ребрами. Лиловатые кишки летели во все стороны. Две сотни римлян в результате подрывов мин были разорваны на куски или покалечены и еще три сотни контужены. По лицам последних было легко прочитать какой страх они пережили. А поскольку взрывы произошли в глубине рядов, то легионеры передового отряда не получили поддержки. Это уже был удар ниже пояса.

Кроме того, кавалерия ЧВК, быстрее попутного ветра двинулась до дуге, производя охват римского фланга, стараясь оказаться в тылу армии Сципиона.

Но римлян, солдат лучшей регулярной армии мира, было еще слишком много. Очень много. Более двух тысяч, что превышало число обороняющихся. Римляне, эти упертые отморозки, с колыбели привыкли слепо, не спрашивая ничего и не требуя никаких объяснений, повиноваться приказам.

Кровь, боль, огонь, преграды к цели...

На раны плюй- не до того!

Раз дал приказ нам Гней Корнелий,

Умрем, но выполним его!

Вот и сейчас, под градом стрел и метательных снарядов, косящим ряды легионеров, они все как один шли в ожесточенную атаку.

К тому же, Сципион, искушенный в искусстве войны — до известной степени, с нечеловеческим холоднокровием стал вводить в бой резервы. Первые ряды — мясо войны, а вот последние состоят из ветеранов, не нуждающихся в особых командах... Легионеры, прошедшие горнило титанических войн и не думают отступать. Кипящих кровью и ненавистью, их точно ветром несет вперед. Пахнет порохом, барабаны бьют, трубы гудят — все это увлекает и возбуждает! Отдадим должное их храбрости.

Центурионы римской армии отличаются какой-то особой отвагой и храбростью. Все они исповедуют девиз: «Колебаться — значит погибнуть». Препятствий для них не существует, и они всегда бросаются в самые опасные места, увлекая за собой солдат, будто спешат на праздник. Пожалуй, этим отчасти объясняется превосходство римской армии над армиями других великих держав. Сципион, выказывающий изумительное спокойствие и хладнокровие, пустил в ход все свои силы.

Боже мой, что начало твориться! Целые отряды бросаются в бешенные атаки. Если одна центурия отбита, то на ее место тут же является другая. За каждый холм, за каждую высоту

идет ожесточенный бой. Груды трепещущих тел валяются на склонах, царапая друг друга в агонии ногтями. Легкая пехота Кирилла постепенно отступает. Но дальше вершин отступать некуда, потом возможно только бегство.

В проходе творится какое-то безумие. Настоящая резня, борьба диких зверей, обезумевших и опьяневших от потоков крови. Исход боя решался теперь перевесом одной грубой силы над другой в огромном количестве единоличных противостояний сражающихся людей.

Это было страшное зрелище. Сойдясь в рукопашной, богатыри-кельтиберы и герои-римляне топчут друг друга ногами, дерутся на окровавленных трупах, убивают противников дротиками и распарывают мечами или боевыми топорами. Огромные секиры варварских витязей, прорезающие доспехи, словно нож мягкое масло, отсекают римлянам руки и головы, рассекают тела на куски, кровь хлещет яркими фонтанами, белая пена идет из разрубленных легких. Кельтиберы, железные люди наделенные нечеловеческой силой, сражались с яростью фанатиков и доблестью паладинов. Удар, взмах и выпад... и снова удар. Настоящий вихрь блистающей стали!

Римские резервы сейчас же пополняют урон, нанесенный смертельным ожесточенным натиском. Со всех сторон слышна дробь барабанов и звуки труб, дающих сигнал к атаке. Сверкают мечи, сияют шлемы, отблески пламени отражаются в металле и при ударах оружия искры сыплются на землю. Легионеры рычали подобно львам, попавшим в клетку. Это пропитанное кровью месиво дерущихся людей заполнило проход и захлестнуло ближайшие склоны холмов. Исход боя не был известен никому. Даже раненые, у кого из разверстых ран торчали белые обломки костей, отчаянно защищаются до последнего: у кого нет оружия, тот хватается противника за горло и рвет его зубам. Центурии, действуя с удивительной отвагой, прокладывают себе дорогу по телам убитых и раненых: мозги вытекают из черепов, словно желток из яичной скорлупы, живые и мертвые раздавлены, земля пропитывается кровью, и весь проход усеян кусками человеческой плоти.

Кельтиберы, одно имя которых наводило ужас, не сдаются, они с диким ревом режут всех, кто им попадется. В центре все еще колеблется, висит на волоске. Да, дисциплины кельтиберы не понимают, зато сражаются как львы. Варвары готовы буквально зубами разорвать глотки своих противников... Но они рубят врагов с той неумолимой и страшной ловкостью и быстротой, какая бывает только у профессиональных солдат по ремеслу. Рубят воинов Рима с каким-то остервенением, бьют острыми как бритва топорами по лбам, по шеем, по рукам, которыми те тщетно заслоняли головы, бьют их со всех сторон без отдыха, без пощады, без милосердия. Проход буквально кипел от обильно пролитой крови.

Не так хорошо обстоят дела на флангах. Вначале все шло нормально. Ближе к вершинам были установлены плетеные изгороди, в которые натыкали зеленых веток. Когда они внезапно упали, то на стену римских щитов покатались телеги, груженные взрывчаткой и бочонки с порохом. Желтое маслянистое пламя плясало на толстых фитилях. Взрывы взяли кровавую дань, даже при том, что легионеры отрыли в своих рядах проходы, чтобы пропустить эти телеги. Но эти жертвы никого не остановили, напор легионеров не ослаб. Легкая пехота контрактников все время отходила, огрызаясь дождем из дротиков и плюмбат.

Стрелы, стрелы, стрелы... Гудящие, свистящие, звенящие в полете. Несущие смерть. Ядра, гранаты, дротики.... Но они не могли сломить яростных легионеров, псов войны. Этих детей великой страны, встающих на смертный бой с трусливым врагом, боящимся

открытого, лицом к лицу и меч против меча, честного сражения, было не удержать! Непоколебимая живая стена, заделывающая все бреши, напирала все выше вверх. Бешенство овладело римлянами, грудью они пробивали себе путь. Даже в этих невыносимых условиях их дисциплина впечатляла.

Битва между тем достигла своего высшего накала. Казалось, северный Кипарисовый холм уже взят приступом, и на его вершине полковник Туллий (иначе называемый легат) в знак победы радостно размахивает шейным платком, насаженным на гладий. Так как его отрядный знаменосец с орлом уже остался где-то внизу, среди горы трупов. И тут же лицо полковника разносит маленькое ядро, выпущенное из ручницы. Полковник падает как пораженный громом. Адьютант полковника — Фенестела, ловкий мальчик двадцати пяти лет, пытается поднять это импровизированное знамя, но и ему сносит череп осколком свинцовой гранаты.

Храбрый первый центурион (примипил) Фортунат, пытается подхватить знамя, но и он платит жизнью за этот подвиг, пронзенный сразу двумя стрелами. Казалось, на вершине содрогалась сама земля, исхлестанная железным и свинцовым градом, а в воздухе непрерывно мелькали огни и смертоносные молнии. Под убийственным огнем, лишившиеся командования легионеры, понесшие ужасающие потери, снова откатываются вниз.

Отметим, что на Кипарисовом холме коза Дашка, прирученная легионерами и очень любимая всеми солдатами, увязавшись за атакующими воинами, живой и невредимой добралась почти до самой вершины под стрелами и осколками гранат.

Постепенно весы боевого счастья все более склонялись в испанскую сторону. Шеренги легионеров редели и снова смыкались.

Тем временем мобильные кавалеристы — контрактники, обойдя две центурии заслона и оставив их временно не у дел, угрожают римлянам с тыла. Ничто так не пугает пехоту, как организованная атака кавалерии. Обескровленные и измученные итальянцы оказались зажаты с двух сторон. Как будто в поединок двух изрядно измотавших друг друга боксеров в десятом раунде вмешался третий, совершенно свежий, и встал на сторону одного из них.

Гней Корнелий, вынужден ослабить натиск, выделив еще две сотни легионеров для организации нового заслона. Конница, гарцует, не приближаясь на дистанцию броска пилумов и конные лучники потихоньку выбивают легионеров. Это было прологом разгрома.

Натиск на ряды варваров, уже кое-где подумывающих о бегстве, резко ослаб. Четыреста легионеров оказались не у дел, скованные маневрами кавалерии, еще шестьсот погибло дополнительно, против двух сотен у варваров, так что теперь римляне временно оказались в передней линии в меньшинстве. Их там начали теснить обратно.

Две центурии из южного заслона спешат на помощь товарищам, но уже поздно. Секунда и армия, понесшая ужасающие потери, дрогнула. Точно лопнула струна или порвалась нужная жила. Всему на свете приходит конец. Нельзя сражаться с судьбой! Войсками овладела настоящая паника, и некоторые изжаленные, истерзанные до смертного предела полки, вместо отступления, обратились в бегство. Напрасно центурионы, сражавшиеся как львы, размазывая по рассеченному лицу кровавую юшку, старались удержать легионеров: уговоры, брань, побои — ничего уже не действовало. Ужас слишком силен, и эти brave солдаты, храбро воевавшие весь день, предпочитают побои и оскорбления и все равно бегут.

Отчаяние римского полководца невообразимо: он вел себя стоически в течение всего дня, а теперь он не может удержаться от слез, видя это поражение. Вне себя от горя, Гней Корнелий бежит навстречу беглецам, укоряя их в трусости. Успокоившись после этого

проявления горячности, он, примиряясь с обстоятельствами, молча окинул взглядом мрачную картину опустошения. Крупные слезы катились по его щекам, и он только по настоянию своих адъютантов с мышиным смирением согласился оставить поле боя.

Удрученные, озлобленные и отчаявшиеся, римские центурионы ищут смерти, но заставляют дорого заплатить за свою жизнь. Многие кончают самоубийством от горя и негодования, не в силах перенести это страшное поражение, но никто не отступает иначе, как залитый кровью врагов или своей собственной. И снова: стрелы, стрелы, стрелы, сопровождающие беглецов. И тут вступает в дело конница, работающая пиками и практикующаяся в рубке, оставляющая за собой потоки крови. От нее пешему не спастись. Кому под силам убежать от всадника в поле?

Римляне сломались очень вовремя, так как обороняющиеся иберы к этому времени в горниле боя тоже обессилили- у них лопались тетивы у луков, в колчанах кончались стрелы и сами воины изнемогали от убийств. У многих стрелков с исцарапанных тугой тетивой пальцев сорвало кожу и капала кровь. Но сознание победы над инородцами вызвало новый небывалый прилив сил и словно отрастила крылья за спиной иберийцев.

Обычно легионеры, потерпев поражение, могли укрыться в безопасном лагере, но теперь этого безопасного островка не было. Совсем. Так что оставалось только полагаться на быстроту ног...

"А как известно, мы народ горячий и не выносим разных нежностей телячьих..." В преследовании по родной территории разбитой армии врага варварам равных не было. Иберийцы бросились на беглецов как львы, и кидали убитых на съедение зверям и птицам, как львьятам. Через пару-тройку дней после сражения в римский лагерь под Таррагоной добралось всего двести человек. И всё...

Еще сотню здоровых римлян (или же с легкими ранениями), когда-то гордых и алчных, а теперь смиренных как овечки, Кирилл отобрал себе для работы на рудниках. Негров возить не получилось, а тут свои черномазые нарисовались. Недаром же в США, после отмены рабства, итальянские иммигранты считались чем-то вроде негрозаменителей. Так и тут. Лимитированное число извилин у этих любителей органной музыки — есть лимитированное число извилин. Что с них взять кроме рабского труда и анализов?

Остальных неприятелей варвары при преследовании перебили, или же принесли в жертву богам, в благодарность за одержанную победу. Сделанная из черепа Гнея Корнелия Сципиона пиршественная чаша теперь будет украшать варварскую хижину вождя Артебудза. Судьба не часто, но иногда делает такие неожиданные повороты: человек рассчитывает на диктаторский жезл, а перед ним вдруг возникает секира палача.

Эта война с обеих сторон велась без жалости, без снисхождения, без милосердия — как говорится, «не на жизнь, а на смерть». Как говаривал французский генерал де Бернанвиль, из армии Наполеона: "Испанцы мужественны, отважны и горды; они — идеальные убийцы". К тому же, сам воздух современной античной цивилизации — напрочь отвергал гуманизм, словно отравляющий газ. Это же признак упадка. Признак слабости. Признак близкого конца!

Иберийцы же теперь сочли трофеями, как пироги — медом.

А такие слухи моментально облетели несколько областей. Местные племена встрепенулись. Римляне и так встретили в Испании не дрожащее от страха покорное стадо, но отважных людей, готовых сражаться и умирать за свою отчизну. Так что первыми нарисовались те же авсетаны, воодушевленные воинственным пылом.

Их свирепый вождь Верика, ухмылявшийся как довольная обезьяна, привел с собой под стены римского лагеря 2,5 тысячи воинов, почти все что у него было. Большую часть этой орды, впрочем, составляли зеленые новобранцы. Но Боже мой, сколько же было в них пафоса! Необыкновенная отвага, презрительное отношение к жизни, горделивое чувство собственного достоинства, страстная любовь к независимости, отвращение к политическому единству и стремление к племенной обособленности — таковы наиболее характерные черты кельтиберов. И все они били в глаза, словно полуденные лучи испанского солнца.

Разумеется, авсетаны не устояли перед соблазном безнаказанно посчитаться со своими древними врагами — проримскими греками и их покровителями. В поход отправились все знатнейшие главари дикарей, сыновья и внуки воителей, уже посрамивших когда-то Таррагону в череде кровавых битв. Эти "горные лорды" вели за собой свои закаленные в бесчисленных и нескончаемых пограничных стычках дружины, но на сей раз к ним присоединились также вожди кланов, предводители диких племен, говоривших на какой-то невразумительной тарабарщине и сражавшихся как черти, вырвавшиеся из ада на волю. Джигиты, короче, были круче некуда.

Сам Верика, был громадным косматым детиной, большой физической силы. Из рода Лесных он, прозван "Сильным", старейших пращуров отрада, герой, большое имя. Триста набегов организовал и триста вел сражений. Среди иберийцев этот вождь считался человеком несравненной выдержки и хорошим командиром. При этом Верика не умел ни читать, ни писать, и его мастерство как наездника было весьма скромным, поскольку он не имел с малолетства дела с лошадьми.

К этому числу союзных варваров надо прибавить две сотни диких кантабров, этих славных парней, появившихся из глубин страны с простым вопросом: "Где тут у вас бронзовым оружием и прочими трофеями можно разжиться?"

Этот вопрос пришедшие кантабры, которых привел главарь Эрра, задавали не зря, так как пожалуй, единственным их оружием являлась беззаветная храбрость. Это были последние потомки людей каменного века, которых загнал в еще девственные леса пришедший ему на смену бронзовый век. В своих лесных чащах они часто переходили с места на место, мгновенно исчезали, почуяв угрозу, кормились мясом птиц и зверей. Так что пришлось оснастить кантабров трофейным вооружением. Эти рослые, дикого вида люди питали особую ненависть к любой цивилизации. Но хорошее оружие уважали. Дикие горцы, суровые бородатые мужи, в изумлении разинули рты, впервые в жизни увидев, как блики солнца играют на движущейся фигуре Кирилла, почти с головы до бедер закованного в вороненную сталь.

— Мы должны драться! — с ходу заявили пришедшие варвары, кривя в странных улыбках свои злобные лица.

Инсургенты продолжали толпами являться под стены осажденного римского лагеря возле Таррагоны. Даже двенадцатилетние сорванцы и те из стариков, кто был покрепче, просили разрешения влиться в "наши дружные ряды". Все эти люди были диковаты, но очень воинственны, имея свое мнение насчет происходящего в мире. А в самом городе правящая купеческая верхушка объявила шаткий нейтралитет, чтобы прекратить грабежи своей сельскохозяйственной округи.

Этому нейтралитету Таррагоны так же немало способствовало то обстоятельство, что Лала-Зор немного пощипал и второй легион, перебрасываемый сюда. Одна из громадных римских пентер повредила рулевое весло и отстала от каравана. И была сожжена "морскими котами", санитарями вод. А еще пираты напали на марсельские грузовые суда, которые перевозили легионеров, вместо уничтоженных в первом заходе трех больших пентер. А это было целых шесть грузовых кораблей. Пираты сумели издали обстрелять их, и в результате одно судно загорелось. Сильно. Частично экипаж и солдат взяли на другие суда, но не всех.

Так что в римском лагере сейчас были осаждены в общей сложности менее 5100 солдат. А Кирилл тоже сразу пододвинул основные войска на восток, к своей погоне, терзающей римлян. Чтобы сконцентрировать силы. И у него было сейчас под рукой 1200 бойцов. Таррагона действовала по принципу и нашим, и вашим. Снабжала провиантом и Кирилла и римлян. Наш молодой человек охотно покупал у местных торговцев керамику, вино и провизию.

Парень собирался уже отходить от города, в ожидании высадки нового свежего легиона, но в этот день море было пустынным. А поскольку горячие испанцы, осаждали Кирилла с просьбами начать штурм вражеских укреплений, он все же решил сделать им шаг навстречу. По просьбе народа. Но своих контрактников старался от штурма удержать. Наш молодой человек прекрасно знал испанцев. Пыл их ликования от первых побед должен был

поостыть, иначе — жди беды. Особенно задирали нос простые ополченцы, для которых даже рядовая перестрелка с римскими часовыми была вроде величайшего сражения всех времен и народов.

Получилось довольно смешно. Гранатометчики пошли в ночную атаку на лагерь прямо в открытую, с горящими фитилями. А римские часовые издали приняли их за рой светлячков. Испания же, лето. Когда же по часовым отработали подкравшиеся арбалетчики, тревогу они так и не подняли. А дальше просто — засыпали лагерь стрелами лучников и гранатами пращников. И закинули за стены несколько горшков с взрывчаткой. Невольно вспоминался Давид, который с одной лишь пращей не побоялся выступить против великана Голиафа. Частокол же облили нефтью и подожгли.

Когда пламя прогорело, наш попаданец вежливо пропустил вперед, на штурм, отряды иберийских союзников. Подразумевая, что остервеневшие римляне будут сражаться не на жизнь, а на смерть. До последней капли крови.

Так и получилось. Варвары бурным потоком рванули в пролом, вопя:
— Никакой пощады!

Когда обезумевшие испанцы бросились в лагерь, как сорвавшиеся с цепи голодные псы, легионеры настолько дружно встретили этих дикарей, что те умылись кровью. Пять сотен иберийцев погибло, против полутора сотен римлян. А когда римляне попытались организовать преследование убегающих иберийцев, то они попали под залп в упор из ручниц, арбалетов и всего прочего добра от контрактников Кирилла, прикрывающего отход союзников. В общем, по потерям получилось почти паритет: пять сотен иберийцев на четыреста пятьдесят легионеров.

Игру можно было продолжать, но на горизонте нарисовалась пропавшая римская эскадра. С очередным легионом. Это было сродни тому, как если вылить на тлеющий костер ведро воды. Нового штурма не получилось, пришлось отходить.

Этот легион тоже не добрался до места назначения целым. В пиратской флотилии Лала-Зора уже имелось пять драккаров, и кроме этого старый пират прихватил с собой два брандера. Выбрав римскую эскадру, состоявшую из шести пентер и шести грузовых судов, финикийский адмирал поспешно принялся за дело. Гражданские есть гражданские, они строем не ходят, так что в этой группе кораблей новые суда несколько опередили старые, а опытные экипажи — неопытных, причем каждое судно двигалось в удобном ему ритме.

— Приготовиться к бою! — звучит команда на флагмане пиратов.

Все время, почти инстинктивным движением, старый морской волк постоянно проверял положение полотнища, направление ветра, натяжение канатов бегучего такелажа и еще множество мелочей, от которых зависит движение его корабля.

Драккарами финикийский предводитель «пахарей моря» увлек пять пентер в погоню за собой и вывел их прямо на брандеры. А когда две пентеры, пошедшие на таран, запылали яркими кострами, то на оставшиеся три боевых корабля Рима накинулись драккары, буквально осыпая их огнем.

Когда Лала-Зор уничтожил эту группу и подобрал уцелевшие экипажи брандеров, он кинулся в погоню за оставшимися римскими судами и уничтожил почти всех. Буквально "распатронил". Только одному грузовому судну, сразу пустившемуся в бегство, удалось наткнуться на другую эскадру римских кораблей и спастись. Остальным "торгашам" с пентерами настала крышка. Так что высадились на побережье в этот раз всего четыре тысячи римлян.

Но теперь их снова было очень много. Где-то 8,6 тысяч легионеров. Которые, совершенно утратив тормоза, снова выслали отряд из шести тысяч человек в погоню за крохотной армией Кирилла. И снова контрактники избегали открытых сражений, предпочитая скрываться за скалами, таиться в оврагах, залегать в зарослях. Их тактикой были нападения из засады, убийства из-за угла, поджоги и взрывы, стремительные удары и отступления. Испанцы, как "рой жалящих ос" появлялись и исчезали неожиданно, истребляя мелкие подразделения и нанося довольно болезненные «укусы» крупным.

Римский гигант, испепелявший города и стиравший с лица земли вражеские армии, не мог и шагу ступить, не наткнувшись на осиное гнездо, и, обезумев от назойливого жужжания, отравленный ядом укусов, проклинал час вторжения. Орел, донимаемый насекомыми, изнемогал на курортном "Солнечном побережье" от голода и зноя и точил когти о стволы олив, с нетерпением ожидая случая пустить их в ход. В бешенстве и отчаянии итальянские солдаты мечтали о нормальном сражении в открытом поле, но испанцы не горели желанием воевать с лучшей армией Европы «по-европейски».

Дойдя почти до самой крепости "Множества копий", известной как цитадель мужества и решительности, но потеряв весь обоз с осадными орудиями, а в придачу к нему две тысячи человек убитыми и ранеными, легионеры не стали становиться в осаду, а не искушая судьбу, двинули в обратную сторону. Они уже потеряли солдат больше чем следовало и не захотели штурмовать горную крепость, с полностью отрезанными своими коммуникациями в тылу. Запасы испанских стрел и гранат были неистощимы, чего не скажешь о численности и решимости римских воинов. Легионеров "проводили", в результате чего в базовый лагерь под Таррагоной вернулись всего четыре тысячи бойцов, из которых половина была ранена.

Кое-кому повезло. Доспехи спасли немало жизней. Некоторые из тех, в кого попали камни или осколки, отделались ушибами ребер и конечностей. Другие, кого на лету лишь слегка задело дротиком или стрелой, получили неглубокие раны. Эти счастливицы могли сами позаботиться о себе. Остальных тащили на носилках или же везли на уцелевших мулах.

После этого подвига Кирилл почти под ноль израсходовал свои запасы "ништяков". Иначе бы так просто он римляне не отпустил. Так что пришлось, не дожидаясь прибытия четвертого легиона, резво бежать в Валенсию. Своим ходом. Оставляя легионеров разбираться с расшалившимися иберийцами Верики. Которые тоже, насмотревшись на действие союзного ЧВК, и умывшись пару раз кровью при своих наскоках, перешли к тактике партизанской борьбы. Так как эти люди были сильны, отважны, но недисциплинированы. Так что теперь весь расчет Верики строился на том, чтобы нанести удар неожиданно, убить сколько удастся врагов и, прежде чем они опомнятся и организуют преследование, отойти в горы и рассеяться.

Пока римляне перебросили все свои пять легионов в Таррагону, прошло немало времени. Ибо марсельские купцы очень неохотно шли на риск и фрахтовали свои корабли для перевозки легионеров. А Лала-Зор каждый раз реализовал все новые и новые придумки. Но все же Риму удалось сконцентрировать на севере Испании более 16 тысяч воинов. Которым удалось довольно быстро загнать остатки отрядов Верики в горы. Снова вся римская сфера в Испании на начало года, так называемая "Ближняя Испания", была отвоевана обратно.

Но на этой территории слуги Рима все же чувствовали себя не очень устойчиво. Так как римляне, явившись в Испанию, преследовали свои собственные цели, и их не особо интересовали интересы союзников. Испанцы же не привыкли к господству чужеземцев, к

оскорблению своей национальной гордости. Они страдали, видя, как итальянские солдаты едят крестьянский хлеб, как в городах офицеры бесславят девушек и женщин. Местные дикари были не те люди, в общении с которыми подобное хамство сходит с рук. К тому же, широко известные пророчества и пропаганда не прошли даром. Раз уже боги избрали победителя, то почему бы не присоединится к нему?

Так что спорадическая борьба "под ковром" велась. Иногда даже ожесточенная. В хорошую погоду, и если в целом дела шли хорошо, вожди иберийцев, повинувшись инстинкту насилия, легко находили добровольцев, но стоило установиться ненастью или пойти полосе неудач, как число желающих помогать повстанцам резко шло на убыль. Случалось, люди отказывались сражаться, заявляя, что должны вернуться домой для уборки урожая: надо ведь кормить свои семьи. То же самое говорили рыбаки во время путины.

К тому же, на стороне иберийцев были родные горы. Даже у местных греческих купцов никогда не было толковых, подробных карт горных районов, что уж тут говорить о римлянах. Среди же местных испанцев многие знали горные перевалы как свои пять пальцев. И удобные тропы, и лучшие места для засады. Заросшие лесом предгорья Пиренеев всегда были излюбленным местом охоты местных жителей на диких животных, сейчас же здесь шла охота на людей.

Снова на театр военных действий у Таррагоны Кирилл являться побоялся. Чревато бодаться теленку с дубом. Выше головы не сиганешь. Да и вообще, по плечу ли тягаться варварам с тремя полновесными легионами? Только безумец или дурак рискнет напасть на такую армию, где латы солдат блестят, что твой трельяж.

А пополнив запасы и зафрахтовав суда для перевозки четырехсот бойцов, молодой человек снова наведалься на Сардинию. В знакомый военный лагерь. К совершенно беспечным римлянам, которые отчего-то решили, что два раза снаряд в одну воронку не падает. Как результат — тысяча с лишним легионеров была уничтожена. Конечно, такой урон не станет для армии Рима страшным ударом, но даже еще один расквашенный нос хоть немного, да приблизит день окончательного изгнания захватчиков из Испании.

Надобно сказать, что при этом налете с хорошей стороны себя зарекомендовали новые полуторалитровые оловянные фляги, набитые черным порохом и свинцовой шрапнелью. С помощью приделанной ременной кожаной ручки они, снабженные коротким запальным шнуром, забрасывались во вражеские ряды. Многие из этих бомб взрывались еще в воздухе, производя ужасающий эффект — жуткий грохот, адское пламя и, главное, острые как бритва, осколки, разлетающиеся со страшной скоростью во все стороны, разрывающие и терзающие плоть. Такие взрывы пробивали в рядах легионеров большие бреши, но они тут же вновь затягивались, ибо места павших занимали их товарищи.

Пока шли все эти боевые действия, время бежало. На Сицилии консул Семпроний так и не решился высадить свою армию в Африке, ограничившись тем, что разорял карфагенское морское побережье набегами. Обычно на кораблях высаживалась тысяча легионеров, они сжигали окрестные усадьбы, рубили плодовые деревья, уничтожали урожай, грабили и убирались восвояси. Вражеской армии обширные поля, засеянные злаками, предельно облегчали реализацию стратегии выжженной земли: можно было сжечь все поля с созревающим урожаем и тем самым вынудить местных земледельцев к бегству или голодной смерти.

Но гораздо важнее было то, что в начале октября, Ганнибал, еще до первого снега, перешел Альпы, и спустился в Северную Италию. Где его с нетерпением ожидали мятежные

бойи и имсубры. У карфагенского полководца сохранилось почти 45 тысяч солдат. Потому что дезертирство в чужих землях прекратилось, так как испанцы и африканцы теперь боялись оставлять свою армию. С продуктами дело обстояло тоже терпимо, так как только недавно убрали урожай. И более особых сражений не было. Только в Альпах, подзуживаемые Римом банды местных дикарей, пытались преградить путь армии Карфагена, но безуспешно. А ранней осенью Альпы были вполне проходимы.

Вторжение карфагенских войск в Северную Италию мгновенно изменило политическую обстановку — весь расклад переменялся с ног на голову. К тому же наш незадачливый консул Публий Корнелий Сципион думал, что Ганнибал никогда не осмелится пересечь Альпы, а если решится на такой безумный шаг, то неминуемо погибнет. И больших войск на месте не имел, отправив почти всю свою армию в Испанию. Станный ход...

Впрочем, Сципион тоже был далеко не таким уж неспособным полководцем, как это вначале казалось Ганнибалу. Последний был твердо убежден, что Сципион не сумеет в короткий срок явиться от устья Роны к подножию Альп, однако римскому консулу это удалось, и Ганнибал вынужден был признать, что ему противостоит военачальник, обладающий значительными тактическими и организаторскими способностями.

И главное — получив известие о том, что Ганнибал рвется вступить на землю Италии, сенат предложил другому консулу, Тиберию Семпронию Лонгу, срочно вернуться из Сицилии в Предальпийскую Галлию на помощь Сципиону. Семпроний незамедлительно отправил на родину флот, а пехоту стал переправлять в Аримин, порт на севере побережья Адриатики.

Впрочем, задержка Семпрония дорого стоила Риму. Ганнибал с ходу напал на Турин, главный город племени тавриниев. Это было полулигурийское-полугальское племя, а так как они враждовали с инсумбрами, то согласно римской политики "разделяй и властвуй", являлись верными союзниками Сципиона. Консул, внезапно обнаруживший, что по его гениальности плачет пьедестал, не дожидаясь прибытия подкреплений, резво рванул вперед. Он спешил к тавриниям на помощь, но не успел.

И все же, прибытие Сципиона к Плаценции (Пьяченце) до известной степени нарушил планы Ганнибала: римляне отрезали от карфагенского полководца значительную часть союзных с ним галлов и даже заставили их выступить против пунийской армии. В этих обстоятельствах Ганнибал решил предпринять наступательные действия против римлян, справедливо полагая, что, победив зарвавшегося Сципиона, он станет полновластным хозяином Северной Италии и тогда-то галлы по доброй воле или по принуждению должны будут принять его сторону. Однако теперь уже Публий Корнелий Сципион его значительно опережал. Римляне переправились через реку Пад (По) и расположились на правом берегу Тицина.

Консул сильно зарвался и не видел краев. Ибо силы были неравными. Римляне сумели собрать только 20 тысяч легионеров и пять тысяч союзных галлов. А у Ганнибала было почти 50 тысяч воинов, включая свежие гальские контингенты. Два войска сшиблись, и это было подобно землетрясению. Для Рима дело быстро закончилось сокрушительным разгромом. Сам консул погиб. В реальной истории его, тяжелораненого, спас старший сын, но теперь спасать консула было некому. Ганнибал захватил тысячу пленных, десять тысяч римлян бежали, разрушив за собой мост через реку. Почти все гальские племена перешли на сторону карфагенского полководца.

Римляне заперлись в недостроенной Плаценции, словно пьющие слесари, стонущие под

пятой начальника ЖЭКа в туалете. Туда явился преследующий их Ганнибал. Руководителя у осажденных не было. Кроме того, внутри города внезапно взбунтовались союзные галлы. Недовольные картиной полного упадка и загнивания жизни молодежи в римском колхозе "Красный восток". Эти 1200 пехотинцев и около 200 всадников после ночной резни, в которой погибли немало римлян, перебежали к карфагенянам. Впрочем Ганнибал пока не сильно доверял этим перебежчикам и отпустил их по домам, агитировать свои племена за союз с Карфагеном. Как оказалось карфагенский военачальник был прав, союзные ему галлы пока еще не очень верили в окончательную победу карфагенского оружия и, желая обезопасить себя от возможных репрессий в будущем, вели секретные переговоры также и с римлянами.

Осажденные римляне в основной массе этой же ночью покинули Плаценцию и бежали дальше на юг. Разбитые legionеры двинулись к реке Требии, где холмистая местность затрудняла действия преследующей их кавалерии. Ганнибал отправил вдогонку свою конницу, но его нумидийские всадники бросились к покинутому римлянами лагерю, и, пока они искали там добычу и жгли постройки, враги сумели переправиться через Требию.

Ганнибал, следуя по пятам за римлянами, снова разместил свои войска около очередной римской стоянки. Галлы помогали карфагенянам, в том числе и продовольствием; к тому же Ганнибалу удалось ловко овладеть римской крепостью, Кластидием, где были сосредоточены большие запасы зерна. Обошлось это Ганнибалу в 400 золотых монет, которые были уплачены за предательство начальнику местного гарнизона брундисийцу Дасию. Этим зерном пунийцы пользовались все то время, пока стояли у Требии.

Между тем, в лагерь людей погибшего Сципиона под Требией, спешно прибыл Семпроний Лонг со своими солдатами. Теперь уже единственный и единовластный консул и с ним почти вся наличная римская армия, кроме подразделений, отправленных Сципионом в Испанию и оставленных Лонгом для охраны морских берегов Италии и Сицилии. Все они нынче противостояли Ганнибалу. Сорок тысяч бойцов. В том числе восемнадцать тысяч римских граждан и двадцать тысяч латинских союзников да еще вспомогательные отряды ценоманов — единственного галльского племени, еще сохранившего верность Риму.

В Риме, где поражение при Тицине вызвало, изумление и где неудачу склонны были приписывать и неумению Сципиона, и измене галлов, приход Семпрония дал новые надежды; общественное мнение с нетерпением ожидало решительного и на этот раз победоносного сражения. Не удивительно, что и Семпроний рвался в бой, хотя у него хватило благоразумия дать своим солдатам отдых после сорокадневного перехода из Лилибея в Северную Италию. Кораблями удалось перебросить только незначительную часть войска, остальные, переправившись челночными рейсами с Сицилии на материк, топали ножками.

Из Испании половину армии спешно перебрасывали в Рим. В столице республики так же резво шел набор еще трех легионов, взамен утраченных. Из новобранцев и legionеров внутреннего резерва. Пока продолжалась эта вакханалия, Кирилл перебросил на Сардинию еще войска, в помощь к своему отряду, и полностью очистил остров от римских контингентов. Тысяча legionеров погибла, еще тысяча бежали на любых пригодных судах в сторону материка. Пока Риму было совершенно не до Сардинии.

Но реванша у Рима не получилось. Получился очередной разгром. Ганнибал отправил в засаду Магона с отрядом в тысячу всадников и тысячу пехотинцев. Затем карфагенский полководец обрушился своей сильной конницей на фланги и побил слабую римскую

конницу, слонов же направил на ценноманов, чем до смерти напугал этих дремучих галлов. В конце концов, легкая пехота, лучники и балеарские пращники охватили римскую пехоту с флангов, а сзади, в тыл к легионерам, ударила засада.

Поскольку лучшие силы карфагенской армии действовали по бокам, то сложилась любопытная ситуация. В центре Семпроний с десятитысячным отрядом отборных легионеров уже прорубился сквозь ряды галлов, и внезапно понял, что это уже не победа, а поражение. Он не стал возвращаться назад, в пекло битвы, а напротив, бежал на север, в Плаценцию, которая еще держалась. Вернее Ганнибал не стал ее осаждать, чтобы не терять зря время. Так что Семпроний с сильным отрядом занял город и укрепился.

Впрочем, многие римляне, оставшиеся на поле битвы, сумели бежать, так как внезапно пошел сильный осенний дождь и конница не стала преследовать беглецов. Многие легионеры бросались в вздувшуюся от дождя Требию и погибли, другие же сумели благополучно доплыть на тот берег. Ночью, когда карфагеняне отдыхали, много римлян, никем не преследуемые, сумели перебраться через реку на плотках. Таких беглецов набралось еще тысяч восемь.

Известие о разгроме при Требии повергло Рим в неопишное смятение. Ганнибала ждали с минуты на минуту под стенами столицы, но вместо Ганнибала появился... консул Семпроний. Явился, не запыхавшись! Вот я какой — похвалите меня! Оставив Плаценцию каждую минуту рискуя жизнью, он пустился к югу по равнине, усеянной вражескими конниками. Дабы доложить обо всем сенаторам самолично, чтобы разные добродетели не могли его опорочить. Только слепая удача помогла Семпронию прибыть в Рим живым и невредимым, потому что ни обмануть неприятеля, ни ускользнуть от него на случай погони, ни вырваться силою нечего было и думать.

Хитрый Семпроний пытался поначалу скрыть от римского правительства (и тем более от народа) подлинные масштабы катастрофы. Он донес в Рим, что произошло сражение, но непогода помешала ему одержать победу. Но иголку в мешке не утаишь и правда тотчас вылезла наружу.

— Армию разобьют — это ничего, судьбы войск непостоянны, и завтра можно вернуть, что мы потеряли вчера, — пафосно оправдывался нашкодивший консул перед сенаторами.

Дескать, черт меня, дурня, попутал, но теперь я все осознал, больше не буду и хочу все отыграть назад.

— Ты обесчестил наших орлов. Какая бездеятельность! Какая низость! Этот позор ты должен искупить реками пролитой крови карфагенян! — ответил ему Луций Эмилий Павел, нынешний глава важнейшей сенатской группировки.

Вот и спустили сенаторы Семпронию все шалости на тормозах! Волк волка ведь не ест. И ворон ворону глаз не выклюет.

Римляне довольно быстро сформировали еще три своих легиона и три союзнических. Кроме того вернули из Испании десять тысяч человек, оставив там сущие крохи, фактически запертые в Таррагоне и Барселоне. Семпрония же на корабле снова отправили на север. Выправлять ситуацию.

Пока происходили вышеописанные события, Кирилл высадился на юге Корсики. Остров был гористым, строем по пересеченной местности сильно не побегаешь, так что наш молодой человек довольно успешно начал очищать и этот остров от итальянцев. Так как корсы были не совсем итальянцами, а древним народом, поселившимся здесь в

незапамятные времена.

Ганнибал же делал резкие маневры, то брал мелкие туземные городки, то вторгался в Этрурию, пытаясь сподвигнуть этрусков на борьбу против Рима, то попытался разделаться с гарнизоном Плаценции, остававшимся занозой в его тылу. Ему удалось выманить римлян из города в поле, выпустив на них небольшой отряд, так сказать пожертвовать пешку. Но хитромудрые легионеры сумели опять скрыться за стенами, как только к карфагенским воинам стало прибывать подкрепление. Эта стычка окончилась ничем. Каждый потерял по шестисот пехотинцев и по триста всадников. Сам Ганнибал, полезший зачем-то в первые ряды сечи, был легко ранен.

Удачнее закончился другой поход карфагенян, против еще одного римского поселения — Виктумвии. Город сдался и был разграблен.

После этого Ганнибал ушел во владение племени лигурийцев, а солдаты Семпрония — отошли к городу Луке. Лигуры с радостью выдали на расправу Ганнибалу свою оккупационную администрацию — двух римских квесторов, Гая Фульвия и Луция Лукреция, двух военных трибунов и пятерых лиц из всаднического сословия, в своем большинстве из сыновей сенаторов. Тем самым местные племена продемонстрировали свое желание установить с Ганнибалом союзнические отношения и принять участие в его борьбе против Рима.

Очистив Корсику и частично истребив, а частично прогнав на материк двухтысячный римский контингент, базирующийся на этом острове (в основном в городе Алалии), Кирилл вернулся в Испанию. Добивать остатки римской армии. Коих здесь оставалось 6,5 тысяч бойцов. Узнав, что в Испанию возвращается их самый злобный враг — Ганнон, сын Малха, римляне пришли в ужас. Легионеры тревожно судачили:

— Клянусь Юпитером-Громовержцем! Парни, нам крышка! Ганнон "Счастливец" идет на нас!

— Ну и? Солдаты Рима ничего и никого не боятся!

— Не скажи, два легиона, что были тут первыми этот мерзкий колдун просто сжег огнем!

— Как сжег?

— Как огнедышащее чудовище!

— Брехня!

— Этот колдун еще и не на такое способен. Мы выгнали его из этих мест только за счет количества. Со всей консульской армии даже ему было не справиться. А сейчас у нас здесь ты да я. Один полный легион и две неполных когорты. Это ему на один укус!

— Хватит панику разводить. А вот слышал, что это обычный юнец!

— Ты что же считаешь что тысячелетняя тварь не может наколдовать себе молодое тело? Эта фурия стоит целой армии по деятельности своей жгучей ненависти и адской хитрости своих соображений, не отступая ни перед каким преступлением.

— Да ну тебя!

— Как знаешь! Армии нет, бежать не удастся, так как оставшиеся корабли, стоит на них дохнуть, валятся кверху брюхом, точно блохастый щенок. А он считает что все нормально!

— Мы- солдаты Рима и этим все сказано!

В нервной обстановке цейтнота римское руководство в Испании сделало большую ошибку.

Поскольку с ближними туземцами дело у них не сложилось, они уже давно искали

союзников вдали. За большие деньги, при помощи греческих посредников из Таррагоны, римляне наняли воевать за себя двадцать тысяч кельтиберов. Из глубин страны, с северных регионов. Из "Сумеречной Зоны". Мрачной территории, о которой до сих пор шепчут у костров лицентаны, обитатели горных отрогов, хотя откуда они узнали о ней — неведомо. Край этот представляет собой скопление обширных плоскогорий или террас, поднимающихся постепенно от уровня моря до высоты в две тысячи метров, словно ступени гигантской лестницы, разделенные грядами поросших лесом гор. Римляне загребли все ополчение тамошних племен скопом. Чем больше, тем лучше. В надежде, что количество перейдет в качество. Земля стонала под ногами такой здоровенной орды диких воинов...

Эти горные племена, порождение мрачного безмолвия бескрайних просторов диких земель, составляли одну из самых мощных армий в мире... единственное, в чем они нуждались, — это снаряжение. И римляне обещали им его предоставить. В какой-то мере....

С таким войском можно было решать любые поставленные задачи. Опыненный своими прошлыми успехами, уже бивавший и галлов, и иллирийцев, и иберов, претор Тиберий Фонтей теперь не видел ни малейшей проблемы в том, что ему предстоит встретиться с этими «жалкими толпами карфагенских бандитов-оборванцев». Глядя на суровое лицо римского командующего в стиле а-ля Челентано, не оставалось ни тени сомнения, что такое экзотическое животное как обезьяна произошло от человека. От этого конкретного человека!

С этой огромной армией римляне рассчитывали не только легко задавить числом повстанцев Верики и небольшую армию Кирилла, в которой опять насчитывалось 1,5 тысячи контрактников, но и захватить на юге значительную часть карфагенских владений, которые обороняли: некий Магон и Гасдрубал, сын Гискона. Общее руководство обороной по прежнему осуществлял наместник Иберии, брат Ганнибала — Гасдрубал, сын Гамилькара Барки, самый давний и самый опытный из карфагенских полководцев в Испании.

Уверенный в себе, Фонтей называл предстоявший ему поход на юг только так: «Это будет победная прогулка».

Как же он ошибался!

Когда Кирилл узнал, что вся сила и надежда римского командующего Тиберия Фонтея заключена в кельтибёрских вспомогательных отрядах, а римлян у него в подчинении совсем мало, он долго смеялся. Подрядились волки к собакам служить! Парню слишком хорошо было известно вероломство всех варварских племен, в особенности же испанских, с которыми он столько лет непрерывно воевал бок о бок. Ведь воин, который выходит на рыночную площадь и торгует собой, сегодня дерется за одного господина, завтра — за его врага. И Кирилл без колебаний предложил вождям кельтиберов большую плату за то, чтобы они увели своих людей.

Лазутчиков и посредников он нашел легко — испанцами были переполнены оба враждебных лагеря, — впрочем, и достигнуть согласия оказалось не намного труднее. Кельтиберы не усмотрели в предложении Кирилла ничего ужасного — ведь их же не просили повернуть оружие против римлян! — а за такую плату, какую обещал им пуниец, не стыдно и сражаться, не только что уходить от сражения, и вдобавок это очень приятно — ничего не делать, побывать дома, повидать близких. А римлян бояться нечего — их слишком мало, чтобы задержать уходящих насильно. Да уж, некоторые люди из всего ухитряются извлекать пользу!

После чего Кирилл уговорил выдвинувшие на север, для защиты рубежей отряды Магона

и второстепенного Гасдрубала действовать совместно. А с севера должны были атаковать врага авсетаны Верики. Тот опять собрал пару тысяч удальцов. У карфагенской армии, если не считать отряды контрактников Кирилла, тоже было восемь тысяч человек. В общем, уже получался полуторный перевес союзников Карфагена.

Кроме этого, у карфагенян появился еще один неожиданный союзник. К пунийцами должен был присоединиться вождь грубого и воинственного племени свессетанов по имени Гифре Волосатый, приближавшийся, как шел слух, во главе семи с половиною тысяч воинов.

Точной численности этой армии никто не знал, ибо одни бойцы присоединялись к ней, а другие покидали, и это происходило постоянно. Тыловые шеренги этих варваров составляли представители отдельных кельтиберских кланов, жители долин и горцы, которые шли в бой босиком и без доспехов, но орудовали такими тяжелыми дубинами, что могли переломать противнику все кости.

В их краях, видишь ли, особо не развернешься. Ведь их владенья — лес, а дом — глухой овраг. Этот народ обитал в лучшем случае в шатрах из дубленых шкур или в хижинах-мазанках, а большинство привыкло спать, как волки, на голой земле. Богатеев там мало, грабить некого. Из последнего своего удачного военного похода свессетаны привезли домой 72 вола, 106 коров, 55 телят, 54 медных горшка, 50 предметов одежды, 9 одеял, 19 наконечников от железных плугов, 50 топоров, украшения и зерно. А тут такой жирный шанс выпал!

Сам Гифре Волосатый был настолько бешеным, что даже соплеменники боялись его как огня. Боец это был удивительный, в конном ли, в пешем ли строю, с каким угодно оружием. В будущем психиатр сказал бы, что этот человек страдает биполярным расстройством, и дал бы ему немного лития...

И вот, внезапно собравшись, кельтиберы уходят, покидают армию Рима. В ответ на изумленные расспросы римлян варвары твердили, что в их краях вспыхнули междоусобицы. Тиберий Фонтей понял, что ни уговорами, ни силой союзников не удержать, а без них он был намного слабее врагов. Сложилась крайне опасная ситуация.

Не оставалось ничего иного, как спешно отступать, принимая все меры, чтобы уклониться от битвы на открытом месте. Другого средства к спасению не было. Кирилл моментально переправился через Эбро и преследовал неприятеля, не отставая ни на шаг. Вместе с ним "проводжала" римлян нумедийская конница, которой командовал молодой Масинисса, служащий под началом у Магона. Фонтей со своими солдатами будто бы попал в громадные железные клещи, из которых нельзя было извернуться...

Римляне несли большие потери, от арбалетчиков, пращников и лучников. Не говоря о метателях всего взрывающегося. И о стрелках из "ручниц", которых было уже десятка два. Хорошо снабженная и вымуштрованная армия способна вести таким образом непрерывный огонь по врагу сколь угодно долго. Это был банальный расстрел плотных порядков толпы, так как свои ряды легионеры покидать не могли из-за угрозы атаки конницы.

Легионеры как могли, укрывались от стального ливня стрел, скрючиваясь за обтянутыми кожей ивовыми щитами, но некоторые стрелы все же находили щели и поражали своих жертв. Со свинцовыми гранатами пращников дело было еще хуже. Те, в кого попали, падали замертво или же вскрикивали, но продолжали идти. Те, кого минула эта участь, сыпали проклятиями и, обливаясь холодным потом, втягивали головы в шлемах под щиты. Сменяющиеся заслоны жертвовали своими жизнями под обстрелом гранатометчиков, чтобы подарить своим товарищам безопасную дистанцию. Там, от горящей нефти,

легионеры в доспехах зажаривались, точно куски мяса на сковородке.

— Держитесь, братцы! — вопили центурионы, элита Великой армии. — Не размыкайте рядов!

Любой легионер знал, как опасно сражаться вне строя — они не смогут дать врагу отпор. Варвары прорвутся сквозь них, как вода сквозь решето. За два дня римляне потеряли около тысячи бойцов и бросили на милость врагу почти тысячу раненых. Надо отдать этим итальянским псам должное — они упорно продолжили двигаться вперед. Как известно, сытый солдат шагает лучше голодного, а легионеры для скорости передвижения давно бросили свои обозы. Но, даже не имея никакой еды, они все равно шли.

На многих легионерах были пропитанные кровью повязки, кто-то хромал. Получивших серьезные ранения поддерживали товарищи. Время от времени на обочине дороги оставляли мертвых или тех, кто уже не мог идти. Римские младшие командиры — а их осталась жалкая горстка — выглядели не лучше своих солдат. Грязные, усталые, небритые. Это говорило о многом. Центурионы, опционеры и другие офицеры составляли костяк центурии, когорты, легиона. Обычно они вели солдат за собой личным примером. Если такого не было, солдаты быстро теряли боевой дух.

«Фортуна, я твой преданный раб. Благоволи мне, как ты это делала раньше», — мучимый дурными предчувствиями, мысленно взмолился командующий римской армии претор Тиберий Фонтей.

Но Фортуна не помогла. Вскоре путь легионерам Фонтая преградили варварские отряды Верики. Боевой дух испанцев был очень высок. Это был отряд если и не лучший в мире по своим нравам, зато бесстрашный. Кто сказал, что дисциплина выродившейся цивилизации способна потягаться со свирепостью варваров?

При виде новых противников по марширующим римским отрядам прокатился стон — усталости, отчаяния, безнадежности. Но когда на плечах висит полки преследователей и подходят основные силы армии Карфагена, раздумывать было некогда. Легионеры предпочитали выступить против двух сил, нежели против множества.

С криками свирепой ярости:

— Вонючие варвары, мы вам покажем, как надо воевать! — крепкие как гвозди римские солдаты пошли на прорыв.

— Метнуть копья! Мечи в руки! Заслон, стоим до конца! Биться до последней капли крови! За Рим! — звучали отрывистые команды центурионов, сражающихся как одержимые.

Схватка пошла не на жизнь, а на смерть. Поле боя быстро превратилось в арену кровавой бойни, где обе стороны, неистово рубя друг друга, вскоре покрыли землю месивом искромсанных тел. Испанцы защищались, как дьяволы, но ничто уже не могло им помочь. Легионеры, даже атакованные в спину контрактниками, бились в боевом рвении. И они сумели прорубиться сквозь отряды незадачливых авсетанов. Впрочем иберийцы свое дело сделали, задержали врага. Верика потерял шестьсот человек, римляне еще пять сотен убитыми. И бросили на поле боя еще четыре сотни раненых.

Теперь, чтобы не дать Фонтая укрыться в стенах Таррагоны, спешили все. Магон, Гасдрубал и свесетаны. А римляне не знали, с кем раньше скрестить мечи, куда рвануться всем вместе, чтобы пробить себе дорогу и вырваться из окружения. Бегство, с нумедийской конницей на плечах, было не вариант. А в боевых порядках остатки римской армии передвигались очень медленно, теряя драгоценные часы. Основные силы Карфагена их догоняли...

Действия римлян напоминали «мучительные конвульсии смертельно раненного великана с заранее предсказуемым исходом». Союзники и карфагеняне настигли отступающую армию Рима недалеко от Таррагоны. Жители города могли наблюдать как на римлян набрасываются различные отряды, как стая собак на хромого оленя. Обычно легионеры, построившись "в черепаху" — передвижной бастион, могли пробиться сквозь толпы врагов, но при условиях воздействия на них гранатометчиков, черепаха была неэффективна. Очень.

Постоянные прорывы рядов из-за взрывов и горячей расплескивающейся нефти, делали шансы выжить римлян нулевыми. А стрелы и гранаты были тоже весьма болезненными. А число лучников теперь возросло лавинообразно. Пращников тоже хорошо прибавилось, хотя балеарские наемники Магона и Гасдрубала по старинке метали простые каменные или свинцовые снаряды. По краям окруженной "черепахи" все время хлестал смертоносный ветер, и она съезжилось в комок крови и боли.

Каждый легионер, убитый или раненый, падая, делал мишенью того, кого до сего момента закрывал своим телом, а близкая дистанция позволяла лучникам стрелять не целясь с той скоростью, с какой они успевали накладывать стрелы на тетивы. Римляне гибли сразу десятками, они умирали с пронзительными криками. Пущенные с небольшого расстояния иберийские стрелы вонзались в плоть с ужасающим чмоканьем, похожим на звук удара мясницкого тесака. А когда строй окончательно развалился, варвары ринулись в атаку. Битва быстро превратилась в бойню.

Какой-то римский офицер, истекавший кровью, которая хлестала из полудюжины ран, стоял, удерживаясь на ногах лишь потому, что опирался о древко легионного орла, и разил варваров клинком, пока не упал наземь, пронзенный множеством копий. Иберийцы, как настоящие герои, тоже демонстрировали в битве невероятную храбрость, решимость и отвагу. Закипела кровавая работа. Повсюду была смерть: о ней возвещали и крики победителей, и вопли побежденных. В этой толчее люди дрались буквально на трупах погибших: они делали выпады, рубили, получали удары, истекали кровью и умирали.

Когда легионеры потеряли еще полторы тысячи бойцов убитыми и столько же ранеными, остальные сдались в плен. Пиренейская война была проиграна. Эпоха римского доминирования в северной Испании закончилась едва начавшись.

Таррагонские старейшины при виде карфагенской армии за воротами только проблеяли что-то вполне естественное, в духе «Наши вернулись».

В этот год боевые действия заканчивались. Войска становились на зимние квартиры. В Риме горевали и о потерянной войске, и о потерянных провинциях...

Кроме Испании Ближней, Римом были потеряны Сардиния, Корсика и почти полностью Предальпийская Галлия. Приобретена была Мальта. Но римский флот, разбивший флот Карфагена, оставался доминирующей силой Средиземноморья. Во всех акваториях, кроме западной, где им противостоял Лала-Зор и новый флот Гадструбала в Иберии. Так что римляне рассчитывали весной легко забрать Сардинию и Корсику обратно. Армия же, потеряв более сорока тысяч человек, могла еще выставить на поле боя 360 тысяч бойцов. Так что основная борьба только начиналась...

Итак, наступал второй год войны с Римом. Кириллу уже исполнилось 19 лет. Теперь он настолько прославился в битвах, что приобрел громадный авторитет и явно вошел в шестерку лучших действующих карфагенских полководцев. Такая умопомрачительная быстрота его карьеры — в те времена, впрочем, не редкая — уже внушала кое-кому подозрение. Плевать!

А вот, что теперь приходилось опасаться покушения это серьезно. Слишком уж заметной фигурой стал Кирилл, для такого и операцию спецслужб провести не жалко. Съедят. И вообще парень уже три года провел в древнем мире. Все прекрасно- и богатство как у олигарха, и возможности, и еда, и женщины. Но вот спокойствия здесь нет и не предвидится. Как и личной безопасности. Хотя, чего уж более? И входит он в один из сильнейших семейных кланов Карфагена, и гражданин мощнейшего государства древности. Но как будто меч все время подвешен над ним на волоске.

Стал бы наш герой заделываться великим полководцем, если в военном деле он не в зуб ногой? Из школьных уроков в этой области помнит только как сравнивать гриб от ядерного взрыва с большим пальцем. Если гриб меньше вытянутого перед глазами большого пальца, то можно бежать прятаться в подвал или погреб. Или даже можно рискнуть отсидеться в массивной глухой комнате без окон. В какой-нибудь кладовке, расположенной в центральной части здания. Если гриб от ядерного взрыва равен большому пальцу — подойдет только глубокий подвал. Если больше- можно смело искать саван. Вот и все познания. Но нужда научит даже медведя на проволоке под куполом цирка ходить. Так что и наш школьник справился. Хотя теперь по возрасту он как раз подходит в качестве солдата вооруженных сил. Тютелька в тютельку.

Кроме того, из соображений личной безопасности Кириллу всегда приходилось передвигаться в доспехах, в сопровождении трех десятков сменных охранников. Дегустаторы тоже без дело не сидели, брокераж всех блюд происходил пару раз, после изготовления и перед самой подачей.

Весь зимний сезон, пока военные действия прекратились, Кирилл готовился к возобновлению боев весной. Теперь когда он наработал авторитет и был лично знаком с большинством варварских вождей, фигурантов испанской политики, это было делать гораздо проще. Люди были. "Все — наше! Все — для нас! Я их кумир навек!"

Его контрактная ЧВК только в своей сухопутной части достигла трех тысяч бойцов, которые получали плату дружинников. В основном это была легкая пехота. Но имелось и триста тяжелых панцирников и двести пятьдесят в совокупности артиллеристов, саперов и гранатометчиков-гренадер. И двести пятьдесят кавалеристов. Взаимодействие всех родов войск было поставлено на уровне. Лала-Зор тоже намеривался вывести весной в море сразу восемь драккаров. И к ним еще кое что.

Но на этом наш герой не ограничивался. Он охотно вербовал наемные отряды иберийцев в качестве пушечного мяса. Под его "крышу" дикари шли охотно. Две тысячи он собирался послать на Корсику, две тысячи на Сардинию. В Таррагонской Испании, если римляне решаться на высадку, в качестве союзников под знамена Кирилла должны были явиться сразу тысяч восемь или десять иберийцев. Еще была задумка послать тыщонку-другую за Пиренеи в Южную Галлию и в помощь к ним нанять местное кельтское племя,

или хотя бы тысячу удальцов. А вообще эту войну надо закончить как можно раньше. А то уже надоело, все походы и походы. Из командировок не вылезает. Сколько же можно!

Потенциально, небольшой шанс победить в ближайшие несколько лет был. Надобно напомнить, что пока Рим теряет свою элиту, лучших воинов из богачей и аристократов, а так же богатеньких середняков, людей самых сильных, крепких и умных. И вооруженных самым лучшим оружием. Оставалась преимущественно хилая и слабосильная шелуха, брак, шлак, отходы. Многочисленная, но уже не чета прежним легионерам.

Вот только Ганнибал подкачает. В чем смысл в этой сказочки про белого бычка, без начала и конца? Разбивать римлян в битвах, потом отпускать часть пленных за небольшой выкуп, а остальных — просто так, по доброте душевной, а потом снова и снова разбивать эти вновь сформированные армии негодяев? Просто зря время терять в преддверии того, что через 17 лет вырастут нынешние дети и под знамена легионных орлов встанут очередные четыреста тысяч человек...

Кирилл же вновь надеялся в марте нанести упреждающий удар врагу. Воспользовавшись издержками римской бюрократии от ежегодной смены власти.

Выборы в Риме на второй год войны проходили очень бурно. Две ведущие противоборствующие силы — семейные кланы Фабиев и Корнелиев были обескровлены, потеряв своих главарей. Особенно Корнелии, у которых главенствующая ветвь Сципионов лишилась всех своих взрослых мужчин. Третья вспомогательная сила — Эмилии, уже заранее договорились с другими мафиозными семьями выдвинуть своего предводителя Луция Эмилия Павла консулом, поэтому пару ежегодных выборов они пропускали. В городе старались не избирать на высшую должность консулов моложе сорока лет. А каждый римлянин мог быть консулом только один раз. А было целых 23 главные семьи. Плюс к ним прицепом, чтобы польстить народу Рима, выбирали различных демагогов.

Одним из таких выбранных на этот год консулов стал Гай Фламиний — демагог из демагогов. Отрыжка демократии. Пробы на нем ставить негде было. Но в тоже время это был человек в некоторой степени талантливый и не лишенный мании величия. Вторым консулом согласно сложившейся практики был выбран авторитетный представитель древней патрицианской семьи — Гней Сервилий. Жирный коротышка, личность очень известная. Избрание Гнея Сервилия, представителя рода Сервилиев, близкого, как уже говорилось, к аристократической группировке Эмилиев — Корнелиев, позволяло последним, даже несмотря на оглушительную неудачу Сципионов, сохранить свои позиции в правительстве.

Обычно второй консул — плебей, был тенью патрицианского консула, помалкивающей и поддакивающей. Но теперь народ Рима слишком возбудился неудачным течением войны с пунами и нервный Фламиний окончательно сорвался с поводка. Дело в том, что Гай Фламиний давно и упорно враждовал с сенатом, защищая права и выгоды простого народа. Знать за это ненавидела его. Известно, что в 232 г. в качестве народного трибуна он предложил закон о раздаче гражданам земли в недавно завоеванном Галльском поле, прямо направленный против интересов нобилитета.

Фламиний так же активно поддержал и «закон Клавдия», запрещающий сенаторам владеть кораблями вместимостью более 300 амфор и, следовательно, резко ограничивавший их участие в морской торговле. Но Фламиний был сейчас главным из имеющих под рукой полководцев. "Победитель галлов!" Крутой перец! Шесть лет назад он разбил и покорил инсумбров, теперь же война опять ожидалась в тех же местах. Так что аристократы утерлись и пошли на компромисс. Хотя Фламиний уже и был один раз консулом, на это посмотрели

сквозь пальцы. Главное — разобраться с Ганнибалом.

Да и успокоить народ надо было любой ценой. В Риме только и было разговоров, что о разного рода тревожных предзнаменованиях, и, конечно же, всегда находились свидетели, которые «своими глазами» видели или «своими ушами» слышали то, о чем со страхом передавалось из уст в уста.

К примеру, рассказывали, что на овощном рынке какой-то шестимесячный ребенок свободных родителей выкрикнул слово «триумф»; что на скотном рынке бык взобрался на третий этаж и, когда люди подняли крик, испуганный, бросился вниз; что на небе показались изображения кораблей; что в храм Надежды на овощном рынке ударила молния; что в Ланувийском храме в руке у богини шевельнулось копье. При этом свидетели и выпили всего ничего. Мало того, какой-то наглый ворон влетел в храм и сел на ложе богини. И глазенками так — зырк, зырк!

Говорили, что около Амитерна во многих местах показались призраки в белых саванах; что в Пиценуме шел каменный дождь; что в Цере сузились дубовые дощечки, по которым тамошние жрецы предсказывали будущее; что в Галлии волк выхватил у растяпы-часового меч из ножен и унес. Зачем часовому врать? Не пропил же он этот меч?

Опять же этот свежеиспеченный закон Архимеда. Если в ванну садишься — вода выплескивается. Не к добру это!

А в эти времена верить — означало не постоять на праздник в храме со свечкой. Верили истово. Власти Рима произвели ритуальное очищение города, совершали молебны, приносили посвящения и жертвы, от имени государства давались обеты, и это, в значительной степени успокоило людей.

— Слава Риму! — без конца повторяли граждане как автоматы.

В это же время главари Рима, предшественники "добрых отцов иезуитов", пытались просто убить Ганнибала, стоявшего на зимних стоянках в Предальпийской Галлии и разом закончить войну. Карфагенский полководец был мишенью, в которую летели все стрелы. Свиные грызуны мечтали провертеть каждый свою дыру в этом августейшем теле, которое и ядра от катапульт в десятке сражений не смогли поколебать. Много раз вожди племен подсылали к Ганнибалу убийц, и спасало его все то же галльское легкомыслие и безалаберность: падкие на посулы вожди легко, не задумываясь, вступали в заговоры и с одинаковой легкостью доносили друг на друга.

Впрочем, и сам Лев Карфагена оберегался как мог, постоянно меняя свою наружность: то появится в новом, никому не знакомом платье, то прикроет голову рыжим париком.

Так как флот Рима понес тяжелые потери, то в этом году готовились спустить на воду полсотни новых кораблей. В том числе тридцать больших пентер. Зимой заготовили множество древесины и весной, после просушки, корабельщики готовились рьяно взяться за дело. Так-то римляне могли изготовить за год сотню боевых кораблей, в том числе шестьдесят пентер, но в этот раз поросшая лесом Северная Италия оказалась в руках врага. Карфагенские аванпосты или конные разъезды появлялись даже на северных окраинах огромного Этрuscoго леса, так что аппетиты римлянам пришлось урезать. Так как возле самого Рима кирпичные заводы весь лес уже сожгли. В других местах на пять, а то и десять километров от берега не уцелело ни одного хорошего дерева. Все срубили, стволы приволокли на длинные песчаные пляжи, для переправки на верфи.

Кроме того, в Остии, где находилась главная верфь Рима, действовала небольшая группа нанятых Малхом греков. Зимой они портили по мелочи на верфях, иногда поджигали

склады, но в основном собирали информацию. Все сплетни и слухи в кулуарном режиме стекались в остийский дом почтенного купца из Керенаики, а потом с оказией оказывались у Малха. В теплый же сезон, эти греческие ныряльщики под водой подплывали под днища военных кораблей и ножом расшатывали щели между досками, чтобы обеспечить протечки. Так что на верфях еще хватало сложностей и с ремонтом военных судов.

Кроме всего вышеизложенного, новые консулы Сервилий и Фламиний проводили в самом Риме очередную мобилизацию новых контингентов и организовывали ополчение союзников. Даже от сиракузского царя Гиерона они потребовали помощи и тот прислал им 500 критских наемников и 1000 легковооруженных "пельтастов". Запасы продовольствия римляне сосредоточили на севере, в Аримине и в Этрурии, явно намереваясь там преградить дорогу карфагенянам на юг.

После очередного известия, что у кого-то "куры превратились в петухов, а петухи в кур", Сенат, во главе с консулом Гнеем Сервилием, постановил совершить новые умиловительные жертвы и посвящения, моления и праздники. В особенности интересно, что в городе непрерывно, день и ночь, устраивались сатурналии — празднества, которые должны были напомнить о «золотом веке» и выявить единство римского народа независимо от общественного положения и сословной принадлежности.

Однако были в Риме и другие причины для беспокойства. Честолюбивый и амбициозный Фламиний начинал свое консульство в обстановке резко обострившейся борьбы вокруг «закона Клавдия». Консул опасался, что ненавидевшие его сенаторы под каким-нибудь предлогом помешают ему уехать из Рима и, предварительно отправив Семпронию приказ перевести войска из Плаценции в приморский Аримин — а по жребик Фламинию достались именно эти легионы, — сам почти тайком покинул город и, не совершив обычных религиозных церемоний, отправился на север. Приняв под свое командование войска, он, по горным тропам, повел своих солдат в Этрурию.

Само собой разумеется, что явное пренебрежение Фламиния к римской государственной процедуре, и в особенности к сакральной обрядности, составлявшей ее неотъемлемую и важнейшую часть, дало хороший материал для враждебной ему senatorской пропаганды. Мол, за такие вещи моральный расстрел с конфискациями положен. К неуправляемому консулу даже отправили послов, людей грубых и невежественных — Квинта Теренция и Марка Антистия, с требованием вернуться и проделать все необходимое, однако Фламиний не обратил на их речи никакого внимания. Помимо враждебных отношений с сенатом и полной моральной невозможности для него подчиниться каким бы то ни было капризным требованиям сенаторов, Гай Фламиний просто не мог терять попусту время. Он должен был срочно преградить Ганнибалу дорогу в Центральную Италию.

Но еще до этого момента флотилия Кирилла нанесла первый удар. Эскадра Лала-Зора из восьми драккаров, трех брандеров, одного купеческого судна, оборудованного пушкой, а так же трех десятков больших челнов союзников из иберийских племен, ядром которых оставались константаны, темной ночью наведальась в западно-галльский Нарбон. И уничтожила там десяток римских пентер и около десятка военных кораблей греческих союзников, совершенно не ожидавших нападения. Кроме того, были разграблены и сожжены или угнаны полтора десятка торговых "купцов".

После чего Лала-Зор еще наведалься и в порт Мессалии. Здесь дело пошло гораздо хуже — римляне уже были начеку. Карта так легла. Как обычно, противники оказались

отважными и опытными бойцами. Кроме того, в этом порту скопилось более двух десятков огромных боевых кораблей, что карфагенскому триерарху было явно не по зубам. Лала-Зор сумел спалить только две сторожевые пентеры и несколько рыбацких лодок из оцепления. После чего всей его флотилии пришлось спешно улепетывать, скрываясь во мраке ночи. Днем, рассыпавшаяся римская эскадра обнаружила суда Лала-Зора, но пока римляне собирались, у них было уничтожено еще три пентеры.

После чего, драккары ушли, уводя преследующих их римлян от пушечного корабля и стругов иберийцев. Впрочем, за купцом и двумя оставшимися десятками иберийских челнов ринулись пять легких мессалийских триер. Галеры уничтожили десяток челнов иберов, потеряв при этом от огненных стрел всего один военный корабль. Кроме того, римляне сдуру потопили еще два угнанных в Мессалии иберийцами купеческих корабля из четырех. А вот еще одному якобы мирному "купцу", удалось пушечными выстрелами повредить атаковавшую триеру и, увернувшись от тарана, засыпать ее горшками со взрывчаткой и дисками с нефтью. Когда вторая триера запылала костром, обеспокоенные мессалийцы решили не искушать судьбу и отошли. Лала-Зор же, с непревзойденным мастерством вымотав гребцов противника, снова легко оторвался от преследования и сумел прикрыть отход остатков своей флотилии в Барселону.

Этот дерзкий налет сумел сорвать готовящуюся высадку десанта на Корсику и Сардинию. Римляне, сохранившие на самом западном участке Средиземноморья всего 35 пентер плюс союзную мелочь, стали тихими. Они ограничились патрулированием южного галльского побережья и морской блокадой Лигурии, чтобы не допустить получение Ганнибалом подкреплений. Это с их точки зрения было гораздо важнее, чем бодаться с пиратами, доставляя легионеров на острова. Плохой опыт перевозок пехоты у них уже имелся.

Так что Кириллу удалось зафрахтовать купеческие суда и перебросить на эти острова контингенты наемных иберийцев. Пусть теперь десантники римлян бегают по горам, их выковыривают.

Тем временем Ганнибалу в Предальпийской Галлии стало неудобно. Подкрепления и припасы из Испании или Карфагена к нему дойти никак не могли. Да и Карфаген упорно делал вид, что вся эта война — личное дело Ганнибала Барки. А у того взятая в поход казна истощилась. А наемникам надо было платить каждый месяц. Да и духом единым сыт не будешь. Галлы налоги не собирали. Чужую армию кормили со скрипом. Мол, оказанная услуга ничего не стоит, нас освободили — и валите себе дальше. У нас здесь свои порядки. Кроме того, постоянные покушения на жизнь карфагенского командующего изрядно раздражали. Бардак он и есть бардак. Даже племенной.

Да и климат тут был для Ганнибала не очень подходящий. От такой промозглой зимней погоды почти все слоны передохли. И горные лыжи Лев Карфагена не любил. Как и прозябать под крышей жадной мелочи. Одолевали грызуны, блохи и клопы. Короче говоря, полная безысходность. Поэтому он всей душой рвался в более цивилизованные места, на юг, где можно собирать налоги и платить жалование своей армии наемников. Полководец даже совершил преждевременный старт.

На юге, в Этрурии, уже стоял по фронту беспокойный Фламиний со своими четырьмя римскими легионами. Два из тех, что он получил в наследство от Семпрония и два из свеженабранных. Итого двадцать тысяч человек. А если прибавить к ним союзников, присягнувших Риму на верность, то набирается все сорок. Солидная сила. Ублюдок на

ублюдке. Настоящее итальянское отребье. Терять им было нечего, а приобрести они могли весь мир.

У Ганнибала было сорок пять тысяч разноплеменного войска из наемных варваров. И даже "пиррова победа" для него была равносильна поражению. Так как у римлян оставалась еще в запасе армия консула Сервилия. Прибытие которой ожидалось на днях...

Дело приняло исключительно опасный оборот. Поэтому карфагенский полководец в начале марта пытался прорваться в обход через Апеннины. Но пришлось вернуться, в горах погода была не фонтан. Дождь да дождь, лил как из ведра, реки и ручьи вздулись, все тропинки развезло. Гром и молния продолжались непрерывно, так что казалось, будто наступило светопреставление. Пехота должна была идти гуськом, по узким, отвесным тропам, скользким от дождя и вечного тумана. Вся дорога стала настолько скользкой, и уже невозможно было идти по ней; лишь только кто поскользнется, то падает в грязь и летит вниз, где камни были столь остры, как ножи.

Второй раз дело прошло успешно. Ганнибал, найдя хороших проводников, желая испытать судьбу, с величайшей осторожностью рванул через непролазные болота. Казалось, карфагенянам были преграждены все дороги, ведущие в Этрурию, и можно было спокойно ожидать их появления, чтобы дать сражение на подступах к этой стране. Однако внезапно до консула Фламиния, проявлявшего крайнюю бдительность, дошла потрясающая весть: Ганнибал уже в Этрурии!

Но были и минусы. Обходной маневр карфагенской армии вышел на редкость тяжелым. Колонна шла, увязая в болотной грязи, преодолевая волны разлившегося Арна, почти не останавливаясь, четыре дня и три ночи. Воины были все измучены, мокрые, в грязи и поту. Дождь то переставал, то опять начинал, ни зги не видно, ноги то и дело скользят и обрываются, тяжелая ноша и липкая одежда мешает и тянет в холодную воду. Но раздумывать было некогда.

Люди двигались уже как автоматы. Ни у кого не осталось сил, чтобы говорить. Особенно страдали галлы, не очень привычные к трудностям походной жизни. Одни еле передвигались по вязкой тине, падали рядом с издыхающими вьючными лошадьми и уже не могли подняться; другие ложились на поклажу или на трупы животных, ища места, где можно было бы передохнуть хотя бы несколько часов. Так истомлены были эти люди, что грезили о смерти, желая избавиться от подобных мучений.

Сам Ганнибал ехал на единственном оставшемся у него после зимовки слоне. Из-за сырости, ядовитых болотных испарений, бессонницы, у него воспалились глаза, и это привело в конце концов к тому, что он потерял один глаз. И стоило ли оно того?

Возможно стоило... Если бы неукротимый Ганнибал чуть-чуть промедлил, то обе консульские армии бы соединились и одолеть восемьдесят тысяч легионеров стало бы практически невозможно.

Надо было бить врага по частям. Пока дурашливый второй консул Сервилий проводил бесконечные обряды в римских храмах, и его легионы еще не прибыли в Этрурию, Ганнибал решил уничтожить армию Фламиния, заманив ее в засаду. Местность у Арреция карфагенский полководец не счел удобной для боя и, оставив лагерь противника слева, двинулся к Фесулам, а потом демонстративно пошел, не встречая никакого сопротивления, прямо по направлению к Риму, разоряя и уничтожая мирное население, сжигая дома и хозяйственные постройки.

Разъяренный Фламиний с отчаянной отвагой бросился вслед. Увидав, что войска

Фламиния приближаются, Ганнибал, избрав для сражения гористый район неподалеку от города Картоны, возле Тразименского озера, велел своим солдатам изготавиться к бою. Армия Карфагена была ужасно измучена трудным переходом, однако в этот день, потрясающий воображение, оказалось то, что храбрость солдат и тактические умения полководца значат больше, чем превосходство римской военной техники и дисциплины.

Фортуна помогает храброму. Горячий нравом консул прямиком угодил в организованную засаду. Вляпался всеми лапами. 36 тысяч пехотинцев и четыре тысячи всадников постепенно втянулись в покрытую туманом долину. Страдающий от болезни Ганнибал дал сигнал своим частям к одновременному внезапному нападению. Усталость, голод, болезни и раны были, казалось, забыты, и солдаты, ни секунды не колеблясь, продемонстрировали поистине сверхчеловеческую отвагу. Необычайно ловкие карфагеняне сбежали вниз, и римляне, шедшие в густом тумане, услышав крики противников, поняли, что окружены. Но они даже не могли ясно представить себе, что происходит. Их атаковали одновременно и с фронта, и с тыла, и с флангов.

Попытки самонадеянного консула построить солдат для сражения ни к чему не привели: воины не слышали приказов; многие пытались бежать. Карфагеняне взяли противников в кольцо, и уже никто не мог оттуда выскользнуть. Люди сталкивались, давили друг друга, и многие погибли в давке. Но битва приняла такой ожесточенный характер, что сражающиеся не заметили даже страшного землетрясения, которое началось в это же время...

Сам консул, "победитель инсумбров", символично погиб от увесистой руки проявившего неслыханную смелость инсумбра Дукариома. После этого римляне обратились в паническое бегство. Никакого строя уже не было. Каждый был озабочен только спасением собственной жизни. Иные легионеры безрезультатно пытались спастись вплавь или заходили в озеро, пока было можно, и там гибли под ударами всадников Ганнибала.

Только 6000 римлян сумели вырваться из этого ада, но вскоре были настигнуты и окружены карфагенской конницей, которой командовал Махарбал. Он обещал, что эти римские солдаты будут отпущены на свободу, если сдадут оружие, и римляне сдались в плен. Однако Ганнибал заявил, что Махарбал не имел права давать противнику какое бы то ни было обещание, приказал заковать римлян в цепи и отдал их под стражу галлам. Отпустил он только латинян — союзников Рима, снова повторив то, что говорил много раз: он пришел воевать не с италиками, а с римлянами за освобождение Италии.

Римские тела лежали на земле в три слоя. На этом фоне потери карфагенян составили где-то две тысячи человек. Плюс — минус сотни три.

Сумели убежать только тысяча римских всадников. "Те кто выжил в катаклизме — пребывают в пессимизме." Но главное было то, что все хорошие римские полководцы к этому моменту оказались уничтожены. Абсолютно все. Сципионы скопом, Флавий и Фламиний. Остались в наличии лишь второсортные идиоты. Правда, расслабляться было еще рано. Исходя из теории вероятности, цепь дураков не может быть бесконечной. Рано или поздно найдется какой-нибудь умник.

Кроме того, благородный Ганнибал, из политических соображений, взял глупую моду просто отпускать римских союзников из плена. Таким макаром, за 17 лет войны, в реальной истории он будет ловить и отпускать некоторых ловкачей по десять раз. Так что, к изумлению римлян, скоро к ним пожаловали отпущенные 3,5 тысячи италиков. Основа для нового легиона.

После сражения у Тразименского озера обстановка кардинально переменялась. Кириллу стало понятно, что высиживать в Иберии уже нечего. Сейчас римляне не только не полезут в Таррагону, а проигнорируют и Корсику с Сардинией. Еще бы — враг у ворот Рима! Надо спешно плыть в Италию, а то Ганнибал бездарно такой прекрасный шанс профукает.

Но оставался вопрос с римским флотом. Он же не пропустит! Так что собрали по сусекам все, что есть. Десять драккаров, десять брандеров, пять грузовых судов, два из которых, наиболее быстрых и вертких, были оснащены большими пушками. Остальные три планировалось использовать как плавучие мобильные базы. И ринулись на врага.

— Радуют скитальца морского, лишь чаек крик, лишь зов баклана... — "морские короли", с мозолями от весел, дружно запели песню. — Несет ладьи из синевы безбрежной, домой, как чайку на родной утес.

Ветерок чуть-чуть веет на безбрежной глади моря, ласково освежая лицо и открытую грудь моряка. Облака, на фоне синего неба, группируются чудными узорами.

Для начала быстрые драккары обнаружили и уничтожили четыре римских пентеры и три триеры, патрулирующее побережье. Велик был урон врагов, но и неприятель показал себя храбрецом. Нефть, селитра и древесина пробкового дуба Испании позволяли Кириллу иметь корабли, обеспечивающие его превосходство на море.

Затем эскадра Лала-Зора в наглую, днем, опять наведальась в великолепную естественную бухту, где располагался порт Нарбона и там зачистила одну пентеру, три триеры и разную мелочь, которую туда опять подтянули римляне.

Дальше настала очередь Мессалии. А там скопилась эскадра из пятнадцати пентер, "плавучих крепостей", и восьми триер. И римляне снова оказались готовы к бою. Началась морская битва, страшная, не поддающаяся описанию.

Ночное сражение проходило под диктовку финикийского адмирала. Атаковав драккарами парочку сторожевиков, он затем ловко подставил под удар вражеских пентер свои брандеры. Скоро дюжина судов противника пылали кострами в водах залива. Такой коленкор римлянам не понравился, они стали держаться на дистанции, оставив свои попытки тарана и abordaja. Тут даже у собаки Павлова уже инстинкт образуется. Но хитрому финикийцу только это и нужно было. Работали пушки. Летели огненные стрелы, керамические диски с нефтью. Горшки с взрывчаткой- запущенные метателями молота.

Особенно римлянам не понравилось, когда их ответный слабенький дождь из огненных стрел почти не вызвал никакой реакции. Горело как-то совсем тоскливо. Ели-ели, так что финикийские моряки с их низкими бортами забортной водой все сразу тушили. А вот почему-то на римских кораблях подобные же стрелы все зажигали просто прекрасно. Особенно если нефтью плеснуть. После того как у истерзанных римлян загорелось еще пять кораблей, остальные бросились к пристани. Чтобы смыться.

Экипажи может и сбежали, но вот сами корабли Лала-Зор все равно сжег. Вместе с большей частью рабов. Итого: 23 судна- три с половиной тысячи рабов уничтожено. А такую ораву сразу не найти. Даже если плотники новые суда построят, то комплектовать их неким будет. Да и почти две тысячи человек экипажей и морских пехотинцев- потери серьезные. Тем более, что у карфагенских моряков погибших было сотни три, плюс четыре сотни раненых.

После того, как греческие колонии в Галлии были наглядно вразумлены, кто тут хозяин, Лала-Зор, пополнив запасы на плавучих базах, на шести драккарах еще прогулялся до самой Генуи. В результате еще шесть гребных галер противника, среди которых были четыре пентеры, отправились в пекло. Оставшийся десяток римских кораблей бежали на юг без оглядки. Италия, Сицилия и греческий Прованс... И в ваших жилах тоже есть огонь! Несумнице-Фортуне все время не до Вас! Ведь есть ещё на свете... Ведь есть ещё на свете... Ведь есть ещё на свете — испанская Гасконь!

После чего, подремонтировав суда и пополнив запасы, флотилия Лала-Зора стала сопровождать эскортом двенадцать грузовых судов Кирилла, что перебрасывали его отряд в Лигурию. Всего собиралось высадиться на землю Италии пятьсот человек, из них 450 воинов. Кажется немного, но и это было подвигом. Предприятие было дерзко-опасное.

По дороге, в масляных водах Лигурийского моря, их караван атаковала римская эскадра и четырех пентер и трех триер. Беда! Драккарам Лала-Зора уже нельзя было бежать, так что один из драккаров героически погиб, отражая нападение. К счастью, большие пушки сказали свое веское слово, напугав противника. Римляне отошли, потеряв при этом наскоке за один корабль Карфагена четыре своих. Вот уж действительно: "Корабли лежат разбиты, сундуки лежат открыты..."

И на следующий день после этого морского сражения Кирилл высадился в Генуэзском заливе. Усеянного базами ловцов осьминогов. Где под шум прибоя — плещет море...

Помимо осьминогов, туземцы едят тюленей, китовое мясо и корни; лигуры одеты в шкуры и вооружены острыми пиками. Здесь правили жестокость и звериные законы.

Разгрузились, подарили надменным лигурийским вождям, потомкам древних королевских родов, подарки. А деньги у Кирилла, в отличие от Ганнибала, были. И много, в двух сундуках хранилось около полумиллиона серебряных монет. Наш юный полководец мог озолотить любого одним мановением своей руки. Так что Кириллу с ходу удалось нанять еще пятьсот воинов, свирепых по своей природе, людей с лицами, как у разбойников с большой дороги. За военное искусство этих громил называли Кормильцами воронов. Этих лигурийских наемников молодой командир оплачивал из своего личного бюджета и они сохраняли ему верность, прямо пропорциональную получаемым суммам.

Лала-Зор отплыл обратно на Балеары, пополнять свой флот и бороться с римскими кораблями в этих водах. Если борьба будет успешной, то через месяц сюда же прорвется и вторая флотилия.

Молодой полководец нанял еще лошадей и мулов а так же подводы для своих грузов и по Змеиной тропе направился в землю бойев. Надо же разобраться в Пьяченцей. А то какой-то конфуз получается. Крепость врага посредине Свободной Галлии. Конечно, карфагенский испанец без меры горяч; осады ему не по нраву; ему куда как любо врубаться в ряды врага и гнать его до самой гибели.

Во время перехода воины все время спали одетыми, с оружием в руках; не дремали и посты и патрули. Возможна была измена, римляне легко могли подкупить кого-либо из галльских вождей, чтобы напасть на этот небольшой отряд ночью. Споры и распри составляли неотъемлемую часть кельтского мира. Даже собаки здесь охотились на кошек, которые смело бросались в драку и молниеносно исчезали с поля боя. Пушек с собой контрактники не взяли, так как чтобы тащить нынешние корабельные орудия, дуло которых можно прекрасно использовать в качестве будки для собак, по бездорожью, требуется запрячь в каждое тысячу пар волов, а такое количество тяглового скота просто невозможно

набрать среди местных диких племен.

Бойи тоже встретили Кирилла радушно. Он же за все платил. И хорошо. Укрепляя взаимное доверие на столь прочном основании. Переговоры Кирилл вел таким тоном, будто от лишь от него зависит гибель или спасение данной страны! Без магии у кельтов не обойтись, поэтому различные фокусы с химическими реактивами и театральным реквизитом, заставили дремучих галлов поверить, что перед ними воочию посланец богов. И туземцы стали "шелковыми".

После доверительной беседы с авторитетным вождем Магалом, малым страшной силы договаривающиеся стороны разработали план дальнейших действий. Бурлящая кельтская кровь, передававшаяся из поколения в поколение, требовала восстановления справедливости любой ценой. Так что бойи, в союзе с инсумбрами, собирали армию в десять тысяч человек. С пиками, мечами, дубинами, серпами и вилами. Кирилл поочередно даст им войти в каждый из городов. Затем уйдет на юг, а бойи позволят нанять ему пару тысяч удальцов. И привлечь охотников из прочих племен. Вот и сговорились. Скрепив свой союз поцелуями идола власти.

— Да придут со мной сила волка, отвага ворона, легкость воздуха, мощь земли и крепость камня! Я — морская волна, я — горный ястреб! — звучали слова клятв.

Роли распределены были до точности: к кому перейдет командование, кто на что будет назначен, как будут распределены захваченное золото, кони, мулы, весь скарб.

— Ненавидим мы римлян, а римляне — нас, все римляне — обезьяны, гной течет из глаз, — с приятной фамильярностью просветил Кирилл своих новых союзников насчет "политики партии".

— А то! — отвечали довольные галлы.

— А кто пойдет со мной на юг, тем обещаю: земля всем. Поместья, рабы, женщины — мужчин не останется. Говядина, баранина, свинина — каждый день. Охотиться повсюду, собственные гончие, собственные лошади. Вдоволь меда и вина, чтобы не просыхать до конца жизни...

— Любо!

— Как же приятно иметь дело с умными людьми!

После этого, Кирилл разослал гонцов по всем окрестным местечкам с приказом быстро изготовить 5000 медных наконечников для стрел, и некоторое количество железных и вырезать из дерева столько же стрел, все по прилагаемым испанским образцам; через неделю уже заказ был выполнен, и воины ЧВК заимели более 10 000 стрел, даже лучших, нежели стандартные испанские. Карфагенские арбалетчики и лучники немедленно стали их оперять и целые дни проводили в стрельбе в цель.

Пока галлы собирали ополчение, Кирилл перебросил три с половиной сотни своей легкой пехоты под стены Пьяченцы. Нельзя, чтобы римляне скучали. Пороху и припасов с собой взяли изрядно. Не забыли захватить с собой и большое стадо свиней, чтоб в дороге не было недостатка в свежем мясе.

По прибытии наш парень начал терзать поселенцев. А когда из города, расположенного посреди цветущей плодородной долины Ломбардии, вышла когорта из тысячи легионеров "Первого Итальянского", то Кирилл приветствовал появление этих потенциальных самоубийц насмешливым возгласом:

— Авэ, Цезар, моритури тэ салутант! (Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!) Похоже, что еще не все дураки вымерли.

Немного выманив вражескую пехоту подальше от города, по ней, по старой доброй традиции, с большой слаженностью отработали двадцать арбалетчиков. А к ним десять "ручниц". Тут же подключилась сотня лучников, что били без промаха, затем шесть десятков пращников с свинцовыми гранатами, отважных и опытных бойцов. Когда же движение неприятеля немного застопорилось, то крушить отряды врагов включились метатели дисков с нефтью, гранатометчики с оловянными флягами и метатели молотов с взрывчаткой. Похожим на нахохлившихся куриц легионерам сразу поплохело и они раздумали наступать. И остановились.

Для того, чтобы таким образом действовать в битве с стрелками, итальянцы, любители спелых оливок, должны были обладать куриными мозгами и небывалым невезением.

И смертоносная карусель продолжалась. Для местных легионеров бой был отчаянный, небывалый. Убито было великое множество римлян, но ряды их все вновь смыкались. Но всему есть предел. Да и чудак бы был тот, кто при таких обстоятельствах не помышлял лишь о себе и своем собственном спасении.

— Спешите назад! Спешите! Иначе никто из нас не избегнет смерти! — кричали солдаты Рима, пораженные ужасом.

Мало чести принесла им эта битва! В город обратно зашло не больше половины первоначального состава. И многие из них были ранены. Так римляне в Пьяченце сразу поняли, что больше никто в "цацки-печки" с ними играть не будет. Тут дело намного серьезней. Лафа для вонючих любителей коз закончилась. Окончательно.

Но жители осажденного города не унывали.

— Берегите запасы! Умрем, сражаясь! Ни слова о сдаче и мире! — пылко заявляли они.

В античности привыкли реально смотреть на смерть. Война уже унесла много жизней, но ведь смерть приходит со временем к каждому. Мало кто сейчас жил долго. Одно дело — сгнить заживо от отвратительной болезни, или даже умереть от дряхлой старости, и совершенно иное — отдать жизнь во имя славного дела. Совершить это в расцвете юности — значит возвыситься духом, пойти на своего рода мученичество.

В Риме мужество является истинной добродетелью. И слава приходит к людям, которые хранят веру в их дело. Можно вспомнить историю Курция. Когда в Риме, на Форуме, образовался провал, и осыпь начала расползаться, грозя завалить здания, то народ обратился к жрецам с резонным вопросом: "Что делать?" Жрецы, обладающие здравым смыслом, ответили, что надо делать фундамент.

Но герой Курций решил не упускать свой шанс, чтобы прославиться. Он рьяно всем принялся доказывать, что жрецов поняли неправильно и их ответ истолковали превратно. Что такое фундамент в Риме? Всем известно, что это люди! Герои, как Курций. Поэтому он, верхом на коне в доспехах и при оружии, явился к провалу и бросился вниз. Чем прославился вовеки. Обвал же самоликвидировался, дойдя до ближайшего храма и обрушив его, автоматически заделав яму камнями. Вот с такими фанатиками тут приходится иметь дело.

Римляне были заперты в городе как клоп в бутылке. Пьяченце было от силы года два, укрепления тут были не очень. Стационарный военный лагерь, который пару лет старательно укрепляли. Больше валы, глубже ров, выше и крепче стены, из двух рядов кольев с утрамбованной землей между ними. Широкий ров со стоячей водой издавал отвратительный запах. При этом глубина рва с водой была такой, что вооруженный человек не мог преодолеть его вброд. Для варваров — солидно. Но не для Кирилла. Очевидно, из часов, отмеряющих время для колонистов из Рима, уже вытекает последний песок.

В это время дошли новости от Ганнибала, действующего еще не так уж далеко отсюда. Лев Карфагена легко разбирался со вторым консулом Сервилием. Тот все-таки, наконец, добрался на войну. Беды он не ждал ни с какой стороны, а беда, тем не менее, пришла. Когда Гней Сервий Гемин, гордо щеголяющий в пурпурном плаще, получил в Аримине известие о том, что Ганнибал находится в Этрурии и расположился около лагеря Фламиния, первым его намерением, было соединить свою армию с легионами коллеги и противопоставить Ганнибалу "всю мощь римского оружия". Однако он не смог это сделать «из-за тяжести войска».

Предлог явно надуман. О подлинных мотивах Сервилия можно, конечно, только догадываться; думается, что решающую роль здесь сыграло фактически нежелание Сервилия, ставленника аристократических кругов, оказать действительную помощь Фламинию, вождю демократического движения. Однако оставаться абсолютно бездейственным Сервий тоже не мог и поэтому отправил в помощь к Фламинию четыре тысячи всадников в богатых доспехах, под командованием пропретора Гая Центения. Каждый римский кавалерист, разумеется, был уверен в предстоящем полном уничтожении зарвавшихся карфагенян!

Узнав, что произошло у Тразименского озера, Центевий резко повернул в Умбрию. Тем временем Ганнибал, прирожденный военный гений, получив известие о новом противнике, сразу же отправил против него Махарбала с отрядом легковооруженных копейщиков и некоторым количеством нумедийских конников. Как известно, всадники у римлян никакие, они оказались лёгкой добычей. К тому же, неуверенная посадка и багровые лица наездников "Вечного города" говорили о том, что в пути они не раз вдоволь угощались крестьянским медом и вином.

Настигнув противника, воины Махарбала уже в первой стычке перебили около двух тысяч римлян, этих богачей вечно отдыхающих на плантациях-латифундиях, а остальных лишили лошадей, загнали на какой-то холм, окружили и взяли в плен. Начало для консула было явно обескураживающее. Еще не ввязавшись в бой, он уже потерял всю свою кавалерию!

После этого случая единственный консул, пуганная ворона, временно утратил всякий интерес к войне и решил не мешать Ганнибалу. Предусмотрительный Гней Сервий Гемин стал тише травы и осторожнее суслика. А то мало ли как дело повернется. Свое здоровье дороже!

Оказавшись с развязанными руками, Ганнибал собрал совещание на тему: "Что делать дальше?" На Рим пока решили не идти, все же сорок три тысячи человек не могут штурмовать город, в котором будет укрываться пятьдесят тысяч воинов и ополчение. Решили пока потратить время на укрепление итальянских позиций своей армии и на поиск союзников.

Лев Карфагена победоносно двинулся через Умбрию к Сполетию; опустошив поля вокруг этого города, он подошел к его стенам, но, натолкнувшись на сопротивление и не имея намерения тратить время на осаду, отступил и двинулся в Пиценум, где простоял несколько дней, а оттуда к побережью Адриатического моря и далее в Апулию.

Но почему-то итальянцы не спешили отпасть от Рима и приветствовать "освободительную" армию Ганнибала. Никто его "хлебом-солью" не встречал. Напротив, день и ночь готовится оружие, строятся укрепления, свозится в крепости провизия. Такой крах своей "итальянской политики" великого полководца не обрадовал. Более того, он впал в ярость. Тактика "бархатных перчаток" сменилась на тактику "жесткой руки". Не хотите жить

мирно? Как хотите!

Теперь на своем пути Ганнибал беспощадно грабил и уничтожал местное население. Очевидно, после Тразименского озера Ганнибал на какое-то время усомнился в возможности привлечь на свою сторону италийских союзников и решил прибегнуть к старой и доброй тактике «выжженной земли», чтобы запугать потенциального неприятеля. Он отдал приказ убивать всех взрослых мужчин, которые встречались его солдатам. Добычи захватили так много, что ее уже не могли нести за собой, и это удесятерило силы пунийских наемников, заставляло их рваться к новым сражениям. Заодно Ганнибал закрыл все свои долги перед солдатами. Даже заболевших лошадей и людей, чтобы избавить от парши и прочей коросты, купали с благородным старом вине. И помогало!

Тем временем, Кирилл довольно быстро разобрался с Пьяченцей. Консул Сервилий сбежал с армией, чтобы защищать Рим, так что римские колонии на севере были обречены. Подъемного моста перед воротами не было, так что ров здесь прерывался. Ночью, арбалетчики Кирилла подавили часовых на ближайших башнях, а саперы, под прикрытием больших дощатых щитов "павуа", подкатили к воротам большой бочонок с порохом. И убежали обратно. В это время галлы в темноте задрапировали себя ветвями и, подобно лисам и ласкам, неслышно подползли к стенам города.

Взрыв дьявольской мощи вышиб ворота как пробку из бутылки шампанского, а взрывной волной римских воинов побросало с башен вниз. В город, подобно изголодавшемуся волкам, устремились ревущие полчища галлов. Контрактники Кирилла сопровождали их, чтобы подавить очаги сопротивления. Началось ужасное побоище. К полудню Пьяченца была сожжена и превратилась в пепелище, где не осталось никого, кто мог бы раскрыть рот и произнести звук. Прямо скажем, это была не самая грандиозная битва в истории человечества.

Далее настала очередь Кремоны. Там все было проделано аналогично. Римские стены и башни были уничтожены, словно растопленный воск. Подобно умирающим от голода медведям, пробравшимся в овчарню, галлы с дикими глазами носились по городу. Кельтские воины с воем взламывали двери и врывались в жилища, чтобы намертво сразить отчаявшихся мужчин, а затем поразить клинками и женщин. Следом последовали Мутина и Таннет. И снова полный успех.

А это все были не хухры-мухры, не какие-нибудь городишки союзных италиков. Нет, это были поселения, основанные на завоеванной территории поселенцами из самого Рима. А это значит что? К почти пяти тысячам охранявших их солдат, прибавим десять тысяч славящимся своим высокомерием римских граждан (не считая женщин и детей), в том числе 6 тысяч потенциальных "мобилов". В итоге двух полноценных легионов недосчитаются римляне.

А потеря людей сродни полученным в бою ранам, только раны армии лечатся закрывающим брешь свежим пополнением, подобным шраму, который защищает находящуюся под ним плоть. Без возможности обновления римская армия, как и отдельный солдат, умрет от ран, а ее жизненную силу впитают плодородная земля Италии.

После того, как Кирилл разобрался с Кремоной, Плаценцией, Мутиной и Таннетом учитывая, что Генуя и Верцеллы уже были в руках лигуров и галлов, на севере оставалась только одна греческая колония Аквилея. Но она была приблизительно на месте Триеста, то есть фактически на границе с Иллирией. А ту глушь тащить было не с руки. Особенно когда под носом маячили Лука, Болонья, Пиза и Флоренция. Более лакомые куски. Ибо не

хрен всяким самоуверенным зодчим городить "падающие башни". У нас они быстро завалятся, как миленькие.

Как победить Рим и захватить Италию? Рецепт прост. Гуманизм Ганнибала, отпускающего римских союзников, не сработает. В своем большинстве они останутся верны Риму. Так как и с римлянами Ганнибал будет вести себя по-рыцарственному. Странно, римляне просто прирезали его отца как собаку, как и дядюшку Гасдрубала, а он перед ними такие реверансы разводит. В чем смысл такого благородства? Утопия, милостивый государь. Когда имеешь дело с подобными убийцами, не для чего надевать дворянские перчатки.

Вот не спалил Ганнибал в прошлой реальности поместье Фабия Максима, и отпустил под честное слово римских пленных домой на праздники. И? Римляне только посмеются, пленные якобы случайно вернутся в лагерь, едва выехав, чтобы формально исполнить свою клятву. В результате Фабий просто продал поместье и заплатил карфагенскому военачальнику выкуп. И поместье останется целым и римляне живыми и здоровыми, чтобы воевать снова, а Ганнибал лишь получит немного денег. В то время как гораздо лучше, напротив, менять серебро испанских рудников на жизни римлян.

Нет, надо идти другим путем. В истории уже есть рецепт победы в Итальянской войне. Его предложил Нарцесс. И война, которую Велизарий долго и утомительно вел в Италии две десятка лет, моментально закончилась всего за два месяца. Велизарий тоже вел войну с готами по-рыцарственному, верил их обещаниям. В результате, покоренные воины оставались живы, здоровы и снова, и снова восставали. А Нарцесс, по-армянски просто предложил их вырезать. Как баранов. И все! Война закончилась! Победа! Даже армии сильно не пришлось мараться, постарались готские соседи итальянцы. И, применительно к подлости, перерезали основной контингент. Даже наплевав на собственных заложников. А остальные мирные жители сбежали к армии, полностью ее сковав и лишив маневренности.

Так что Кирилл просто договорился с Магалом и другими вождями галлов и лигуров, чтобы они на своих землях вырезали римских колонистов. Впрочем, их тут и так не осталось.

А молодой полководец, к которому присоединились две тысячи галлов, так что его войско достигало теперь три тысячи человек, оставляя за собой дым и пламя сожженных городов, отправился в Этрурию. Разбираться: за кого вы, деятели древней культуры? За римских грабителей и убийц или же за нормальных людей? А если вы будете продолжать лизать ноги римским собакам- тогда не обижайтесь, другие итальянцы с удовольствием заберут ваши поля и леса, ваших женщин и приспособят вас как рабов. Желаящие всегда найдутся. Политика "разделяй и властвуй" работает в обе стороны, а никого так не ненавидят, как ближайших соседей. Так что думайте! Шутки кончались! Как говорится: "Идет прямо только тот, кто идет просто." Начал войну — воюй до конца.

Новые союзники вполне разделяли такие воззрения Кирилла, дикари, подбадриваемые грозными пророчествами, охотно присоединялись к нему в поисках славы и добычи. Преимущественно это были крепкие воины, в основном вдовцы с детьми, многие из них были покрыты шрамами, и мало кто мог похвастаться всеми зубами. Так тянулись за ним эти ватаги, точно стаи хищных птиц, следовавшие в Италии за войсками, чуя богатый корм на полях битвы.

А в это время офигивающие от происходящего римляне убедились, что консул Сервилий совершенно бесполезен. Что он есть, что его нет, разницы никакой. Сервилий явно был не был способен «управлять чем-либо более крупным, чем провинциальное поместье». Даже в самом Риме деятельность консула по поддержанию правопорядка была совершенно

незаметна. Наступил полнейший хаос. Толпами прибывали беженцы. В городе значительно увеличилась преступность. Одиноких женщин могли изнасиловать даже днем. На египтян и финикийцев стали нападать. Участились случаи гражданского неповиновения. Магистрату несколько раз приходилось призывать войска, чтобы предотвратить настоящие мятежи.

Опасность ситуации была ясна даже идиотам...

Поэтому, для противодействию разъярённому Ганнибалу, народ и сенат Рима выбрал себе единоличного диктатора. Им стал — Марк Минуций Руф. Это был хвастун и балабол обладатель козлиного голоса, но его пылко поддерживала аристократическая группировка. Так как это был мужчина из "хорошей семьи". Происходящий из рода, близкого к Эмилиям — Корнелиям. Последние события сумели уничтожить последние остатки совестливости некоторых членов Сената. Демократы предпочли заткнуться. Судьба демократического ставленника Фламиния, угробившего римскую армию, еще была слишком свежа в памяти народной. Теперь за подобные речи могли и побить...

Таким образом, все ненужные умствования оказались сведены к нулю. Воцарилась суровая диктатура.

Так что следующие полгода правление Римским государством должен был осуществлять Марк Мануций Руф, а затем его должны был сменить другие люди. Борьба продолжалась...

Больше книг на сайте - Knigoed.net